

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

9

1989

Еще несколько лет назад появление прокурора в трудовых коллективах воспринималось, как правило, в связи с каким-то чрезвычайным происшествием. Разумеется, такое нередко происходит и в наши дни. Между тем в условиях становления правового государства роль работников правоохранительных органов наполняется новым содержанием. Все чаще и чаще они выступают в роли пропагандистов действующего законодательства и новых нормативных актов, что, безусловно, является вкладом в экономические и социальные преобразования.

На снимке: прокурор Альметьевской районной прокуратуры Татарской АССР К. Спиридонов на встрече с членами бригады буровиков, которую возглавляет председатель совета бригады буровой мастер А. Хабибуллин.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 9 (225) СЕНТЯБРЬ 1989. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Говорят народные депутаты. Размышления о работе первого Съезда народных депутатов СССР 3

Будни блюстителей порядка. Беседа нашего корреспондента В. СТРЕЛКОВА с начальником Главного управления внутренних дел Ленгороблсполкомов генерал-лейтенантом А. А. КУРКОВЫМ 12

22

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

А. ПАНКОВ. Откровенный разговор, или как я не стал народным депутатом СССР 22

Н. КЕИЗЕРОВ. Право на инициативу 28

34

Комментирует пресс-центр МВД СССР 34

38

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ
С. АЛЕКСАНДРОВ. Дом для
министерства 38

48

Л. СЛОВИН. «Кара-Дори» —
«Черное лекарство». Хро-
ника одного расследования 48

65

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ
ДИРЕКТОРА 65

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ
В. ВЛАДИМИРОВ. Воору-
жен и очень опасен 66

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
В СЛАВИН. «Наводнение»
в квартире 69

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИ- КУМ	70, 128
От «А» до «Я»	
Самоуправство	71

73

СОБЕСЕДНИК

Сколько стоит свадьба в
Одессе? «Круглый стол» в
горисполкоме Одесского горо-
дского Совета народных
депутатов 73

А. ПЕРМИЛОВСКАЯ, Л. ВО-
ЛКОНСКАЯ. Дорога, кото-
рая не ведет к храму. О
проблемах сохранения па-
мятников деревянного зод-
чества 81

МИНИ-ДЕТЕКТИВ

Е. ИЩЕНКО Фальшивомо-
нетчики 88

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 21, 33,
70

С. УРАЗОВА. Капля яда в
напитке любви. Ирониче-
ские заметки 90

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З»
А. БОРИСОВ. Ни к чему
нам «перегибы» 95

97

В. ЧЕРНЯК, И. ГЕЕВСКИЙ.
Тридцать пятое сентября.
Повесть 97

123

ФЕЛЬЕТОН

В. ГАЛКИН. Гермесов узел 123

127

КРОССВОРД

Знаете ли вы право? 126

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ, С. И. БАБОШКО,

Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель
главного редактора),

В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),

И. Н. КУЗНЕЦОВ, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,

И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,

Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМИРНОВА,

А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,

А. М. ФИЛАТОВ, И. Ф. ШИЛОВ.

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление В. А. БУРКИНА

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ГОВОРЯТ НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ

Первый Съезд народных депутатов СССР приковал к себе внимание не только советских людей, но и всех стран мира. О работе этого всенародного форума много спорили. Одни высказывали удивление, другие — удовлетворение, третьи — неудовольствие. Это и понятно — такого размаха гласности и демократии мы еще не знали. И главное, для досужих домыслов и слухов места не осталось. Каждый мог наблюдать работу Съезда по телевидению, слушать по радио, читать стенограмму в газете «Известия». И хотя не все волнующие вопросы были решены так, как хотелось бы, а некоторые не рассматривались вовсе, несомненно одно: этот Съезд — самый серьезный шаг по пути политической реформы за все время перестройки. И надо реально смотреть на вещи: один Съезд, тем более первый, естественно, не может устранить все наши беды. Впереди большая работа.

Ну, а как же оценивают работу Съезда сами депутаты? Наш корреспондент побеседовал с некоторыми из них.

Г. ШАХНАЗАРОВ, член-корреспондент АН СССР, президент Советской ассоциации политических наук:

Процесс перестройки идет в нашей стране четвертый год. Это поистине уникальный случай, когда все советское руководство взяло на себя ответственность за ломку старой системы управления и переход к новой. Чтобы решить такую грандиозную задачу, нужны усилия не одного человека, пусть даже облеченного властью и полномочиями, а как можно большего числа людей-единомышленников.

Смотрите, что произошло. К 1985 году развитие командно-административной системы у нас в стране достигло своего пика. Сформировалось широкое убеждение: так дальше продолжаться не может. Тогда впервые и заговорили об ответственности партии. Однако не следует забывать, что все решения, связанные с перестройкой, принимались именно партией, с ведома Политбюро. Много ли история знает примеров, когда партия, обладающая всей полнотой власти, добровольно перестраивала политическую систему таким образом, чтобы передать многие свои функции другим институтам? А ведь именно это произошло на первом Съезде народных депутатов СССР.

Среди новаторских идей, прозвучавших на Съезде, мысль подчеркнутая в докладе М. С. Горбачева, что не может общее благо строиться на несправедливости, допущенной в отношении хотя бы одного человека. Здесь заложен основной принцип социалистической демократии: взаимная ответственность гражданина и государства.

Теперь о продвижении политической реформы. Первым ее этапом стали выборы народных депутатов СССР, созыв самого Съезда, создание Верховного Совета СССР. На втором же этапе предусматривается создание республиканских и местных органов власти, гармонизация межнациональных отношений. Тем самым будет завершено формирование обновленной структуры власти в стране.

Что же касается судебной реформы, то ее, на мой взгляд, не следует относить к какому-либо одному этапу. Она началась по существу уже тогда, когда были установлены важные гарантии независимости суда. Я имею в виду избрание судей высшестоящими Советами.

Однако еще важнее, чем формирование обновленной политической структуры, утверждение демократического режима деятельности органов власти и управления. Опыт показывает, что можно иметь превосходную структуру, которая остается лишь парадным фасадом для произвола и беззакония.

Что же здесь самое главное? Прежде всего политическая культура, которая у нас сейчас быстро нарабатывается. Некоторые считают, что в России вовсе не было политической культуры и мы начинаем на ровном месте. Это неверно. Политическая культура существовала на Руси со времен древнего Новгорода. Была и у других государств, располагавшихся на нашей огромной территории. Правда, потом многие традиции были утрачены, и теперь приходится заново осваивать механизм демократии.

Это может произойти очень быстро. Обстановка на Съезде менялась к лучшему день ото дня. Она обретала новое качество как по шкале конструктивности вносимых депутатами предложений, так и по тональности дискуссии.

Основное занятие Съезда — политика, и депутаты должны были прежде всего выработать политическую платформу во всех областях жизни. Здесь в полной мере проявился плюрализм мнений и интересов. Конечно, не обошлось без споров и столкновений. Но споры — это еще не разлад. Поэтому так важно было понять и признать законные чаяния и требования всех социальных групп общества, сообразно определить приоритетность решения тех или иных проблем.

На первом месте, убежден, должны стоять интересы детей и стариков. Это самая незащищенная часть населения, и наш общий долг им помочь. Что же касается приоритетов в других сферах, а их тоже немало количество, то здесь многое можно сделать за счет перераспределения средств и ликвидации чудовищных потерь, которые мы несем в народном хозяйстве. Все наши беды исходят, во-первых, от чрезмерной централизации, во-вторых, огосударствления общества. Многие функции надо передать на места с тем, чтобы люди сами решали проблемы, отвечали за них. А центру оставить координирующие функции. Одновременно все, что можно, следует передать от государства обществу: автономным образованиям, трудовым коллективам, общественным организациям, самоуправленческим общинам и так далее.

Это, на мой взгляд, основное направление политической реформы. Но нельзя допускать поспешности. Государство должно «ухо-

дять» с необоснованно занятой им «общественной территории» постепенно, по мере того, как общество, его институты готовы «подхватить», взять на себя осуществление жизненных функций, и делать это по крайней мере не хуже, чем до сих пор. Причем Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР как органы государственной власти сами должны четко определить сферу своей деятельности.

Надо сказать, Съезд народных депутатов СССР — уникальное образование, нечто вроде народного веча. Парламентские же функции должен исполнять Верховный Совет. Отличительные черты любого парламента заключаются в том, что это постоянно действующий законодательный орган власти, члены которого являются политическими профессионалами. Правда, на Съезде большинством голосов было решено, что члены Верховного Совета должны быть освобожденными парламентариями «как правило». Признаюсь, лично я голосовал за исключение такой оговорки. Но, конечно, не все депутаты, давшие согласие на работу в этом высоком органе, готовы стать профессиональными парламентариями. Постепенно определятся возможности каждого. Кто-то убедится в том, что создан именно для такой работы, кто-то поймет, что политика не его удел. В результате произойдет естественный отбор, и через несколько лет сложится настоящий парламентский корпус. Думаю, Съезд в этом смысле положил хорошее начало.

О. БАРАННИКОВА, студентка Тульского политехнического института:

Народным депутатом СССР я была избрана от ВЛКСМ. И надо сказать, что выборы от общественных организаций дают немало прав простым людям, в том числе молодым. В 21 год я стала народным депутатом. А если бы баллотировалась по территориальному округу, то по возрасту мою кандидатуру сняли бы.

Молодежные проблемы в нашей стране, на мой взгляд, имеют демографическую окраску. Сегодня мы являемся как бы социальной прослойкой, на которую нельзя не обращать внимания. О многом здесь можно говорить. И о проблемах студентов, и о молодых специалистах, приходящих на производство и не имеющих возможности по-настоящему реализовать свой потенциал. Можно говорить и о многодетных молодых семьях, нуждающихся в помощи, и о праве создавать молодежные организации, независимые от какой-либо общественной организации. И, конечно, особое место в этих проблемах занимает жилищный вопрос.

Проводимая депутатами от ВЛКСМ молодежная политика — а в нее входит: принятие Закона о молодежи, создание Комитета по делам молодежи — направлена на то, чтобы наши ровесники смогли взять достойный старт в будущее.

Особо мне хотелось бы остановиться на проблемах молодых женщин. Я уверена, что каждая женщина, родившая ребенка, должна иметь право сама определять свой жизненный путь. Будет ли она работать на производстве, или посвятит себя семье — выбирать только ей. Не должен быть заказан ей путь и в политику, всегда считавшуюся «мужским делом». По моему убеждению, женщины в политике нужны, и даже очень. Ведь политика, которую проводят женщины, во многом отличается от той, которую проводят мужчины. Она, пожалуй, более лояльна, более компромиссна и — скажу смело —

даже более продуманна. Ибо эти качества присущи самой природе женщины и ее психологии.

Почему у нас в стране мало женщин занимается политикой? Ответ весьма прост. Рождение ребенка, его воспитание, семейный быт отнимают у нас массу времени. И когда, уже в зрелом возрасте, кто-либо начинает заниматься политикой, то пробелы в образовании, в политическом базисе становятся очевидны. Вот почему женщина должна иметь возможность начать заниматься политикой с юных лет, затем сделать перерыв на несколько лет и потом вновь вернуться к политической деятельности. Не случайно на Съезде немало говорилось о принятии Закона о молодежи. Такой Закон даст нам самое главное — механизм для претворения в жизнь наших возможностей, для разрешения молодежных проблем. А уж как он будет реализовываться в республиках, будет зависеть от местных Советов, от того, какую роль в них играют молодые.

Если оглянуться немного назад, станет ясно, что это уже третья попытка решить наши проблемы. Две первые были в 1967 году и 1978 году. Уже сама постановка — неоднократная — этого вопроса говорит о назревшей необходимости, об остроте создавшегося положения. Сейчас представлен 18-й вариант Закона, но мне думается, что работа над ним все еще не закончена. Ибо нам, молодым людям, вступающим в жизнь, нужны абсолютно четкие и точные формулировки.

А. КАЗАННИК, юрист (Омск):

Первые три дня работы Съезда не вызвали у меня чувства удовлетворения. Ощущалась его неподготовленность. Скажем, Московская группа депутатов предлагала вначале заслушать доклад Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева, а затем начать его обсуждение. К сожалению, этого не произошло, хотя логика предложения очевидна. Допустим, в прениях выступили бы 100 депутатов со своими предложениями по решению различных проблем. В результате собравшиеся узнали бы конкретных депутатов, их концепцию развития страны. И уже со знанием дела, с большей ответственностью отнеслись бы к выборам Верховного Совета СССР. Однако этого не произошло, и потому возник некоторый сбой в ритме работы Съезда, что и вызвало законное чувство неудовлетворения.

Однако последующие дни не могли не радовать, так как постепенно наметился выход из создавшегося положения. Уже после решения процедурных вопросов, которые сами по себе были важны и на них было отведено немало времени, начались интересные дискуссии, содержавшие множество конкретных предложений. Я думаю, что это было связано с докладом, который сделал Михаил Сергеевич Горбачев после избрания его на пост Председателя Верховного Совета СССР. На мой взгляд, в его докладе очень сильно прозвучала констатирующая часть. Было прямо и ясно сказано, какие у нас существуют недостатки, какие есть достижения. Хотя конструктивные предложения в нем практически отсутствовали. Но как раз этот момент замечателен. Благодаря такому подходу народным депутатам была предоставлена возможность высказать свою точку зрения на возникшие проблемы, предложить свои решения. В итоге коллективный разум депутатов аккумулировался в заключительном слове.

Многие выступления депутатов я оценивал с точки зрения юриспруденции. И обнаружил немало дельных мыслей, которые надо было лишь выразить языком нормативно-правовых актов, в виде законов. Например, выступление депутата Горбунова, предложившего внести коренные изменения в Конституцию СССР, меня крайне заинтересовало. По сути дела он предлагал разработать и принять новую Конституцию СССР. Лично я считаю, что Конституция СССР может приниматься лишь на основе всенародного референдума, причем в два этапа. Первый, когда после всенародного обсуждения мы голосуем за поправки. И второй — утверждение Конституции в целом.

Вспомним, как мы обсуждали Закон о кооперации. Тогда, если не ошибаюсь, было внесено около 400 тысяч предложений. Однако им дали слишком общую оценку, констатируя, насколько внесенные предложения интересны. Не более того. Думается, от такой практики нужно отказаться.

Понравилось мне и выступление депутата Ельцина, назвавшего конкретные законы, которые должны быть приняты в первую очередь, и сформулировавшего своего рода законодательную политику не только для Съезда народных депутатов СССР, но главным образом для Верховного Совета СССР. Именно своей конкретикой и конструктивностью привлекало его выступление. Что же он предложил?

Например, принять в ближайшее время Закон о пенсиях. Это вызвало крайнее одобрение. Действительно, Закон о пенсиях нам необходим, но его основным принципом должно быть повышение всего установление прожиточного минимума у нас в стране. Иначе миллионы людей окажутся у нас за чертой бедности, а многие уже находятся за ней и сейчас.

Затем было предложено принять Закон о печати. Но с этим я, например, никак не могу согласиться. И вот почему. Любой закон — это ограничение определенных возможностей.

Конечно, мне могут возразить, что есть вещи, о которых нельзя писать по разным причинам. Согласен. Но и у нас в стране есть сдерживающие рычаги. Например, за разглашение государственной или служебной тайны, за клевету у нас предусмотрена уголовная ответственность. Нельзя, как мне кажется, вторгаться в личную жизнь человека. Конечно, должны сохранять служебную тайну врачи и адвокаты. Но обо всем остальном люди должны иметь право высказываться на страницах печати.

На Съезде шла речь о Законе о местном самоуправлении и местном хозяйстве. Вот такой закон исключительно важен. Его, конечно, надо принять в ближайшее время. Многие говорили о региональном хозрасчете. Но я лично не могу еще уяснить, что за этим стоит. Возможно, речь идет о какой-то теоретической конструкции, пока еще не наполненной конкретным содержанием.

Митрополит Алексей в своем выступлении сказал, что верующие с нетерпением ждут Закона о свободе совести и о религиозных объединениях. Нужен ли такой Закон? Безусловно. Но в нем, я уверен, прежде всего надо предоставить церкви права юридического лица. А пока что она по своему правовому положению намного ниже, чем, скажем, кооперативы. Кроме того, проведение в свое время национализации церковного имущества, храмов — совершенно незаконные акты. Постараюсь доказать свою мысль. В России всегда были атеисты и верующие. Но атеисты никогда не жертвовали свои сбережения на церковь. Это противоречило их убеждениям. Стало быть, церков-

ное имущество и храмы не общенародное достояние, как мы привыкли считать, а имущество верующих. И потому церковь должна обладать этим имуществом как юридическое лицо.

Немало говорилось на Съезде о принятии Закона о молодежи. Но он, на мой взгляд, требует серьезной разработки. В проекте, с которым удалось ознакомиться, есть, например, такая фраза: советская молодежь обладает всеми теми правами и несет все те обязанности, что и граждане СССР. Спрашивается, что это за норма? И разве наши юноши и девушки не являются гражданами СССР? Думаю, в Законе должны быть очерчены лишь специфические интересы, права и обязанности молодежи.

И последнее. Меня, как и многих других сограждан, волнует принятие Закона об охране окружающей среды. Однако это должен быть Закон о природе. В чем разница? Поясню. Если природу не охранять, то она превращается в окружающую среду. Некоторые наши ведущие ученые предлагают закрепить в соответствующих статьях положение об охране земель, об охране вод, об охране лесов и так далее. Но ведь нельзя через охрану отдельных природных ресурсов обеспечить благоприятную природную среду. Необходимо охранять всю природу в целом. По-видимому, в этом Законе должны быть главы и разделы следующего содержания: охрана природы в сфере промышленности, в сфере хозяйства, рекреационной деятельности... Тогда у нас получится совсем иной принцип подхода к этому наиважнейшему вопросу. Природа будет охраняться в целом и в то же время на разных уровнях: общегосударственном, региональном, ландшафтно-локальном и так далее. Только так, мне кажется, нам удастся сохранить жизнь и здоровье человека, нашу планету.

Муфтий МУХАММЕД-ЮСУФ МУХАММАД-СОДИК председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана:

Впервые большое число религиозных деятелей было избрано народными депутатами СССР. Это означает, что у нас в стране демократия достигла высокого уровня и верующие люди стали полноправными членами общества.

Во время предвыборной кампании я не раз встречался с избирателями, излагал им свою платформу. Она состоит из двух основных частей.

Первая касается нашей внешней политики и ориентирована на борьбу за мир. Народы планеты не смогут сохранить священный дар жизни на Земле, если государства не откажутся от ядерного оружия и оружия массового уничтожения.

Вторая часть моей платформы ориентирована на решение внутренних проблем. Я выступаю за принятие Закона о свободе совести, за перевод Корана на узбекский язык, за издание религиозных книг и учебных пособий, а также за издание журнала мусульман на узбекском языке. Далее. Есть у нас много верующих, желающих совершить паломничество в Мекку и Медину — в святые места Ислама. К сожалению, это удастся далеко не всем. А хотелось бы, чтобы каждый мусульманин мог совершить свой хадж (паломничество).

Особое место в моей программе отведено борьбе за духовное и моральное очищение нашего общества. Все негативные явления, с которыми мы встречаемся сегодня, происходят, на мой взгляд, из-

за обедненного духовного воспитания человека. Каждому из живущих на Земле необходимо моральное очищение. И лишь тогда, когда все члены общества будут бороться за духовный мир человека, его моральные и нравственные устои, мы сможем говорить о поправке дел в других сферах человеческой деятельности.

И здесь немалую роль играет воспитание молодежи. Наша молодежь заслуживает много хороших слов. Но есть среди нее и такие, кто вызывает особое беспокойство. Ни для кого не секрет, что среди подрастающего поколения растет преступность. Воры и убийцы, не говоря уже о наркоманах и алкоголиках, встречаются даже среди четырнадцатилетних. Мимо этого нельзя проходить. Ведь те, кто сегодня подрастает,— наше будущее, и мы должны думать о том, в чьи руки отдадим бразды правления страной. Либо тем, кто вступил на опасный путь безнравственности, либо людям, обогащенным богатой духовной культурой.

Сегодня на эту болезную точку важно обратить всенародное внимание. А начинать решать эту проблему надо с семьи. Прежде всего необходимо укрепить семейные узы с тем, чтобы брошенные здесь «семена» духовности смогли превратиться в прекрасное цветущее дерево. Именно идя от малой ячейки, которой является семья, надо возвращать плоды духовности.

Немало серьезных проблем поставила на повестку дня перестройка. Это и борьба с алкоголизмом и наркоманией, проституцией и взяточничеством. Но Ислам постоянно поднимает эти вопросы, стремясь сформировать у верующих негативное отношение к подобным явлениям. Еще до возникновения перестройки Ислам проповедовал морально-нравственные истины. Однако мы часто ощущали себя одинокими в этой борьбе. Сейчас все изменилось.

Выдвинутая мною программа весьма обширна, но все ее направления реальны. Скажу, к примеру, о положении женщин в Средней Азии. Сегодня оно крайне тяжелое, ежегодно умирает 30 тысяч детей, матери — часто больные люди и не имеют возможности пользоваться необходимым медицинским обслуживанием. Тяжелы и условия жизни и быта наших женщин. В этом виновата мужская часть населения, которая не смогла сберечь своих сестер, жен, матерей. Трудно живет и простой народ. Надо позаботиться и о нем. Все это, вместе взятое, и послужило основанием моей программы народного депутата СССР:

Конечно, у Советской страны есть немало проблем, которые надо решать безотлагательно. Это и сохранение культурного наследия наций и народностей СССР, и жилищная проблема, и экологическая. Однако, чтобы добиться их решения, необходимо единство, и прежде всего в депутатском корпусе.

А. БАЛЕНКО, экономист (Петропавловск-Камчатский):

Наша главная задача — не провозгласить, а перейти от административных методов работы к экономическим. Многие говорят о переходном периоде. Но на двух стульях нельзя сидеть. Пора решаться. Либо мы оставляем за министерствами и ведомствами их запретительно-распределительные функции, либо они начинают заниматься лишь координационной, консультационной и стратегической деятельностью. Предприятия же получают самостоятельность. Иными словами, методы нашей экономической политики должны стать по-

настоящему экономическими. А пока, хотя хозрасчет у нас и провозглашен, все еще делаются административные попытки для стабилизации прежней ситуации.

Немало говорилось на Съезде о льготах и перераспределении средств. Возможно, такая позиция в чем-то верна, но она не решает коренных наших проблем. Сколько в «тощем» кошельке ни перекладывай денег, от этого их не станет больше. Почему? Да потому, что дело не в перераспределении средств, а в их накоплении. И здесь как раз основной тормоз в работе, так как сказывается излишняя централизация, мелочная опека, недоверие к производителям. А ведь им на месте виднее, чего и сколько производить. Чтобы изменить положение коренным образом, необходимо, как мне думается, сократить численность министерств и ведомств. Те же, которые останутся, должны не запрещать и распределять продукты производства, а передать эти функции предприятиям, которые могут объединиться в ассоциацию одной отрасли. При ее помощи они будут определять направления развития своего производства, формировать и обучать кадры. Именно на эти нужды необходимо отпускать средства.

Л. КРАВЧЕНКО, генеральный директор ТАСС:

Думаю, не ошибусь, если скажу, что на первом Съезде народных депутатов властвовали две царицы — гласность и демократия. Бесспорно, на форуме избранных народа гласность побила рекорд. Но давайте проследим путь ее развития. XXVII съезд партии. Тогда она впервые шагнула в зал, и мы впервые почувствовали, что нет особой разницы между тем, что говорится на главной трибуне и в кулуарах. Затем XIX партконференция. Столкновение точек зрения, позиций, порой яростные споры и одновременно закрепление демократии, закрепление того, что мы осознали на XXVII съезде КПСС. Нет никакой разницы между тем, что произносится на главной трибуне, и тем, что мы слышим повсеместно.

И вот, наконец, первый Съезд народных депутатов СССР. Здесь гласность и демократия явились в еще более ярком обличье, предстали в обновленном свете. А тот факт, что Съезд транслировался по Центральному телевидению, стенограмма появлялась в газете «Известия», поистине удивителен, необычен. Каждый мог стать соучастником того, что происходило в зале Кремлевского Дворца съездов, делать выводы, давать оценки. Именно этот факт, как никакой другой, говорит о том, что нам нечего опасаться, нечего скрывать в решении назревших проблем. Мы искренни перед своим народом и перед всем миром, который внимательно следил за тем, что происходило на Съезде.

Конечно, столкновение позиций чувствовалось особенно остро. Было ясно, что это настроения не отдельных лиц, а целых групп населения, которые выражали депутаты. Я далек от того, чтобы называть этих представителей оппозиционерами. На мой взгляд, возникшие на Съезде группы депутатов как раз и сближаются по своим взглядам и убеждениям на дальнейшее развитие демократии. То, что они выходили на трибуну от имени избравших их групп населения, представляли свой депутатский запрос, — явление вполне нормальное. Скажем, к примеру, группа аграрников, которые даже в период работы Съезда собирались неоднократно вместе. Они искали наиболее оптимальные пути для решения проблем сельского хозяйства. В ре-

зультате было оглашено Обращение аграрников к депутатам. Консолидация сил и умственного потенциала явственно проявилась в среде рабочих, среди ученых, интеллигенции.

А. РУБИКС, председатель горисполкома (Рига):

Обязанности мэра города Риги я исполняю пять лет и уже в состоянии отвечать за то, что получается, а что нет. В состоянии и нести полную ответственность. Произошедшая на Съезде разногласия мнений не была для меня неожиданностью. У нас в республике нередко раздаются противоположные мнения по тому или иному вопросу. Некоторые даже ратуют за выход из состава СССР. Лично я не поддерживаю такую позицию. И в предвыборной борьбе взял за основу Программу КПСС, членом которой являюсь вот уже тридцать лет. Вместе с партией я переживаю трудности и, если что-то не получается, готов вместе с ней искать выход. Именно об этом я и говорил своим избирателям, и они — 127 тысяч человек — меня поддержали.

И все же я ожидал, что собравшиеся на Съезде депутаты будут обладать более высокой политической культурой. Это еще один штрих, подтверждающий необходимость поднятия в нашей стране культуры в целом. Есть еще приоритеты, которые я признаю: наука, образование, культура. Именно эти три направления и воспитывают человека. Ведь то, что мы творим с экологией, идет от недостатка культуры. Мы не умеем вести себя. Где угодно бросаем билет, окурок. Так цивилизованные люди не поступают. То же и на производстве. При подходе практически к любому заводу бросается в глаза царящий там беспорядок. В лучшем случае более или менее прибраная центральная аллея. А уж, что творится в цехах, на территории завода, вызывает изумление.

На Съезде нередко звучали резкие высказывания по поводу межнациональных отношений. Это, на мой взгляд, тупиковый вариант развития. Мы столько лет прожили вместе, столько делали друг другу добра. Конечно, были трудности. Порой не считались с местными условиями, и все же были вместе. Весь мир смотрит на нас как на единое целое. Да, у нас разные мнения, разные условия, но мы единое государство. И я не думаю, что экстремистские настроения стоит поддерживать.

У нас много трудностей. Совсем не просто реализовать то, что принималось на Съезде с очевидной легкостью — региональный хозрасчет, самофинансирование республик. Это сложный, но нужный путь. Он поднимет каждую республику на более высокий уровень ответственности. Пройдет время, и мы, я уверен, научимся оценивать положение в стране с государственной точки зрения. А пока даже стиль произнесения речей, их содержания можно отнести скорее к митингам, чем к парламентской работе.

Необходимо также дать аргументированные оценки тем актам, на основе которых союзные республики вступали в состав СССР. Уже создана Комиссия относительно Пакта Молотова — Риббентропа 1939 года. Это нужно сделать и для того, чтобы не было домыслов. Даже если что-то было не так, как нам того хотелось бы, сегодня не надо ничего скрывать. Мы не переделаем историю, она останется такой, какой есть. Но оценить ее правдиво необходимо для наших будущих отношений.

БУДНИ БЛЮСТИТЕЛЕЙ ПОРЯДКА

«За мужество и самоотверженные действия, проявленные при исполнении служебного долга, наградить старшину милиции **Исмайлова Фазиля Исмаил оглы** орденом **Красной Звезды** (посмертно)». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 ноября 1988 г.

«За мужество и самоотверженные действия, проявленные при исполнении служебного долга, наградить старшину милиции **Скутаря Валерия Семеновича** орденом **Красной Звезды**». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1989 г.

«За мужество и самоотверженные действия, проявленные при исполнении служебного долга, наградить капитана внутренней службы **Черепанова Анатолия Васильевича** орденом **Красной Звезды** (посмертно)». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1989 г.

«За мужество и самоотверженные действия, проявленные при исполнении служебного долга, наградить лейтенанта милиции **Балыкова Анатолия Павловича** орденом **Красной Звезды** (посмертно)». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1989 г.

«За мужество и самоотверженные действия, проявленные при задержании вооруженных преступников, наградить майора милиции **Левшука Николая Петровича** орденом **Красной Звезды**». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1989 г.

«За мужество и отвагу, проявленные при задержании вооруженного преступника, наградить медалью «**За Отвагу**» **Безрукова Константина Ивановича** — майора милиции; **Соколова Геннадия Николаевича** — младшего сержанта милиции». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1989 г.

Всего несколько, взятых подряд, Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждениях работников советской милиции. За каждым Указом — драматические события, судьбы людей, решительно и мужественно защищающих общественный порядок, наш строй, наш покой, труд, жизнь и здоровье советских людей от преступных посягательств.

Люди советской милиции. Они — на переднем крае борьбы с антиобщественными проявлениями. Первыми, лицом к лицу, встречаются с преступниками, противостоят злу, насилию, корысти.

В условиях построения правового государства, демократизации общественной жизни многое меняется и в практической работе органов внутренних дел. Об этих проблемах, путях их решения наш корреспондент Владимир Стрелков беседует с начальником Главного управления внутренних дел Леноблгорисполкомов генерал-лейтенантом А. А. Курковым¹.

— Анатолий Алексеевич, в ноябре 1985 года («Человек и закон», № 11, 1985) вы рассказали читателям нашего журнала о том, как ленинградцы участвуют в укреплении правопорядка в городе. С тех пор, как говорится, много воды утекло. Какие за это время произошли изменения в деятельности ленинградской милиции?

— Еще год назад ответить на этот вопрос было бы легче. Ведь в течение 1986 и 1987 годов как в целом по стране, так в Ленинграде и области совершенно определенно обозначились устойчивые и, что хочу особо отметить, реальные тенденции последовательного сокращения преступности.

Хотя это просматривалось практически по всей преступности, но особенно убедительно — в динамике таких тяжких преступлений, как убийства, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения. И, значит, были все основания говорить о действительно осязаемых сдвигах к лучшему в борьбе с преступностью. Сразу же оговорюсь: конечно же, ни при положительных, ни при негативных изменениях уровня преступности связывать их с работой только правоохранительных подразделений было бы в корне неверным. Но никто ведь не станет отрицать, что активность органов внутренних дел, например, в пресечении правонарушений, связанных с туеядством, пьянством, хулиганством, на почве которых вызревают тяжкие преступления, оказывает свое сдерживающее воздействие на тех, для кого положения закона — не норма поведения.

Было очевидно, что проводимая в ленинградской милиции работа по укреплению регистрационной дисциплины и борьбе с укрытием преступлений от учета, очищению наших рядов от тех, кто компрометирует милицию своей нравственной нечистоплотностью, формализмом, черствостью, низкой общей и профессиональной культурой, оздоравливает атмосферу в наших подразделениях. Люди становились энергичнее, принципиальнее, рельефнее обозначились контуры обстановки подлинной деловитости и ответственности каждого сотрудника за то, что и как им делается для укрепления правопорядка.

Еще в начале 1987 года мы предприняли ряд практических мер по расширению гласности деятельности органов внутренних дел. И с тех пор трудящиеся города и области практически ежедневно

---

¹ Когда материал готовился к печати, А. А. Курков был назначен начальником Управления КГБ СССР по Ленинградской области.

получают достаточно полную информацию о успехах и поражениях, достижениях и недостатках.

В последнее время появилось немало нового и в этой работе. Скажем, постоянный контакт с популярной не только в Ленинграде телепередачей «600 секунд». В автомашине телестудии установлена служебная милицмейская рация для экстренной связи с дежурным по городу. Вот почему журналисты сразу же узнают об убийствах, ограблениях, дорожно-транспортных происшествиях и т. д. и оперативно сообщают об этом телезрителям. И это не только ликвидирует всякого рода слухи и сплетни, но и показывает работу милиции, ее оперативных групп такой, какая она есть на самом деле.

Установлена также прямая связь ленинградского радиоцентра с дежурной частью главка. И теперь каждое утро при передаче сводки новостей из студии раздается звонок ведущего — и в прямом эфире дежурный по городу информирует ленинградцев об оперативной обстановке за минувшие сутки.

Работники ленинградской милиции стремятся к тому, чтобы их информация могла оказать какое-то профилактическое воздействие на телезрителей, радиослушателей и читателей. Вместе с тем с помощью, например, телевидения и его аудитории раскрыто несколько очень серьезных преступлений. Один из примеров — задержание преступника, убившего 6 женщин.

Идет постоянный поиск новых форм работы и в организации служебной деятельности на ее ведущих направлениях. И есть немало реализованных замыслов, которые оправдали себя в борьбе с кражами и мошенничеством в отношении социалистической собственности, квартирными кражами и предупреждении угонов транспортных средств, в социальной реабилитации ранее судимых и возвращении к труду лиц, уклоняющихся от общественно полезной деятельности и т. д.

К сожалению, как бы мне этого ни хотелось, не могу в тех же оптимистических тонах говорить о сегодняшнем дне.

— Готовясь к беседе с вами, Анатолий Алексеевич, я внимательно ознакомился с делами ленинградской милиции. Мне кажется, что нужно гордиться людьми, работающими в ней. Надо чтобы и читатели нашего журнала знали о них. Взять, к примеру, подвиг младшего сержанта милиции Григория Гарбара. При задержании вооруженного преступника, который прикрывался заложником, он бросился на пушечные выстрелы. Григорий спас заложника, а сам погиб. Или другой пример. Младший сержант Сергей Гарюгин при задержании находящегося в розыске преступника получил от него несколько ножевых ранений, от которых скончался. При задержании нарушителя погиб инспектор ГАИ сержант милиции Иван Парфенов, которому через месяц исполнилось бы 25 лет.. При нападении вооруженного преступника на дежурную часть отделения милиции погиб сержант Василий Кузихин. Отдали свои жизни при спасении людей и государственного имущества на пожаре офицеры внутренней службы Анатолий Головичев, Анатолий Лемец и другие.

Как видно, работники милиции не жалеют ни жизни, ни здоровья, если этого требуют обстоятельства. Так что же вас тревожит? Что, разве хуже стали работать подразделения Главного управления внутренних дел?

— Нет. Здесь работают прекрасные люди, преданные своему делу. Но я уже говорил, что динамика преступных проявлений не мо-

жет быть объяснена только эффективностью или неэффективностью работы милиции.

Разве можно оставаться спокойным, если в 1988 году количество совершенных убийств в Ленинграде и области увеличилось до 363, это на 93 больше, чем годом раньше. Тяжких телесных повреждений совершено 951, это — увеличение на 327 преступлений. Больше совершено изнасилований 353 (+70), краж государственного имущества 4198 (+591), квартирных краж 6830 (+943). В той или иной степени эти закономерности характерны и для большей части других видов преступлений.

Да, конечно, причины носят неоднозначный характер. Но в первую очередь, естественно, надо искать «свои» просчеты и промахи. Работа в этом направлении шла непрерывно, с первых месяцев года, когда такая тревожная тенденция только еще заявила о себе. И хотя положение дел постоянно контролировалось, на различных направлениях профилактической работы разрабатывались и осуществлялись дополнительные меры (и они давали определенные результаты), остановить наметившийся процесс не удалось. Да и, как мы теперь понимаем, на это в сложившейся ситуации трудно было рассчитывать.

Так в чем же дело? Может быть, действительно стали хуже работать? Мы тоже не раз задавали себе этот вопрос.

Чтобы ответить на него, прежде всего надо иметь в виду, что нерешенных проблем остается немало. Важнейшая из них — невысокая эффективность индивидуально-профилактической работы с лицами, от которых можно ожидать противоправного поведения. Их выявление, учет, воспитательное воздействие с целью недопущения с их стороны преступлений далеко не всегда представляют собой четко организованную систему, а в действиях сотрудников, осуществляющих эти функции, нередко еще проявления пассивности, формализма. Да и возможностей реально повлиять на нравственные установки и ценностные ориентации этих людей, по правде говоря, немного. И относится это не только к милиции. Ведь около 70 процентов участников преступлений — это лица, ранее не совершавшие преступления, это новое пополнение преступной среды.

Есть недостатки и на других направлениях служебной деятельности. К примеру, не оработаны или не до конца оработаны вопросы в отборе кадров, в воспитательной работе с личным составом. Не искоренены нарушения требований социалистической законности.

Эти болевые точки не просто известны. Лучше, чем кто-либо зная их природу и условия их проявления, руководство ГУВД и подразделений используют все имеющиеся в своем распоряжении средства. Без оглядки, если это необходимо, прибегает и к самым радикальным решениям.

Но, зная реальное положение дел, скажу уверенно, что хуже милиция работать не стала. Два факта только.

Тем же числом сотрудников раскрыто более 17 тысяч преступлений, совершенных, как у нас принято говорить, «в условиях неочевидности». То есть тех преступлений, по которым для их раскрытия предстояло провести комплекс организованных, оперативно-розыскных, криминалистических и следственных действий, чтобы установить, разыскать, задержать виновных и привлечь их, в соответствии с законом, к уголовной ответственности.

Это даже больше, чем годом раньше, и по объему проделанной работы, и по ее воздействию на оперативную обстановку

Или другой факт. Как известно, с начала перестройки возросла гражданская активность, усилилась нетерпимость населения к недостаткам в работе различных ведомств. Люди чаще и смелее стали жаловаться на всякие неправомерные действия. И вот в этих условиях количество жалоб на действия сотрудников ГУВД Леноблгорисполкома сократилось, в том числе повторных — на 12,9 процента, поступивших через партийные и советские органы — на 15,0 процента, та, через МВД СССР — на 23,1 процента.

Как тут скажешь, что хуже работает милиция? Хотя еще раз подчеркну, что недостатков все же хватает и испытывать чувство удовлетворения нет никаких оснований, да и невозможно в этой работе.

— Чем же, на ваш взгляд, вызван этот количественный прирост преступности? Понятно, что, когда идут значительные колебания уровня преступности, трудно указывать на конкретные причины. Но увеличение в таком объеме, наверное, все же имеет какие-то истоки. Как бы вы объяснили сложившуюся ситуацию?

— Чтобы исчерпывающим образом ответить на этот вопрос, нужен, естественно, дополнительный всесторонний и тщательный анализ явления.

Но уходить от ответа не имею права. Возможно, мои соображения кому-то покажутся спорными, однако держать их при себе, считая, было бы неправильным.

К сожалению, в силу разных причин для нашей общественной жизни в ее развитии весьма характерен так называемый синдром «маятника в крайнем положении». И этот «метод» «или-или» приносит немало осложнений, ведь шараханье из крайности в крайность не только порождает конкретные нежелательные последствия, но и влечет за собой немалые дополнительные сложности и проблемы.

Не избежала этого, на мой взгляд, и практика правообеспечивающего механизма. Действительно, обвинительный уклон в практической деятельности правоохранительных органов имел широкое распространение. Необходимость его устранения была очевидной. Но что получилось на деле?

Если коротко, то достаточно показать такую цепочку взаимосвязанных явлений. В процессе демократизации общественной жизни последовал массивированный вал выступлений средств информации не только с критикой имевших место ошибочных решений правоохранительных органов, но и нередко с некомпетентными, конъюнктурными, «ярлыковыми» суждениями, нацеливающими общественное мнение на одностороннюю либерализацию правоприменительной деятельности. Этим давлением, стремлением избежать обвинений в свой адрес был вызван переход суда и прокуратуры, а вслед за ними — следствия и дознания к «облегченному» толкованию никем не отмененных и не изменившихся правовых норм, породившему, в свою очередь, искажение принципа неотвратимости наказания. В этих условиях зародилась ситуация «опустившихся рук» у сотрудников различных служб милиции, чьими усилиями только и осуществляется непосредственное пресечение преступной деятельности. К этому всему надо обязательно присовокупить, что произошел значительный прирост потенциально преступного элемента за счет избежавших в новых условиях ответственности и тех, кто был амнистирован в конце 1987 года. И надо особо отметить: весь этот контингент прекрасно осознает благоприятную для себя «специфику» новых ус-

ловий. В результате — и закономерно — резкий рост преступности: убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбойных нападений, грабежей, краж.

Хочу быть правильно понятым и потому подчеркиваю: гуманизация уголовного законодательства действительно нужна. Не вижу, например, здравого смысла в лишении свободы тех, кто впервые совершил преступление, не представляющее большой общественной опасности. Есть необходимость в уточнении некоторых положений, введении новых норм и институтов. Давно пора, скажем, найти способ эффективно воздействовать на тех, кто уклоняется от уплаты штрафа. Словом, здесь есть, что совершенствовать. Работа в этом направлении, насколько мне известно, ведется.

А вот разницей в толковании действующей, неизменной по содержанию правовой нормы порождает субъективизм, произвольную интерпретацию, а затем и неуважение к закону, что, как представляется, недопустимо.

Давайте пристальнее взглянемся в те процессы, которые уже сейчас приводят к оттоку кадров из органов внутренних дел, определенной профессиональной апатии остающихся в строю. Разве это не могло не сказаться на выполнении определенных законом функций работников милиции и других правоохранительных органов?

Посмотрите, какой разницей царит в печати по поводу действий милиции. При этом одни требуют «укротить» милицию, другие обвиняют ее в пассивности. С одной стороны, упреки в отступлениях от закона, с другой — в буквальном исполнении его требований. Кто-то призывает видеть в преступнике оступившегося человека, но не меньше сторонников и самых решительных мер борьбы со злом в человеческом обличье.

Мы не против критики. Ленинградское ГУВД было одним из первых в стране подразделений, откликнувшись на потребность в гласности. Но, пусть извинят меня возможные оппоненты, плюрализм мнений — это, разумеется, нормально. Но суждения — суждениями, а дело — делом. И руководствоваться в служебной деятельности, цель которой — борьба с правонарушениями, работники органов внутренних дел обязаны не чьими-то субъективными высказываниями, кому бы они ни принадлежали, а только действующими требованиями закона.

— А как вы относитесь к тому, что сейчас повсеместно осуждают органы дознания и следствия в том, что они работают с «обвинительным уклоном»? Ведь по существу же это имеет место.

— Настала пора констатировать, что упреки в «обвинительном уклоне» породили «оправдательный уклон».

Иногда спорят, что лучше — не осудить 10 виновных или осудить одного невиновного. По-моему, абсурдная постановка вопроса. Нельзя так сравнивать. Одинаково плохо и то, и другое. Ведь осуждение невиновного — грубейшее нарушение закона, но и освобождение от ответственности виновного, то есть ущемление прав потерпевших, — такое же попрание закона. Не должно быть ни того, ни другого.

Но ведь есть — возразят мне. Да, есть. Однако культивируя «страх ошибки», мы порождаем беспринципность, уход от ответственных решений, стремление к упрощенчеству, к бесконфликтности. И на этом можно многое потерять

М. С. Горбачев в одном из своих выступлений подчеркнул, что самая большая ошибка — это боязнь ошибиться... Боязнь ошибиться особенно губительна: она парализует волю, сдерживает усилия по преобразованию общества.

И сейчас можно утверждать, что пассивность в правоохранительных органах — нередкое явление. Не только, видимо, в Ленинграде и области. Сегодня в судах часто не доверяют свидетельским показаниям работников милиции, считая их лицами заинтересованными (хотя заинтересованным в правде или, наоборот, в неправде является каждый участник процесса). Нередко там охотно готовы поверить, что следователь «оказывал давление». И этим приемом пользуются, ведь он срабатывает потому, что фактически любое действие следователя можно оценить как давление.

Человек, умышленно изменивший в суде свои показания, — как правило, очевидный лжесвидетель, это понятно вроде бы каждому. Либо он лжет суду, либо лгал на следствии. Но ведь это лжесвидетельство остается безнаказанным. И потому — процветает. Истина же страдает, а с нею — и все, в ней заинтересованные.

В некоторых выступлениях в печати уже мелькает, что обращение милиции к населению с просьбой о помощи в розыске преступников — это, дескать, побуждение к доносу. А тактические приемы следователя при допросе; оказывается, безнравственны! Или сколько несправедливых эмоций выплескивается по поводу применения силы при задержании правонарушителей, при преодолении неповиновения задерживаемых! По существу, навязывается одностороннее разоружение в борьбе с преступностью. Но разве созрели условия для такого «пацифизма»?

Это — об атмосфере, в которой работают сегодня сотрудники милиции.

Но принцип «как бы чего не вышло» остро ощущается уже и в практическом решении многих вопросов.

Законом, скажем, предусмотрена такая мера пресечения преступной деятельности, как арест (в необходимых случаях, разумеется) подозреваемого, который должен быть санкционирован прокурором. Чтобы избежать малейшего риска, сейчас стали чаще заменять арест на подписку о невыезде.

— И это, очевидно, дало о себе знать?

— За 1988 год 181 человек, в отношении которых мерой пресечения избирался не арест, а подписка о невыезде, совершили 304 преступления, в том числе 220 квартирных краж, 32 грабежа и другие.

Давно отмечена криминологами закономерность: чем активнее ведется борьба с хулиганством, туеядством, бродяжничеством, нарушениями паспортных правил, притоносодержанием, тем меньше совершается тяжких преступлений. Есть и обратная зависимость, и она весьма рельефно обозначилась в последнее время. Как только стало сокращаться количество привлеченных к ответственности по указанным, так называемым «профилактическим составам» преступлений, так сразу же поползло вверх количество таких тяжких преступлений, как убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбойных нападений, краж, грабежей.

Уже слышен возмущенный голос: кто же вам дал право на послабление для хулиганов и туеядцев. Да никто, конечно. Еще раз подчеркну — нормы права по этим позициям изменений не претерпевали.

Так в чем же дело? Да в том, что изменилась судебная практика по уголовным делам, к примеру, по ст. 209 УК РСФСР в той ее части, которая предусматривает уголовную ответственность за ведение паразитического образа жизни.

Хочу пояснить еще раз: совсем не обязательно, к примеру, того же тунеядца, тем более впервые привлекаемого к ответственности, приговаривать к лишению свободы. Правильно говорят, что тюрьма не только «лечит», но и «калечит». И я вовсе не призываю к ужесточению наказания там, где можно обойтись меньшим.

Но приговор суда, как я понимаю, оказывает сильное воспитательное воздействие на подсудимого. Его решение не может оставаться бесследным. Конечно, есть, и не так уж их мало, такие, кто приговор к исправительным работам или штрафу встретит с улыбкой. Но тогда надо представить себе и как они относятся к известию о полном прекращении уголовного преследования.

Надо сказать, что похожие изменения произошли и в оценках доказательств по делам на расхитителей, взяточников, хулиганов, нарушителей паспортных правил и по некоторым другим видам правонарушений и преступлений.

Надо ли объяснять, что безнаказанность является условием, способствующим совершению новых преступлений?!

Но это не все. Как только новая судебная практика стала свершившимся фактом, закон цепной реакции тут же распространил ее и на деятельность следователей, дознавателей, других работников милиции. Реальная перспектива прекращения дела, а значит, и работа «впустую», конечно, не способствует их активности в выявлении и документировании подобных фактов.

И вот уже в прошлом году количество возбужденных уголовных дел по ст. 209 УК РСФСР сократилось по сравнению с прошлым годом почти наполовину. Но и среди последних есть и те, что впоследствии прекращены, и те, по которым вынесены оправдательные приговоры. Из-за опасений прекращения или возврата судом уголовных дел материалы на тунеядцев и хулиганов зачастую направляются в товарищеские суды. А сила их воздействия, увы, невелика.

Это те трудности, которые увеличили и существовавшие ранее, которых тоже хватало и меньше не стало, Я имею в виду и правовое положение работников милиции, и ресурсное обеспечение служебной деятельности, и материально-бытовые условия, в которых выполняют очень важные для всего общества задачи сотрудники органов внутренних дел.

И здесь есть что поправлять, если мы хотим, чтобы милиция сохранила свой потенциал и успешно выполняла свой долг.

— Ваша обеспокоенность, Анатолий Алексеевич, понятна. Действительно, до последнего времени широко бытовало мнение о характере деятельности органов внутренних дел. Сейчас, как мне кажется, все чаще получает право на жизнь реальный взгляд на вещи. Несовершенство законодательства, известная разобщенность в практике правоохранительных органов, отсутствие четкой правовой регламентации во многих вопросах служебной деятельности милиции, ее неудовлетворительная обеспеченность — это тоже своеобразный «механизм торможения». И нашему читателю, полагаю, небезынтересно знать ваше мнение о том, что необходимо делать, чтобы убрать этот тормоз. Ведь создание социалистического правового государства невозможно без эффективного государственного принужде-

ния к исполнению законов, где правоохранительным органам принадлежит ведущая роль.

— Могу согласиться, что решительный подход к анализу положения в сфере правоприменительной деятельности начинает проявляться. Свидетельством тому — деловое обсуждение этих проблем на заседании коллегии МВД СССР и на координационном совещании в Прокуратуре Союза в начале этого года. А на совещании заведующих государственно-правовыми отделами ЦК компартии союзных республик, крайкомов, обкомов партии, которое состоялось 10—11 марта этого года в ЦК КПСС, особо отмечалось, что в деле укрепления законности и правопорядка необходимо повышать ответственность и укреплять авторитет суда, прокуратуры, милиции. На нем подчеркивалось, что политика партии на гуманизацию уголовного законодательства вовсе не означает послаблений в отношении тех, кто пренебрегает требованиями советских законов, злостно нарушает общественный порядок, совершает тяжкие преступления.

И тем не менее и сейчас некоторые авторитетные правоведы и ответственные должностные лица правоохранительных ведомств, опасаясь прослыть «несовременными» и попасть в «антиперестройщики», занимают уклончивую позицию, а то и подкакивают сторонникам абстрактного гуманизма. Некоторые интервью даже читать как-то неловко, ведь не могут руководители не знать фактического состояния дел. Беспринципность — это тоже форма безответственности.

О путях выхода из сложившегося положения сейчас пишут и высказываются многие. И предложений немало. Думаю, было бы полезным обобщить их на компетентном уровне, исследовать и реализовать то рациональное, что в них содержится. Со своей стороны, считаю возможным высказаться в пользу общегосударственной и региональной программ борьбы с преступностью и совершенствования деятельности правоохранительных учреждений — это первое. Очень помог бы нашему общему делу более сбалансированный подход к освещению правовой проблематики в средствах массовой информации. А то ведь как-то стало забываться, что прав граждан не бывает без их обязанностей. Это существо демократии. И это полностью соответствует Конституции. Требования закона должны сначала безоговорочно исполняться и только потом можно дискутировать о его положениях, пересматривать правовые нормы.

Точно так же законные требования полномочных представителей государственных органов, в том числе и сотрудников милиции, сначала должны быть выполнены и только потом оспорены, если они кому-то кажутся необоснованными. Элементарные, казалось бы, нормы правовой и общей культуры. Но ведь они нарушаются сплошь и рядом, порождая никому не нужные коллизии, непонимание, обостряя атмосферу общественных отношений.

Участвуя в формировании общественного мнения, особенно по вопросам правопорядка, журналисты, убежден, не вправе забывать о том, какое отношение к закону — как регулятору общественных отношений — они проповедают.

Безусловно, необходимо и совершенствование законодательства (при неукоснительном соблюдении действующего, как уже говорилось). К примеру, предупреждающее значение такой санкции, как штраф, во многом обесценено. Необходим правовой механизм, обеспечивающий исполнение наказания. Не срабатывают зачастую пра-

новые положения, регламентирующие порядок возмещения преступником причиненного им ущерба

Не обеспечена в должной мере правовая защищенность сотрудников милиции, о чем также говорилось на упомянутом выше совещании в ЦК КПСС.

Немало предстоит сделать и в плане социальной профилактики отклоняющегося поведения, в установлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, в ресурсном и материальном обеспечении деятельности правоохранительных органов.

Словом, серьезных и очень серьезных проблем, имеющих самое прямое отношение к вопросам укрепления правопорядка, у нас хватает. Хочется верить, что набирающий силы процесс обновления общественной мысли и жизни будет способствовать оздоровлению интересов и возрождению идеалов — не сочтите эти слова за дань красноречию.

Но нельзя терять времени, чтобы не опоздать. А для этого нужна четкая позиция неприятия чуждых нашему обществу интересов эгоцентризма, иждивенчества, наживы.

И не только на словах, разумеется... Это тоже важнейшее условие формирования социалистического правового государства

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В письме В. Коваля и группы работников Лиепайского района газоснабжения сообщалось: в коллективе тяжелый морально-психологический климат, крайне нездоровая обстановка. В. Ковалю фактически вынудили уволиться с работы по собственному желанию. О результатах рассмотрения коллективного читательского письма ответил редакции секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Охерин.

Факты соответствуют действительности. Бюро Лиепайского горкома партии рассмотрело вопрос «Об упущениях в работе первичной партийной организации и администрации Управления газового хозяйства по подбору кадров». За беспринципность, самоустранение от работы по подбору кадров, отсутствие требовательности к коммунистам по строгому соблюдению Устава КПСС секретарю партбюро И. Омельченко объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. За отсутствие принципиальной линии в проведении кадровой политики, недооценку возможных последствий и допущенные недостатки в организации собрания трудового коллектива начальнику Управления газового хозяйства коммунисту А. Кирсису объявлен выговор, начальнику конторы Лиепайского района газоснабжения коммунисту Л. Коновалову — строгий выговор. Коммунисту Н. Аксельроду, преподавателю Лиепайского филиала учебного комбината «Лиепвяс газе» объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку — за нарушение Устава КПСС, недооценку возможных последствий, за действия, способствующие обострению межнациональных отношений.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

«Изберите меня своим депутатом» — такое явление стало возможно благодаря перестройке. Но оно породило и проблемы. О них размышляет журналист А. Пакков в статье «Откровенный разговор, или как я не стал народным депутатом».

О необходимости восстановления истинной ценности творчества, об усилении юридической защиты права на него каждого человека читайте в материале «Право на инициативу».

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР,

ИЛИ КАК Я НЕ СТАЛ НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР

Еще лет этак пятнадцать назад выборы проходили как «всенародный праздник демократии», под гармошку, под бодрые, оглушающие марши уличных репродукторов. В той запрограммированной на выверенный результат и не дающей осечки демократии ничего не оставалось, как праздновать, поскольку никто не терпел поражение на выборах, были одни только победители.

Но постепенно праздник превратился в унылую обязаловку. Все влиятельнее становилась «материальная заинтересованность» — старались завлекать ломящимися от дефицитных яств прилавками «выборных» буфетов. Ну, а голосование за членов семьи, соседей стало делом обычным. Все смирились, что этот политический акт — пустая формальность.

И вот с наших глаз слетела розовая пелена, и мы увидели, что выборы — это именно выборы. Надо выбирать, а не просто опускать бюллетень. И для кого-то этот день становится праздником победы, а для кого-то оборачивается горечью поражения. Так было при выборах народных депутатов СССР.

Впрочем, большинство кандидатов выбыло из борьбы еще до всеобщего голосования. В их числе и я. И тем не менее и их, и мой

опыт должен стать наглядным уроком для тех, кто вступит в нелегкую и очень своеобразную политическую борьбу, в которой советские люди по сути — новички.

С КЛЕЙМОМ САМОВЫДВИЖЕНЦА

В субботу, 21 января, я увидел на двери нашего подъезда объявление о том, что на следующий день в Доме культуры имени Серафимовича состоится собрание жителей Краснопресненского и Фрунзенского районов столицы для выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР по территориальному избирательному округу № 11.

На следующий день в воскресенье, изложив на бумаге текст своей предвыборной платформы, отправился на собрание. Зал был переполнен, пришлось стоять несколько часов.

Отмечу еще одну деталь. «Свои» приходят раньше на час, занимают места, а «неорганизованных» не пускают. Здесь тоже попытались не пустить, но зал запротестовал.

В этом зале не было ни одного моего знакомого. Никого из друзей, коллег или соседей я не приглашал. В подходящий момент поднялся на трибуну и предложил свою кандидатуру...

...Всего на том собрании было выдвинуто девять кандидатур. Но с первой минуты всем стало ясно, что «симпатии» организаторов на стороне генерального директора научно-производственного объединения, члена бюро Краснопресненского райкома партии А. Канащенкова. Хотя это и было собрание жителей, но почти половину зала занимали работники НПО и другие лица, строго сориентированные на поддержку А. Канащенкова. Они очень активно и шумно ему аплодировали.

Среди девяти кандидатов были и такие, что с программами по сути не выступали, а, произнеся несколько общеполитических лозунгов и поблагодарив за оказанную честь, брали самоотвод. То есть демонстрировали запрограммированную видимость демократичности собрания: были, мол, в духе времени, альтернативные кандидаты. «Незапрограммированные» же кандидаты, в том числе еще два самовыдвиженца, не рискнули кинуться в бой.

В списке для голосования осталось лишь четыре кандидатуры. Председательствующий предложил, чтобы каждый проголосовал только за одну. И с этим поспешно согласилось большинство. Однако возмущенному меньшинству, несмотря на отчаянное сопротивление президиума, все же удалось доказать, что невозможно при открытом голосовании гарантировать соблюдение этого условия.

Когда объявили результат голосования по моей кандидатуре, то «против» оказалось ровно на сто голосов больше, чем было на самом деле. И тут с балкона раздалось:

— Неправильно — про Панкова!

Начались крики: «Подсчитать заново! Переголосовать! Да что же вы делаете!..» Заставили председательствующего выписать для наглядности на доске показания каждого счетчика. Всем сразу стало ясно: произошла ошибка. На сцену поднялся заворг райисполкома. Имел ли он право вмешиваться в работу президиума?.. Но тем не менее пришлось объявить, что я набрал более 50 процентов. Так же как и А. Канащенков и Б. Ельцин.

И вдруг председатель окружной избирательной комиссии В. Рыбаков (кстати, адвокат по профессии) объявил, что по большинству голосов прошел А. Канащенков. Что тут началось! Вавилонское стол-

потворение! Минут сорок один за другим поднимались на трибуну, вырывали друг у друга стоявшие в проходах микрофоны. Кричали, что это обман, что на собрании не было договоренности об одной только кандидатуре, читали статью 37 Закона о выборах в народные депутаты СССР.

Прочитаем теперь, в спокойной обстановке, еще раз эту статью и разберемся. Там, в частности, сказано: «Кандидат считается выдвинутым, если за него проголосовало более половины участников собрания...» Как эту фразу понимать? С одной стороны, слово «кандидат» употреблено в единственном числе, но с другой — не говорится же, что должен быть только один кандидат. Ведь можно понять, что каждый кандидат должен набрать не менее 50 процентов голосов.

Напрашивается вывод: текст Закона не должен давать повода для разного толкования. К сожалению, это не единственное место в Законе, которое ставило в тупик и организаторов, и участников собраний, создавало конфликтные ситуации.

Окружная комиссия утвердила протокол собрания с тремя кандидатами. Кстати, надо уточнить и термин «кандидат», поскольку таковым человек официально называется лишь после регистрации. Может быть, до регистраций следует называть его «кандидатом в кандидаты» или «незарегистрированным кандидатом». Сейчас разночтения создают некоторую путаницу.

В конце собрания возник еще один инцидент, но о нем чуть ниже.

ФИЛЬТР ДЛЯ «НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ»

Следующий этап предвыборной борьбы — окружное собрание. Его в народе сразу же назвали фильтром для отсеивания «нежелательных». Как срабатывает этот фильтр?

Участников окружного предвыборного собрания, как известно, определяют по такому принципу. Половина зала (у нас было 40 процентов) отдается представителям тех трудовых коллективов, которые выдвинули кандидатов. И тут действует сила такой арифметики. А. Канащенко выдвинули 22 коллектива, председателя Московского строительного комитета (новая организация — по сути Министерство строительства в Москве) П. Сухова — 14, а доктора геолого-минералогических наук Г. Рейснера и некоторых других — лишь один. И, определив норму представительства для каждого такого коллектива в четыре мандата, окружная комиссия выдает в поддержку А. Канащенко — 88 мандатов, П. Сухова — 56, Г. Рейснера — 4.

Может быть, большее число коллективов свидетельствует об особой популярности? Посмотрим, кем выдвинут А. Канащенко. Заводом, столовой № 30, Домом культуры имени Серафимовича... То есть теми организациями, которые или прямо входят в состав возглавляемого им НПО, или обслуживают это объединение. Дальше смотрим список: хозяйственный магазин, овощной, продовольственный, обувной... И не случайно президиум собрания отказался зачитать полный список коллективов, выдвинувших кандидатов, назвали лишь количество, которое должно было бы, по замыслу организаторов собрания, свидетельствовать об авторитете одних и скромной известности других.

Но этические соображения все же к протоколу собрания не пришьешь. Закон разрешает «набирать очки» в любых коллективах, более того, подталкивает на это: ведь всем хочется заранее обеспе-

чить себе численный перевес в зале. И эти разные стартовые позиции напоминают соревнование тяжелоатлетов разных весовых категорий.

Так что, товарищи будущие кандидаты, дружите с магазинами не только по причине вечного дефицита, но и с политическим прицелом! И с кооперативами тоже, и с конторами, и с разными маленькими коллективами, которым нет числа! В маленьких вряд ли найдутся соперники-цицероны. Зато этим самым числом вы одолеете своих будущих противников. Только... вдруг все кандидаты заручатся поддержкой сотен коллективов? Что тогда? Где проводить окружное собрание? Стадиона в Лужниках не хватит.

А может, пока не дошли до такого абсурда, поменять соответствующие статьи Закона? Не логичнее ли считать, что кандидат выдвинут одним коллективом, а другими — поддержан? Тогда не надо будет гоняться за впечатляющей цифирью, за показушной любовью к некоторым кандидатам, останется лишь бескорыстно-искреннее желание поддержать его морально.

Это тем более важно, что мы декларируем равные возможности всех кандидатов.

88 и 4 — даже первоклашке ясно, что равенства тут нет. А если 88 и ноль? Скажете: такого не может быть. Я бы тоже не поверил, если бы это не случилось со мною.

Напомню: собрание жителей в Доме культуры имени Серафимовича закончилось скандалом. Споры тогда затянулись еще и потому, что там предложили избрать делегатов на окружное собрание, чтобы защищать выдвинутых кандидатов. Но председатель окружной комиссии В. Рыбаков категорически воспротивился этому (можно было подумать, что именно он председатель собрания).

Делегатов не избрали, но ведь на каждый коллектив, выдвинувший кандидата, выделили, как я уже говорил, по четыре мандата. Мой «коллектив» — это собрание жителей. Но поскольку тогда делегатов не избрали, то я остался на окружном собрании без поддержки. Вот такая получается демократия. Выборочная. Кому повезло, а кому не очень.

Ошибка тут явная, но никто ее исправлять не пожелал. А теперь мы подходим к распределению мест во второй половине зала.

В данном случае окружная комиссия отдала шестьдесят процентов всех мест тем трудовым коллективам, которые не выдвигали кандидатов. Также по четыре мандата. И кроме того, по четыре мандата — на каждое собрание жителей, организованные всеми районными эксплуатационными управлениями (РЭУ).

Моя редакция находится на территории этого же округа и, следовательно, имела право выдвинуть делегатов. Но ни райком, ни райисполком не предложили этого сделать. По какому вообще принципу были определены именно данные 82 коллектива, а не другие из многих сотен, не удостоенных этой чести?

Сначала из окружной комиссии сообщили, что, понимая мое затруднительное положение, редакции выделят... один мандат. Ну, может быть, два. Дали бланк для выписки из протокола собрания. Потом и этого не разрешили.

И опять сопоставим факты. Насколько трудно было «нежелательным» представителям и как легко — желательным. Утверждаю это вот почему. Среди участников собрания оказался Р. Хунтуа, главный врач медсанчасти № 47 объединения «Мосстрой». Каким образом мог получить мандат работник организации, которая находится на

территории другого избирательного округа? Как же это не выявили организаторы собрания? И кто даст гарантию, что этот случай единичен?.. Почему в зале сидели люди без мандатов и создавали «шумовой эффект»? Почему организаторы воспротивились созданию на окружном собрании мандатной комиссии? Все эти вопросы остались без ответа даже после того, как их поставили перед окружной комиссией кандидаты в депутаты.

За два дня до окружного собрания состоялось совещание всех тринадцати кандидатов по процедурным вопросам. Там были и члены окружной избирательной комиссии. Я заявил, что остался без поддержки,— нулевая реакция. На следующий день еще раз попытался разрешить конфликтную ситуацию.

— Да что вы волнуетесь? — ласково уговаривал меня В. Рыбаков. — В вашу поддержку пришли очень хорошие письма и телеграммы. Зачитаем.

Я знал, что мои товарищи по работе, не имея возможности быть официальными представителями коллектива, написали письмо в мою поддержку. К окружному собранию обратились также сотрудники других редакций, где я работал, и читатели «Труда».

И каково же было мое удивление, когда эти письма и телеграммы не зачитали. Председатель собрания сообщил, что пришли письма, спросил у зала: будем полностью читать или только суть? Уставшие люди (собрание шло уже часов восемь) почти хором прокричали: «Су-у-ты!» И председатель сообщил: «В поддержку кандидатуры Панкова написали работники газеты «Труд»... Вот и вся «суть». Да разве в этом суть? Суть — в аргументации: важно знать, почему люди поддерживают того или иного кандидата, а не только сам факт поддержки.

И потом. Вопрос о «сути» нельзя было выносить на голосование. Председатель был обязан зачитать, не спрашивая мнения собрания. «А почему обязан?» — возразили мне впоследствии в окружной комиссии. В Законе об этом ничего не сказано. Перечитал еще раз статью 38 — верно, не сказано.

Но в разъяснении, которое дала Центральная избирательная комиссия (опубликовано в «Известиях» 23 января 1989 года), четко сказано: «Письма и телеграммы, поступающие в адрес окружного представительного собрания, должны... доводиться до сведения его участников». Письма! А не ущербная «суть»...

И еще один удар по демократическому волеизъявлению был нанесен на окружном собрании. Выступили в поддержку каждого кандидата заранее определенные «защитники», затем еще 13 человек, и прения прекратили. Да, опять процедурный вопрос вынесли на обсуждение, и большинство проголосовало «за». Но как же тогда понимать Закон? Там сказано: «Любой участник собрания вправе обсуждать кандидатов в депутаты и вносить по ним свои предложения». Но получается, что десятки людей были лишены своего законного права высказаться о кандидатах. Это плюрализм?

КОНКУРС КРАСНОРЕЧИЯ

Можно ли за семнадцать минут узнать человека настолько, чтобы поддержать его как кандидата в народные депутаты СССР? Каждому кандидату давалось по семь минут на изложение программы и по десять — для ответов на вопросы. Я слышал, как дрогнул голос у заместителя министра, потом у академика, как не очень эффектно

выступил (видимо, перегорел) сильный публицист А. Нуйкин... Нужен ли нам такой «конкурс обаяния, красноречия»? Ведь не исключено, что может понравиться краснобай, а вдумчивый, деловой человек, с глубокими предложениями, о которых за семь минут он не успел рассказать, окажется за чертой признания. Не поискать ли нам из опыта других стран, имеющих давние парламентские традиции, более гибкую систему, полностью отказавшись от окружных собраний?

Когда идут споры о тексте Закона, о том, нужно ли в нем все расписывать до мелочей, нелишне подумать о практике, когда любая мелочь может оказаться решающей. И если мы говорим о создании равных прав и возможностей для кандидатов, то как же все-таки понимать, что можно оказаться совершенно без поддержки «выборщиков»? Считаю, что тут был явно нарушен дух, а по ряду пунктов и буква Закона. Об этом я официально заявил в трехдневный срок в Центральную избирательную комиссию. И что же? А ровным счетом ничего! Спустили мое письмо и еще несколько жалоб избирателей этого округа в окружную комиссию. Меня туда пригласили на разбор («предварительный», как объяснили в Центризбиркоме). И сделали вывод, что во всем виноват я сам: своевременно «не добился», «не использовал» те возможности для поддержки моей кандидатуры, которые все же у меня были... Я знаю, что я «не использовал», «недоучел», «недожал», «проявил мягкотелость». Но я-то ждал оценки не своих действий.

И потом, обращался не в окружную комиссию, а в Центральную. Пусть она мне и ответит. Письменно.

— Ответа не будет. А письменно нам некогда на все жалобы отвечать, — категорично заявил заместитель заведующего организационно-инструкторской группой Б. Вишневский. — И, кроме того, это все — процедурные издержки. Вам надо было официальный протест заявить на самом собрании...

Да ведь я же заявил о нарушении Закона. И просил разобраться, куда же делись четыре мандата. В ответ прозвучал невразумительный ответ В. Рыбакова:

— Ну, что вы, думаете, мы тут махинациями занимаемся?..

И все же: кому конкретно были вручены четыре мандата? Готовясь отвечать на мой протест, окружная комиссия задним числом сличила списки участников двух собраний — в Доме культуры имени Серафимовича и окружного, выбрала несколько совпавших фамилий и теперь представила их, как «моих» выборщиков. Но почему же мне о них не сообщили официально ни на окружном собрании, ни накануне?

А как нужно было поступить окружной комиссии? Обратимся еще раз к упоминавшемуся разъяснению Центральной избирательной комиссии: «Представители собрания избирателей, выдвинувших кандидата в депутаты, делегируются либо из числа участников этого же собрания, либо другим собранием этих же избирателей...» Что тут может быть юристу В. Рыбакову непонятно? Если он не разрешил выдвинуть делегатов на первом собрании в ДК имени Серафимовича, то надо было организовать второе собрание этих же избирателей.

Прискорбно, что именно Центральная избирательная комиссия, которая призвана быть защитницей законности, всячески способствует демократизации в выборных делах и развитию правового государства, от ответа по существу вопроса ушла, да и ответил на

письменное заявление аппаратчик, а не член комиссии, и к тому же устно...

И избиратели, и организаторы выборов единодушны во мнении: статью 38 об окружных собраниях надо дорабатывать, уточнять.

Необходимо сказать и о самом, пожалуй, важном. О нашей с вами позиции, готовности к таким выборам. Согласимся, что не только Закон виноват, что где-то в выборной кампании допущены перекосы. Его исполнение зависит от уровня нашего общественного самосознания, демократической культуры.

При всех издержках нового Закона, он и в таком виде позволял провести выборы с большей демократичностью. Но мы — и кандидаты, и избиратели — или плохо знаем законодательство, или не умеем пользоваться своими законными правами, или не желаем ими пользоваться. Если закон допускает разные толкования, то его применение зависит от «толкователей». А кто они — это ведь наша забота. Давайте вспомним избирательную кампанию с самого начала. Какой-нибудь трудовой коллектив боролся за право выдвинуть своего представителя, скажем, в состав окружной комиссии, на окружное собрание, в состав президиума этого собрания (а от ведущих, как, надеюсь, вы поняли, очень многое зависит)? Сила бюрократического аппарата не только в его сложившейся системе, но и в знании законов, механизма организационной, чаще всего невидимой для «простых смертных» работы.

Вскоре состоятся выборы народных депутатов республиканских, местных Советов... Надо готовиться, извлекая урок из предыдущей жаркой избирательной кампании. Урок должен пойти впрок.

А. ПАНКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Журналист А. Панков делится впечатлениями от участия в выборной кампании, анализирует ситуацию в конкретном избирательном округе.

Но, думается, автор правильно вскрывает болевые точки в избирательной кампании, Законе о выборах. Ведь именно об этом говорили на Съезде народные депутаты СССР.

Почему мы публикуем заметки А. Панкова? Ведь вроде уже и поздно — время прошло. Но грядут выборы в республиканские, местные Советы, где надо избежать все эти просчеты. Предстоит внести изменения в Закон о выборах, принять законы о выборах в республиканские, местные Советы народных депутатов СССР. Думается, в этом плане будет полезна и публикуемая статья.

ПРАВО НА ИНИЦИАТИВУ

Еще одно право? В редакции общественно-политического журнала, проанализировав письма читателей, очень удивились, что в них в разных вариантах преобладает однозначная стереотипная формула-вопрос: «По какому праву?» По какому праву тронули нынешнего

руководителя? По какому праву сняли бывшего? По какому праву критикуете весьма уважаемый орган или лиц, уже вошедших в учебники по истории? Кто уполномочил прессу выступать в подобном духе? И т. д. и т. п. А когда в «Литературной газете» появилась рубрика «Право на инициативу», некоторые читатели даже с юридическим образованием высказали недоумение: «Что сие означает?» Подобные вопросы свидетельствуют, на наш взгляд, о явно невысоком уровне правосознания, побуждающего доискиваться мотивов и оснований тех или иных действий, поступков. Довольно значительная часть граждан продолжает верить, что разрешение на критику выдается, подобно охотничьей лицензии. А некоторые работники правоохранительных органов порой рассматривают критику в свой адрес как потрясение правовых устоев.

Такие взгляды на инициативу еще встречаются и изживаются медленно. Вместе с тем все более частым и типичным становится мнение другого плана, поддержка инициативной деятельности граждан в соответствии с принципом «разрешено все, что не запрещено законом».

Академик В. Н. Кудрявцев высказывает мысль, что по мере развития советского общества, повышения культуры и сознательности людей, роста их социальной активности и сплоченности отпадет необходимость в скрупулезной юридической регламентации поступков граждан, деятельности хозяйственных органов, общественных организаций. Но одновременно возрастает значение юридических гарантий права на инициативу.

Как практически реализовать полезное предложение, новаторскую идею, инициативу трудового коллектива, кооператора, арендатора, каждого гражданина? Ответ на этот вопрос особенно важен в условиях политической и правовой реформы, когда практическая реализация инициативы трудящихся выдвинулась на первый план. При этом особо важно усиление социальных стимулов, повышение ответственности юридических гарантий внедрения новшеств.

Читатель помнит знаменитую скульптуру Родена «Мыслитель». Скульптору удалось передать драматизм мук творчества, процесс рождения идеи. Обращает на себя внимание исключительная напряженность позы, всех мышц «думающего человека», о чем стоило бы, в свою очередь, поразмыслить тем, кто считает интеллектуальный труд самым легким занятием. И почему-то не покидает чувство тревоги. Если идея рождается в такой муке, то чем обернется ее встреча с людьми, как они к ней относятся, не будет ли дополнительным и непосильным грузом для ее автора равнодушие окружающих, отрицательное отношение, не говоря уже о столь нередком в современном мире подавлении инакомыслия? Так, может быть, роденовский мыслитель уже «родил» идею и мучительно думает, как ее встретят люди, коллектив, инстанции?

Встреча идеи с обществом очень часто полна острейших конфликтов, насыщена порой подлинным трагизмом ситуаций, в которых право играет далеко не последнюю роль. Как оно реагирует на новую ситуацию и уникальную чувствительность творческой личности, на явную несправедливость в отношении признания результатов труда? Остановимся на проекте Закона об изобретательской деятельности в СССР.

Новый закон призван (и это нашло отражение при обсуждении общественностью его основных позиций) предусмотреть усиление юридической защиты прав изобретателя, укрепление его социаль-

ного статуса в обществе. Принятие закона будет содействовать повышению эффективности вклада ученых, инженерно-технических работников и новаторов производства в решение приоритетных задач ускорения социально-экономического развития общества.

На наш взгляд, закон законом, но главное — нужна новая концепция правового статуса новаторской идеи, своего рода теория «интеллектуальной собственности». Кстати сказать, хотя этот термин я беру в кавычки, он принят в международном праве для регулирования режима изобретений, открытий, авторского права писателей, художников и т. д. Если развитие нашей экономики обнаружило полную неприемлемость «ничейной», «бесхозной» собственности, то в отношении к интеллектуальной собственности подобный режим особенно пагубен и деструктивен. Известный врач С. Н. Федоров выразил в интервью одной из газет предельную степень изумления, когда узнал, что не он является правомочным собственником на сделанное им открытие, а некое ведомство, не приложившее к нему ни грана усилий. По его мысли, инициатор изобретения, нововведения должен правомочно распоряжаться своим детищем на началах партнерских отношений с заинтересованными ведомствами, которые призваны ему помочь. Логика вещей требует синхронизации интересов новатора, коллектива (ведомства и пр.) и государства, но это далеко не всегда получается. Нет у нас и достаточно эффективной системы доставки новых идей народу. И с этим выводом нельзя не согласиться.

Вообще общественный, государственный интерес, обеспечиваемый добровольной инициативой граждан (дар, пожертвование и др.), до последнего времени был невероятно слабо защищен.

В печати описывались мытарства вдовы, выполнявшей волю умершего мужа передать определенную сумму государству. Под разными предлогами ей отказывали в принятии пожертвования. Финансист, отвергающий идущие к нему живые деньги, заработанные честным путем, — нелепость. Другой пример — музей частных коллекций был открыт после многократных и очень настойчивых выступлений прессы, авторитетных общественных деятелей. Известен случай, когда группа студентов приехала к человеку, пожертвовавшему десять тысяч рублей на общественные нужды, с тем чтобы убедиться, что он реально существует, а не миф, не выдумка прессы. Вот до чего дело дошло.

Перестройка уже сделала немало в восстановлении истинной социальной ценности инициативы. Открыты в сбербанках различные специальные счета и фонды. Граждане отстаивали свое право помочь средствами своему государству в решении неотложных проблем. Даровые деньги для государства стали принимать. А как с идеями, ценными предложениями? Здесь несколько хуже.

Разумеется, защита права личности на инициативу должна осуществляться по всему фронту общественной жизни. Но при этом существуют ключевые, наиболее острые точки. В частности, инициатива в труде, права потребителя, творца в духовной сфере и т. д. Остановимся подробнее прежде всего на конституционных нормах и гарантиях права на творческую инициативу.

В статьях 14, 15, 16 Конституции СССР записано, что социалистическое государство поощряет новаторство, творческое отношение к работе, опирается на творческую активность народа, сочетает централизованное управление с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. Зако-

нодательные акты последних лет (Законы о государственном предприятии, кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, об аренде и др.) конкретизировали и расширили рамки инициативы юридических лиц, граждан.

В статье 47 Конституции СССР записано: «Гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества. Она обеспечивается широким развертыванием научных исследований, изобретательской и рационализаторской деятельности, развитием литературы и искусства. Государство создает необходимые для этого материальные условия, оказывает поддержку добровольным обществам и творческим союзам, организует внедрение изобретений и рационализаторских предложений в народное хозяйство и другие сферы жизни.

Права авторов, изобретателей и рационализаторов охраняются государством».

Все это так. Но ведь важно учитывать и особую государственную важность различных проявлений творческой инициативы (открытия, изобретения, рационализаторские предложения, гражданские, хозяйственные инициативы). Потому необходимо закрепить в системе правовых установлений меры чрезвычайной социальной защиты инициатора.

Во-первых, в этих целях необходима презумпция социальной ценности инициативы, предполагающая ее особую полезность для общества до тех пор, пока компетентными экспертными службами не доказано обратное. Причем бремя доказывания несостоятельности предложения должно лежать на органе, которому адресована инициатива.

Правовой статус защиты некоторых предложений существует в отношении определенного круга организаций, законодательные инициативы которых подлежат обязательности рассмотрения. Он существует применительно к личным жалобам и заявлениям, когда решение по ним должностного лица может быть обжаловано в судебном порядке. Но все же подобный порядок предусмотрен для жалоб граждан в связи с ущемлением их личных прав, а не при проявлении личной общественной инициативы. По инициативным же предложениям граждан решение принимают, как правило, коллегиальные органы, и поэтому неправомерный отказ по ним не может быть обжалован в суд. Такой порядок необходимо изменить, предусмотрев особые меры судебной защиты инициатив, предложений граждан, трудовых коллективов, кооперативов, общественных организаций и госорганов.

Нужна процедура правовой защиты любого социально полезного предложения, с которым граждане, организации, коллективы выступают по своей инициативе. Мы ставим в этом перечне гражданина на первое место, ибо сегодня его права в этой области наименее защищены.

Во-вторых, необходим четко налаженный строгий учет социальных инициатив на всех ступенях управления и самоуправления общественными процессами — в трудовом коллективе, в общественных организациях, на региональном уровне, в центре и на местах. Сбор, обобщение, анализ и оценка поступающих предложений должны носить систематический характер, осуществляться под постоянным контролем.

Накоплен большой и ценный опыт учета, анализа и реализации предложений трудящихся по проектам законов, выносимых на всенародное обсуждение, например, Конституции СССР, Закона о государственном предприятии и др.

На наш взгляд, последовательно развивая подобные инициативы, необходимо создавать комплексную систему учета, анализа и реализации социальных инициатив. Социологические опросы показывают, что пока еще значительное число трудящихся не знают о судьбе своих предложений, высказанных, например, на собраниях, очень малая часть из них практически реализована. Именно здесь самые цепкие корни апатии и индифферентности. Видимо, есть смысл подумывать о привязке конкретного проекта закона к конкретному автору-коллективу, организации, республике, депутату, гражданину, их выдвинувшему. У идей, проектов законов есть конкретные авторы. Но их авторство теряется. Конкретное же авторство проекта усилит ответственность. Оно важно не только для истории, но и для современников, чтобы знать «кто есть кто». Зарубежный опыт показывает, что это имеет смысл. Многие поправки к законам в американском конгрессе носят «именной» характер и не принесли славы их авторам, например, усиливающие режим запретов в торговле с социалистическими странами, или печально известные «поправки-убийцы» реакционных конгрессменов с целью подорвать советско-американские соглашения о разоружении. Но есть и позитивные примеры.

В ходе обсуждения проекта изменений и дополнений к Конституции СССР в газете «Советская культура» рассматривался в «Деловом клубе» вопрос о возможностях законодательной инициативы. Мнения по этому вопросу разделились. Некоторые считают, что в проекте право законодательной инициативы представлено достаточно широко и отражает потребности общества в участии его граждан в законодательном процессе. Другие же, поскольку в связи с развитием неформального движения различные самостоятельные политические организации выходят со своими предложениями, ставят вопрос: не следует ли предоставить право законодательной инициативы любой группе граждан, которая возмечет подобное желание?

Ряд ученых, юристов, экономистов полагают, что это было бы неверно, нерационально, если угодно, неэкономно. Право законодательной инициативы обязывает законодателя рассматривать это предложение, анализировать проект, готовить закон. Что же будет, если каждая самостоятельная организация в своих, может быть, узкогрупповых интересах будет формулировать свои законы, не умея, кстати, этого делать, законодатель эти предложения (а их может быть тысячи) будет обязан рассмотреть?

Кое-кто более склонен согласиться с предложением предоставить и «низам» более широкие возможности участия в законодательном процессе. Но необходимо, чтобы был какой-то промежуточный орган, который определял бы, имеет ли смысл рассматривать то или иное предложение. Не лишать представителей общественности права участвовать в законодательных инициативах, но создать органы предварительной экспертизы, призванные определять — есть ли в предложении рациональное зерно и как его использовать. В этом случае росла бы политическая активность масс и не загружался бы лишней работой Верховный Совет.

На наш взгляд, тревожиться по поводу того, что законодатель «потонет» в инициативах, пока нет оснований. Если же учет, классификацию, анализ предложений поставить на уровень современной

информационной техники, многие трудности и проблемы будут сняты. Думается, более демократичным и перспективным выглядит предоставление права выдвинуть законопроект или поправки к нему любому депутату, любой общественной организации, группе граждан или в принципе даже любому гражданину. Но обязательность рассмотрения данной инициативы той или иной законодательной инстанцией должна наступать при соблюдении определенных условий: рассмотрение в районном, городском Совете с правом передачи в Верховный Совет, предварительное обсуждение общественными организациями, их представителями и т. д. Порядок может быть разный при обязательности рассмотрения.

Реализация права на инициативу в наиболее концентрированной форме выражает и позитивные изменения, и противоречия процесса демократизации, различные, порой конфликтные, проявления свободы творчества, самоуправленческих начал, дисциплины и ответственности в правовом государстве.

Право на инициативу нуждается в осмыслении, в увязке с системой действующего законодательства, укреплении правового статуса и комплекса правовых, моральных, социальных гарантий.

Н. КЕЙЗЕРОВ,
доктор философских наук,
профессор

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Наш читатель И. Дорошко из Ростовской области написал в редакцию о злоупотреблениях должностных лиц на Красносулинском металлургическом заводе. Что же показала проверка? Вот что сообщил в редакцию начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД Прокуратуры Ростовской области советник юстиции А. Мкртычев: сварщик М. Семенов с ведома временно исполняющего обязанности начальника цеха Г. Голощапова изготовил и реализовал металлические ворота для гаража. Г. Голощапов, зная, что документы на эту работу не оформлены и оплата законным образом не произведена, тем не менее разрешил выдачу продукции из цеха металлокерамических изделий.

За отсутствие должного учета и контроля за расходом металла, состоянием бухгалтерского учета, за необеспечение сохранности социалистической собственности Г. Голощапов и старший бухгалтер Т. Голубова привлечены к дисциплинарной ответственности. Ущерб предприятию возмещен.

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. П. МИХАЙЛОВ**

За пять месяцев 1989 года органами внутренних дел и прокуратуры зарегистрировано 884 967 преступлений, почти на 32 процента больше аналогичного периода прошлого года. К сожалению, преступность растет и темпы прироста остаются высокими.

Тяжкие преступления составили 102 726 случаев, что на 83,2 процента больше, чем за аналогичный период 1988 года. В числе тяжких преступлений более четверти приходится на преступления против личности (убийства с покушениями, изнасилования с покушениями и умышленные тяжкие телесные повреждения) против 28 процентов за соответствующий период 1988 года.

На 69,9 процента увеличилось количество разбойных нападений на квартиры, водителей такси и личных транспортных средств. Большинство разбоев совершено в группе. В числе задержанных преступников 39,7 процента нигде не работали, каждый третий — ранее уже привлекался к уголовной ответственности.

Имущественные преступления также выросли на 53,1 процента (498 857 случаев). Их удельный вес продолжает оставаться высоким. Более половины всех имущественных преступлений составляют кражи личного имущества граждан. Особенно распространены эти виды преступлений в Эстонской, Молдавской, Латвийской ССР, Хабаровском, Приморском краях, Калининградской, Ростовской областях, Северо-Осетинской АССР.

В сфере экономики наиболее характерны хищения государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением. Их доля среди преступлений, выявленных сотрудниками органов внутренних дел, за пять месяцев составила свыше одной трети. Аппаратами БХСС выявлено 4047 хищений в особо крупных размерах (на 57 процентов больше, нежели в 1988 году), а также предотвращено 15 917 преступлений, что также больше на 11 процентов.

В комплексе мер, принимаемых МВД СССР по обеспечению правопорядка в стране, серьезное внимание уделено повышению эффективности борьбы с организованной преступностью.

В структуре министерства создано специализированное подразделение, аналогичные аппараты формируются во многих МВД республик, УВД краев, областей и крупных городов с наиболее сложной обстановкой. Идет активный процесс становления этих подразделений, повышается уровень профессиональной подготовки оперативных работников, их техническая оснащенность.

Идет серьезная многоплановая работа по изобличению организованных преступных сообществ. Только в 1988 году выявлено более 1200 групп с высокой степенью опасности и организованности.

В текущем году проводятся мероприятия по документированию преступной деятельности наиболее опасных представителей уголовной среды, крупных расхитителей и дельцов, орудующих в сфере экономики республик Средней Азии и Северного Кавказа, Украины, Дальневосточного региона и ряда других мест. Многие из них при-

влекаются к уголовной ответственности, о чем более подробно будет рассказано в последующих комментариях.

В марте 1989 года в Северной Осетии арестовано ядро длительное время действовавшей вооруженной организованной группы, участниками которой совершен ряд убийств, тяжких телесных повреждений, разбойных нападений и вымогательств. В числе арестованных по делу — работник милиции, который не только предавал интересы службы и обеспечивал противодействие правоохранительным органам, но и принимал непосредственное участие в совершении тяжких преступлений. У преступников изъяты три пистолета, большое количество боеприпасов, деньги и ценности на сумму около 40 тысяч рублей.

В то же время эффективность борьбы с организованной преступностью сдерживается несовершенством действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Законом не охватываются действия главарей преступных сообществ, не связанные с совершением конкретных преступлений, в нем отсутствуют правовые нормы по защите участников уголовного процесса, что используется преступниками для подкупа, шантажа свидетелей и потерпевших. В процессе доказывания не принимаются достоверные данные, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности с помощью технических средств. Их не считают процессуальными доказательствами.

В этой связи министерством внесен ряд предложений в законодательные органы. По инициативе МВД СССР приняты законы, предусматривающие усиление ответственности за вымогательство в Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Латвийской, Туркменской ССР, в ряде союзных республик внесены соответствующие предложения в Президиумы Верховных Советов.

С введением в начале 1989 года повышенной уголовной ответственности за вымогательство барьер неведения в правоохранительные органы стал преодолеваться. Если за весь прошлый год выявлено 600 случаев рэкета, то только за четыре месяца 1989 года получено 1507 заявлений о вымогательстве, по которым возбуждено 1107 уголовных дел. К ответственности привлечено 687 человек, из них почти третью часть составляют несовершеннолетние. Все они занимались вымогательством крупных сумм путем угроз, насилия, погромов и поджогов.

Например, в феврале этого года на железнодорожном вокзале в г. Донске задержана группа рэкетиров, возглавляемая братьями Парубец, которая, угрожая кооператорам, завладела 11 тысячами рублей. Рэкетеры привлечены к уголовной ответственности. Наибольшее распространение вымогательство получило на территории Украинской ССР, Свердловской области, городов Москвы и Ленинграда.

Министерством внутренних дел СССР осуществляются организационно-практические мероприятия, направленные на совершенствование деятельности оперативных подразделений, активное привлечение трудящихся, общественных организаций к борьбе с организованной преступностью.

Среди предупредительных следует назвать меры по выявлению лиц, занимающихся азартными играми. За названный период выявлено 5315 фактов занятия азартными играми, за которые 76 человек привлечены к уголовной ответственности, многие — к административной, а в отношении 1038 человек материалы направлены для приня-

тия к виновным мер общественного воздействия. Как показывают материалы уголовных дел среди рэкетиоров, а также и потерпевших, немало лиц, занимающихся азартными играми

За последние три года в результате исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1987 года об амнистии, гуманизации судебной практики численность осужденных в местах лишения свободы сократилась на 40 процентов, в том числе осужденных к лишению свободы женщин — более чем в два раза. Впервые за многие десятилетия в 1988—1989 годах в стране были закрыты или перепрофилированы в ЛТП около 200 колоний. К семьям, в трудовые коллективы досрочно вернулись десятки тысяч бывших осужденных, большинство из которых честно трудятся, оправдывают доверие общества.

В то же время в результате этих процессов усложнился криминальный состав осужденных: удельный вес осужденных за тяжкие преступления достиг 50 процентов, одна треть осужденных имеет разного рода психические отклонения. В результате обострилась оперативная обстановка в местах лишения свободы. Возросло число случаев нападения на представителей администрации ИТУ и захвата заложников из их числа. Так, если за весь 1988 год было 14 случаев захвата заложников, то только за пять месяцев с. г. их количество достигло 33. В течение апреля — мая при подобных чрезвычайных происшествиях в местах лишения свободы УВД Хабаровского, Ворошиловградского, Донецкого, Актюбинского, Семипалатинского, Ростовского крайоблисполкомов, когда были исчерпаны все виды убеждения террористов, специальными группами захвата было применено оружие на поражение, в результате чего ряд террористов были убиты, другие получили ранение. Заложники были освобождены.

Оперативная обстановка в ИТУ характеризуется большой степенью напряженности и сложности. За пять месяцев с. г. общее число преступлений в местах лишения свободы возросло на 28,8 процента, в том числе умышленных убийств и покушений на них на 32,5 процента, сопротивлений представителям администрации в 2,3 раза, побегов и попыток к ним на 64 процента.

В то же время следует отметить, что профилактические возможности статьи 188³ УК РСФСР и аналогичных статей УК других союзных республик (злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения) применяются явно недостаточно. Так, в ИТУ Алтайского, Кировского, Красноярского, Приморского крайоблисполкомов, где число тяжких преступлений особенно возросло, по этой статье не привлечено ни одного человека. Осложнение оперативной обстановки в ИТУ остро ставит вопросы ускорения перестройки воспитательной и режимной работы, введения в штаты ИТУ психологов и психиатров

Принимаются меры к улучшению бытовых условий отбывания наказания. В прошлом году, например, введено общежитий на 22,6 тысячи мест, столовых на 7 тысяч мест. В среднем на одного осужденного сегодня вместо предусмотренных законом 2 кв. метров жилплощади приходится в общежитиях 2,7 кв. метров.

Осуществляется программа профилактики тубзаболеваний в ИТУ. Открыто 27 специализированных колоний для содержания осужденных, больных туберкулезом. Но этого явно недостаточно. К сожалению, местные советские органы во многих случаях препятствуют созданию специализированных ИТК для больных туберкулезом.

В мае т. г. принят Указ, предусматривающий сохранение за осужденным не менее 10 процентов заработка, независимо от всех удержаний, для покупки продуктов питания в магазинах ИТУ. Осужденным разрешено тратить для покупки продуктов и предметов первой необходимости до 25 рублей в месяц вместо 15 рублей, которые разрешались ранее.

МВД СССР снят ряд ограничений в режиме работы и условиях содержания лиц, находящихся в следственных изоляторах и тюрьмах. Речь идет о создании лучших бытовых условий.

В ходе реализации практических мер по перестройке ИТУ министерством, коллегией широко учитывались конкретные предложения и критические замечания, высказанные средствами массовой информации

Особое внимание обращено на улучшение состояния работы с кадрами ИТУ. В соответствии с требованием времени по рекомендациям партийных и советских органов в прошлом году на работу в ИТУ пришло более 9 тысяч человек, в том числе 2 тысячи коммунистов, что позволило несколько улучшить состав сотрудников. Для определения профессиональной пригодности работников к службе было осуществлено внеочередное аттестование всех кадров. Более 5 тысяч сотрудников были признаны не соответствующими занимаемым должностям. Больше внимания стало уделяться профессиональной подготовке кадров

В соответствии с резолюцией XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе» поставлена задача радикального пересмотра действующего исправительно-трудового законодательства. МВД СССР разработана доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В отличие от ныне действующих Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривается законодательная регламентация общих положений, порядка и условий исполнения всех видов наказания, а также применения иных мер уголовно-правового воздействия на осужденных.

При разработке модели в значительной мере дополнена и уточнена формула правового положения осужденных. Предусмотрены необходимые правовые гарантии прав осужденных граждан в период отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста, в том числе права осужденных пользоваться национальным языком, свободы совести.

Предполагается ввод дифференцированной системы изменения условий содержания осужденных в ИТУ в зависимости от их поведения и отношения к труду. Подлежит отмене ряд ограничений, не оправдавших себя на практике.

Естественно, конкретные меры по гуманизации системы исполнения наказания должны сочетаться с укреплением законности и дисциплины, с принятием установленных законом строгих мер в отношении лиц, не отказавшихся от преступного образа жизни, не желающих встать на путь исправления.

Особенно это касается лидеров преступной среды, так называемых «воров в законе», которые не работают, живут за счет «общака» (воровской кассы), развращают других осужденных, оказывают противодействие администрации мест лишения свободы. Таких лиц следует активнее выявлять, брать их под жесткий социальный контроль, направлять их в специальные колонии, где содержатся только «воры в законе» и иные авторитеты преступного мира.

ДОМ ДЛ МИНИСТЕРСТВА

Событие событию рознь. Даже если они из одного ряда, эффект может получиться прямо противоположный. Скажем, новоселье, каждый знает, событие, без всякого сомнения, радостное. Два новоселья — значит, двойная радость. А как в этом ряду может выглядеть сдача в эксплуатацию 75-квартирного жилого дома?

То-то и оно, что событие это состоялось еще летом 1987 года, но для многих оно оказалось печальным сразу, для некоторых других — потом.

Но расскажем все по порядку. В списке очередников на улучшение жилищных условий в Министерстве гражданской авиации (имеется в виду не вся отрасль, а лишь центральный аппарат) насчитывалось 38 человек. В доме, построенном по заказу авиаторов в Москве, в Конаковском проезде, 75 квартир. Правда, часть жилья нужно было отдать вошедшему в долю Министерству обороны, еще столько же строителям, исполкому райсовета и Моссовета. Потом еще выяснилось, что на несколько квартир претендуют московские организации Аэрофлота. В общем, самому аппарату министерства оставалось 25 квартир.

Представляете себе положение профкома? 13 человек — не-счастливое число — должно остаться в очереди.

— Им не хватило, — ответил тогда председатель профкома Вячеслав Анатольевич Капралов.

Не хватило, например, участнику войны, ныне пенсионеру В. Вишневу, старшему инженеру «Авиаремонта» А. Снегиреву, слесарю Ю. Горячкину, жившему с женой, двумя детьми и тещей в двухкомнатной квартирке площадью 23,6 квадратного метра, экономисту Т. Власовой, умолявшей дать ей с мужем и ребенком хоть комнату в коммуналке... Я перечисляю лишь тех, кто числился в министерском списке очередников, утвержденном в райисполкоме, чье право на улучшение жилищных условий подтверждено законом.

Сразу замечу: сегодня многие из перечисленных уже справили новоселье — но не в Конаковском проезде. А тогда, осенью 1987 года, когда выдавались ордера, этих людей среди счастливиц не оказалось.

А кто же получил? Сразу скажу: в министерстве не делали тайны из имен новоселов. Гласность — так гласность! Своевременно на

специальном стенде, рядом со списком очередников появился и «Список рабочих, служащих и командно-руководящего состава, которым предоставлены жилые помещения в доме № 8, корпус 2 по Конаковскому проезду».

Кто же был в списке? Например, кандидат наук, профессор И. Васин. С семьей из шести человек занимал трехкомнатную квартиру жилой площадью 51,6 квадратного метра. По правилам, утвержденным Моссоветом, даже кадровые работники предприятий, ведущих жилищное строительство, признаются нуждающимися в улучшении жилищных условий, если на члена семьи приходится меньше семи метров. У профессора было больше восьми, однако в новом доме он получил квартиру. Четырехкомнатную: жилая площадь 79,1 квадратного метра, общая — 140,2.

Почему? Читатель поймет, если назвать должность И. Васина — заместитель министра гражданской авиации СССР. Точнее, был заместителем министра во время выдачи ордеров. Ныне И. Васин работает в Канаде.

Еще новосел — В. Горлов, ученых степеней не имеющий. В Москве живет с 1983 года, а квартиру получил в 1985-м. Квартиру неплохую — при составе семьи в пять человек каждый имел более 9 квадратных метров жилой площади. Но накануне сдачи дома в Конаковском семья В. Горлова сильно выросла за счет детей и внуков. Казалось бы, им (детям) и нужно было вставать в очередь на жилье. Но заявление подал сам В. Горлов.

И еще одна деталь: претендуя в новом доме на четырехкомнатную квартиру (74,6 квадратного метра жилой площади, 136,6 — полезной), заботливый отец попросил прежнюю трехкомнатную квартиру оставить одному из сыновей (с женой и ребенком). В итоге, правда, «прошел» компромиссный вариант: четырехкомнатную квартиру Горлов получил на пятерых, как и просил, но студенческой семье пришлось потесниться: им подобрали двухкомнатную.

Читателя, наверное, интересует должность и этого новосела? Тоже замминистра, эту должность он занимает и по сей день.

Третий новосел — В. Колчанов. С женой и пятнадцатилетним сыном жил в трехкомнатной квартире площадью 46,1 квадратного метра. В новом доме получил тоже трехкомнатную: 55,1 — жилой, 116 — полезной. Генерал-лейтенант авиации Колчанов в Москве проживает с 1980 года, с сентября 1986 года работает в должности начальника политического управления гражданской авиации.

В списке, кроме того, секретарь парткома МГА Е. Бубнов (ныне уже тоже бывший), помощник министра Н. Васильев, начальник Центрального управления воздушным движением МГА В. Шелковников, начальник управления капитального строительства министерства Ю. Баранов. Юрий Иванович, впрочем, вместо двухкомнатной квартиры получил тоже двухкомнатную. Основания для улучшения: комнаты были смежными, а дочь — взрослая. Правда, и метраж новой квартиры немножко отличался: старая квартира — 23 квадратных метра, новая — 35 жилой и 82,7 — полезной площади.

Впрочем, эти несколько цифр приводятся совершенно не для того, чтобы читатели принялись срочно делить метры на души. В любом случае ни один из перечисленных здесь обладателей ордеров не имел никакого права на новоселье хотя бы потому, что никто из них не стоял в очереди на улучшение жилищных условий.

Правда, незадолго до начала дележки квартир, в марте того же 1987 года, на совместном заседании администрации и профкома

министерства был принят на учет замминистра В. Горлов, у которого, как уже сказано, быстрыми темпами росла семья за счет детей и внуков. Правила, утвержденные Моссоветом специально для таких случаев, гласят: «Принятие на учет граждан, у которых жилищные условия ухудшились в результате... вселения других лиц..., производится по истечении пяти лет со времени ухудшения жилищных условий». По тем же моссветовским правилам для попадания в списки очередников нужно к тому же прожить в столице не менее десяти лет. Администрация и профком пошли на исключение.

Но пусть бы нарушения ограничили лишь постановкой замминистра на учет — тогда в январе следующего, 1988 года В. Горлов мог бы появиться в списке очередников. Естественно, в конце списка, который тогда замыкался на ведущем инженере одного из управлений МГА Э. Геронтьеве, отдавшем гражданской авиации 22 года, принятом на учет в 1984 году и имевшем тоже немалую семью — 9 человек. Однако замминистра, не успев появиться в списке нуждающихся, перестал быть таковым сразу же после сдачи «министерского» дома, а Геронтьев — увыл..

Ситуация, согласитесь, не новая, когда начальство обходит подчиненных при распределении каких-то благ, исходя из соображений «деловой целесообразности». Меня уверяли, и не без оснований, что в МГА «всегда так поступали». И авиаторы, как люди дисциплинированные, неизменно брали «под козырек». Наверное, так было бы и с домом в Конаковском проезде, если бы не два обстоятельства. Во-первых, в стране началась перестройка, и о Министерстве гражданской авиации, в недавнем прошлом прочно огражденном от всяческой критики, вдруг неллицеприятно заговорила центральная печать. Во-вторых, в недрах самой системы появились люди, заявившие о своем несогласии с порядками, царившими в этом «министерстве закрытых дверей». Сначала это была инициативная группа летного состава и ветеранов Аэрофлота, которая занялась вопросами пенсионного обеспечения авиаторов. Постепенно этой группе пришлось заняться и другими вопросами восстановления социальной справедливости в отрасли. Получив в конце концов статус общественного отдела ЦК профсоюза авиаработников, группа занялась и домом в Конаковском проезде.

Когда нарушается закон, хочется немедленно идти к прокурору. Что в конечном итоге эта группа и сделала. Прокурор города Москвы Л. Баранов документы принял, обещал внимательно разобраться: если, мол, квартиры действительно предоставлены незаконно, прокуратура внесет протест.

Тем временем разбирательство шло по партийной линии, по линии народного контроля — всем проверяющим очень скоро становилось ясно, что нарушения закона, как говорится, «имеют место». В постановлении президиума МГК профсоюза авиаработников от 10 мая 1988 года даже появились такие слова: «Из 25 квартир в доме-новостройке... 8 квартир получили лица, не состоящие в списках очередников на улучшение жилищных условий и обеспеченные жилплощадью по существующим нормам». Отметив все допущенные нарушения, президиум даже постановил: «Профкому МГА совместно с хозяйственными руководителями пересмотреть принятое в нарушение жилищного законодательства решение о предоставлении жилой площади работникам МГА...»

Ни профком, ни администрация ничего пересматривать не собирались.

О «министерском доме» уже заговорили в печати. В министерство и в различные инстанции хлынул поток гневных писем от авиаторов со всей страны. Но новоселы все же надеялись, что «пронесет».

Не пронесло. Осенью 1988 года дело приняло совершенно скандальный оборот: прокурор Москвы подал в Ленинградский районный суд столицы восемь исков о выселении. Полгода ответчики еще потянули — поочередно не являлись в судебные заседания. Разумеется, у всех были уважительные причины: командировки, болезни... Суду под председательством народной судьи Т. Разгуловой даже пришлось обращаться к руководству Министерства гражданской авиации, чтобы приступить, наконец, к разбирательству.

И вот — итог: добровольно отказались от квартир трое: замминистра В. Горлов, начальник политуправления ГА В. Колчанов и начальник УКСа министерства Ю. Баранов. По решению суда выселялись четверо — И. Васин, Е. Бубнов, Н. Васильев и В. Шелковников. Восьмой иск суд отклонил, а потому называть имя новосела не имеет никакого смысла.

Итак, справедливость восторжествовала? Пожалуй. Но, думается, сама история этого новоселья с последующим выселением требует более подробного рассмотрения.

Давайте, например, посмотрим, какие уроки извлечены из этой истории Министерством гражданской авиации и самими новоселами. Боюсь, что здесь мы найдем значительно меньше оснований для радости.

Например, руководящие работники министерства, регулярно посещавшие зал судебных заседаний, были явно не в восторге от происходящего там: нарушались некие УСТОИ. Мол, перестройка во всем виновата, а если посмотреть с деловой точки зрения, то никаких нарушений и не было.

Правда, такие мнения в протоколах суда не отражены и подтвердить их нечем — почему и не называю фамилий. Но рассмотрим такой факт. Для министра гражданской авиации А. Волкова решение суда и вынесенное частное определение в адрес министерства не должно было быть чем-то неожиданным. Новый министр (дом начинали строить задолго до его назначения на эту должность) еще год назад в своем приказе констатировал: «Допущен ряд нарушений жилищного законодательства при распределении жилплощади в доме, построенном для работников МГА в Москве, в Конаковском проезде...» Через год то же самое констатировал суд. И не просто констатировал, но и восстановил справедливость.

Но не успели решение суда и частное определение дойти до министерства, как один из участников процесса, помощник министра Н. Васильев, пришел в Московский городской суд с кассационной жалобой. И его требование о пересмотре решения о выселении поддерживал в Мосгорсуде... начальник юридического отдела МГА. Остается, правда, рассмотреть этот факт как проявление плюрализма мнений...

Городской суд согласился с решением районного. Отклонил он кассационные жалобы и других выселяемых. А сами выселяемые никак с этим фактом согласиться не могут. Даже те, кто отказался от квартир добровольно, считают, что совершена несправедливость.

«Считаю предъявленный ко мне иск прокуратурой г. Москвы о признании ордера недействительным и выселении незаконным, не-

правильным, надуманным, не соответствующим действительному положению вещей, ущемляющим мои жилищные и личные права, подлежащим отклонению...» — написал суду начальник политуправления гражданской авиации В. Колчанов. «Я убежден, что выделение моей семье квартиры по вышеуказанному адресу было сделано об-основанно...» — сообщил суду замминистра В. Горлов.

Заметьте: цитируются документы, в которых оба отказываются от квартир в «аэрофлотовском» доме. Но никто не скрывает, что считает себя полностью правым в этой истории, а ордера сдают, лишь уступая общественному мнению.

Конечно, сам факт признания силы общественного мнения со стороны людей, занимающих столь высокие должности, уже говорит о серьезных переменах в нашем обществе. Но вот вопрос: насколько прочны перемены, если и сегодня живет в этих руководителях неколебимая уверенность в своем праве жить не по закону, а по должности.

А потому продолжим нашу историю, заглянем в ее истоки.

Как уже говорилось, выселяемые по суду и в добровольном порядке начальствующие новоселы не имели никаких прав на получение ордеров на новые квартиры. Всем им эти ордера были выписаны «в порядке исключения» — эта фраза постоянно мелькает во всех документах, оформленных руководством и профкомом МГА. Но если разбираться по существу, то можно прийти к иному выводу: исключением в данном случае явились не они, а те 12 семей, квартиры которым достались в порядке очереди. Потому что дом, о котором идет речь, строился совсем не для них.

Тому есть доказательства. Обращаясь в Совет Министров СССР, бывший министр гражданской авиации В. Бугаев ни за каких очередников не просил. Он прямо написал: «Ответственные работники МГА и московских организаций Аэрофлота испытывают острую потребность в жилой площади...» Тогдашний зампред Совмина СССР И. Архипов согласие дал — саму идею одобрил. Бывший председатель исполкома Моссовета В. Промыслов выделил просимый министерством участок, использовал, правда, более завуалированную формулировку: разрешил строить многоэтажного кирпичного дома «для работников центрального аппарата МГА». Строго говоря, вахтер или уборщица — тоже работники центрального аппарата, но все же понимали, что не о них речь.

Чему же здесь удивляться? Для «ответственных» дом строился — и сразу же после сдачи его в эксплуатацию эти самые «ответственные» в него и устремились.

Впрочем, могли бы и подумать, что время на дворе иное, вспомнить о существовании жилищного законодательства. «Жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, в порядке очередности...» — сказано, например, в Жилищном кодексе РСФСР. Соответствующие формулировки есть и в кодексах других союзных республик. Однако вот что констатировало постановление ЦК КПСС, опубликованное 1 октября 1987 года, через два с половиной года после начала перестройки (и через два месяца после заселения «аэрофлотовского» дома): «Грубые нарушения в распределении жилья установлены в Армянской, Киргизской и Туркменской ССР, Абхазской, Карельской, Кабардино-Балкарской АССР, Витебской, Ивановской, Куйбышевской, Семипалатинской, Тюменской, Харьковской, ряде других республик и областей...»

Вскрытые факты нарушения жилищного законодательства подрывают принцип социальной справедливости, дискредитируют политику демократизации, саму перестройку, вызывают справедливые жалобы и нарекания трудящихся...»

Как видите, не одни наши герои пользовались в тот момент начальственным правом. Забегая вперед, скажу, что это постановление ЦК партии в отличие от многих других не получило широкого обсуждения в партийных организациях и трудовых коллективах. Почему — думаю, каждому понятно: очень многим руководителям при этом пришлось бы «вызывать огонь на себя». Что тоже должно быть принято во внимание: массовость нарушений свидетельствует о неэффективности защиты. Если не работает правовая норма — это не всегда говорит о плохом контроле за ее соблюдением: может быть, в изменении нуждается сама норма.

Думается, квартирный вопрос — это тот самый случай.

Но вернемся к «аэрофлотовскому» дому. Как уже сказано, постановление ЦК КПСС вышло всего через два месяца после праведных и неправедных новоселий в Конакобском проезде. Но никто из нарушителей закона не залился краской стыда и не побежал откazyваться от ордера. Они продолжали считать, что обычный подход к ним неприемлим.

Только ли они так считают? Вряд ли. Во всяком случае, предлагаю читателям даже сегодня назвать — нет, не замминистра, а хотя бы директора крупного завода, который бы значился в заводском списке очередников. А ведь и директора нередко празднуют новоселья, меняя квартиры: малогабаритные — на просторные, хорошие — на очень хорошие. Суть даже не в том, что они празднуют новоселья вне очереди — сегодня такое в принципе возможно, если добро даст совет трудового коллектива. И дело даже не в том, что заселяются руководители в самое лучшее из имеющегося жилья. Проблема в том, что и сами они, да и окружающие считают это совершенно правильным, справедливым.

Но ведь ни для министров, ни для директоров в законодательстве не сделано никаких исключений. Я не говорю сейчас, хорошо это или плохо. Просто констатирую, что исключений для ответственных работников нет, однако все они, плюс знаменитости разного ранга, как правило, получают квартиры именно в порядке исключения. И также в порядке исключения среди однотипных панельных домов на наших улицах появляются кирпичные — по индивидуальным проектам. Правда, в последнее время за сооружение жилья повышенной комфортности берется все больше предприятий, имеющих хорошую прибыль. Но что греха таить? Не так уж редки случаи, когда предприятие или ведомство, ведущее жилищное строительство, по индивидуальному проекту сооружает лишь один дом из десяти, но почему-то именно в этом доме получают квартиры все руководители. Или вдруг обнаруживаешь, что в одной из квартир улучшенной планировки недавно заселенного заводского дома идет обыск, описывают имущество. «Что случилось?» — «Завмаг проворовался!» — «Он тоже здесь живет? Откуда?» — «А черт его знает, взятку кому-то сунул, вот и дали».

Заметьте: даже в языке отразилась сегодняшняя противояственная, но вполне реальная ситуация: квартиры у нас не распределяют — их дают. А следовательно, есть кто-то, в чьей власти дать или не дать. В каком районе дать, в каком доме.

Впрочем, дают у нас жилье лишь рядовым работникам. Те, кто повыше, жилье, как правило, берут. Им «положено».

«По моему убеждению, решение о выделении мне и моей семье квартиры с целью приближения к месту службы принималось обоснованно, исходя из льгот, определенных мне по должности и воинскому званию и служебной целесообразности»,— совершенно искренне заявил суду тот же самый начальник политуправления ГА В. Колчанов. «Указанное решение было принято также с учетом моего ответственного положения в МГА СССР, как одного из руководителей отрасли, нуждающегося в нормальных жилищных условиях для работы и отдыха»,— вторил ему замминистра В. Горлов.

Но точнее всего выразилась жена начальника Центрального управления воздушным движением В. Шелковникова в письмах, направленных в центральную печать: «Убедительно прошу объяснить мне, в чем виновата я и моя семья?.. В том, что дом строился для руководящего состава, а кто мой муж?»

Так думают не только работники аппарата министерства. Квартиры в доме по Конаковскому проезду передавались и московским организациям Аэрофлота. Три из них, например, попали в Центральное управление международных воздушных сообщений, где список очередников имеется изрядный. Кому достались? Одна — генеральному директору, приглашенному в Москву на работу. Две других — первому заместителю гендиректора Л. Селиверстову и генеральному представителю Аэрофлота в Венгрии В. Соломатину. Оба имели в Москве трехкомнатные квартиры, оба попытались их оставить дочерям. В итоге, правда, дочери получили «лишь» по двухкомнатной квартире.

Одна квартира предназначалась Московскому институту инженеров гражданской авиации. «Естественно», документы были поданы на ректора В. Воробьева. Моссовет, однако, такой вариант не одобрил — ректору немедленно оформили бывшую квартиру замминистра И. Васина. А институт так и не узнал, что ему выделялась квартира в Конаковском проезде. Зато беспрепятственно заселились в этот дом секретарь ЦК профсоюза авиаработников Б. Кремнев и заведующий сектором гражданской авиации секретариата СЭВ В. Тихонов.

То ли примеры оказались чересчур заразительными, то ли по каким-то другим причинам, но даже те квартиры, которые передавались для заселения очередниками района, инвалидами Великой Отечественной войны, в подавляющем большинстве тоже оказались во владении разного рода руководителей. Знакомясь с документами новоселов, я даже поразился, как много их здесь оказалось: заместитель председателя райисполкома и начальник главка Минавтопрома, первый заместитель начальника управления кадров МИДа и начальник отдела ГлавПУ Москвы... Даже в служебную квартиру заселился не дворник, не слесарь-сантехник и не техник-смотритель, а начальник районной теплосети. Добавлю, что и Министерство обороны распределило причитающиеся ему квартиры отнюдь не среди лейтенантов.

Что называется, естественный отбор... жилплощади. Всеми правдами и неправдами. Один срочно прописывает к себе родственников, другой добывает какие-то справки или ходатайства (секретарь парткома министерства Бубнов добыл даже ходатайство-постановление бюро райкома партии), третий ищет иные «варианты»... Профком послушно ставит на все бумаги свои подписи и печати.

И тут самое время поговорить об издержках, которые возникают из-за расхождения теории с практикой, из-за того, что ответственные работники должны бы **получать** жилье на общих основаниях, но **берут** его, как правило, в порядке исключения.

Начинать нужно с самого дома, 14-этажного красавца с квартирами, общая площадь которых превышает жилую где в два, а где и в три раза, где каждый квадратный метр обошелся в 350 рублей при нормативной стоимости для Москвы в 225.

Вот, например, много это или мало — 350 рублей за каждый квадратный метр площади для руководящего состава? По сравнению с московскими нормами на сегодняшний день — много, но могли в проект заложить и побольше — пределов не поставлено.

Еще более животрепещущий вопрос: когда можно строить для ответственных? До того, как все рядовые работники выберутся из барачков, после того или вместо? Когда благодаря умелому руководству у министерства будет вдоволь средств, или не дожидаясь?

Вопросы эти далеко не праздные. Они пришли мне в голову, когда я знакомился с любопытными документами по жилищному строительству, бережно хранящимися в МГА. Вот, например, письмо первого секретаря Томского обкома партии от 6 марта 1983 года. Сообщая, что многие авиаторы-томичи живут в плохих условиях, а средства на жилищное строительство выделяется очень мало, партийный руководитель области просит министерство «выделять для Томского, Колпашевского и Стрежевского авиапредприятий полтора-два миллиона рублей ежегодно... С нашей стороны будут приняты все меры для их безусловного освоения».

«Выделяемые лимиты на жилищное строительство Госпланом СССР для МГА настолько ограничены, что не позволяют одновременно решить жилищную проблему повсеместно,— отвечает министерство.— Начиная с 1983 года поставлена задача по переселению авиаработников из ветхих и неблагоустроенных домов...»

Отметим: где-то, значит, положение хуже. Ветхое жилье у авиаторов действительно имелось. Есть оно и сегодня, причем не только на периферии — в Москве. Только во Внукове его было более пяти тысяч метров. Однако, судя по документам, ни в 1983-м, ни в следующем году Внуковское авиапредприятие не получило ни рубля на жилищное строительство.

Кто же получил? Быть может, Кемеровская область? В январе 1984 года первый секретарь Кемеровского обкома партии писал в МГА: «В Кемеровском и Новокузнецком аэропортах сложилась крайняя напряженная обстановка с обеспечением трудящихся жильем. В настоящее время более 500 авиаторов не имеют жилья или нуждаются в улучшении жилищных условий. Просим выделить на нынешний год 300 тысяч рублей на жилищное строительство».

«В текущей пятилетке для аэропорта Кемерово передано на долевое участие в жилищном строительстве 150 тысяч рублей,— отвечает министерство,— и планируется к передаче на 1985 год еще 50 тысяч рублей. Аэропорту Новокузнецк в 1983 году на долевое участие передано 50 тысяч рублей, а в 1984 году выделены средства на начало строительства 60-квартирного жилого дома. Увеличить капвложения на эти цели не представляется возможным».

Сопоставив даты на этих и других бумагах, я понял, почему всем был отказ. В 1983 году началось строительство дома в Конаковском проезде. В 1984 году здесь освоили 840 тысяч рублей — почти втрое больше, чем просили кемеровчане. А полная сметная стои-

мощь дома — 2 миллиона 750 тысяч рублей. Если бы строили очередникам, то наверняка за те же деньги получилось бы не 75, а все 200 квартир.

Законно или незаконно потратило министерство на «свой» дом столько средств из общественных фондов потребления? А кто его знает... Нет нормы — могли бы размахнуться и на пять миллионов.

Вот когда начинаешь думать, что лучше бы хоть какая-нибудь определенность: либо практику привести в соответствие с жилищным кодексом, либо кодекс — в соответствие с практикой. Ведь даже прецедент с выселением семи высокопоставленных новоселов МГА, признаться, вызывает не только оптимизм. Полтора года инициативная группа вела настоящую битву за восстановление социальной справедливости. Полной победы нет и теперь, а главное — что-то не слышно о последователях, что кто-то где-то еще отважился на такую борьбу. А дома по индивидуальным проектам по-прежнему строятся, и квартиры в них зачастую распределяются все так же индивидуально.

Не знать, не думать об этом, конечно, спокойнее. Можно без тени смущения рассуждать о праве каждого гражданина СССР на жилище — причем праве, совершенно одинаковом для рабочего и министра, генерала и продавщицы. Закрыв глаза на реальную действительность, легче доказывать, что любая узаконенная дифференциация в жилищном вопросе в корне подрывает принципы и основы социальной справедливости.

Критика, говорят, в наше время должна быть конструктивной. Тезис вроде бы бесспорный, кабы не одно обстоятельство. Не всегда журналист, исследуя проблему, видит пути ее разрешения. В этих случаях как — не писать? Но ведь не ради личного удовольствия «копаются» мои коллеги в разных разностях нашей жизни, не для очернения действительности публикуют газеты и журналы результаты журналистских расследований, а с единственной целью — привлечь внимание миллионов людей к тому или иному факту, подключить к решению той или иной проблемы коллективный разум читателя. Одна голова — хорошо, а десятки миллионов голов — тоже, во всяком случае, неплохо.

Попробую все же высказать и свои собственные соображения по данной проблеме. Предлагает ли автор узаконить сегодняшние многочисленные нарушения жилищного законодательства? Ни в коем случае! Но и оставлять все, как есть, лишь усиливая борьбу со злоупотреблениями, значит, заранее соглашаться на проигрыш. Мы совершенно по-детски многие годы и десятилетия гордились установленным в нашей стране правом на бесплатное жилье, которое получает подавляющее число новоселов. Но бесплатность-то эта кажущаяся. И для государства, и для нас — ведь это наши общественные фонды потребления, наш каждый «третий рубль» общего душевого дохода. Но увы! — из общего третьего рубля одному достается пятак, другому — полтинник. Можем мы быть уверенными, что наибольшая часть достается самому нуждающемуся? Лично у меня такой уверенности нет. Не поможет здесь и усиление контроля за распределением общественных фондов, и установление дополнительных рогаток. Пока нет самих норм распределения, пока все мы имеем равное право подставлять ладонь совочком под стружку благ — вряд ли мы сможем удерживать того, кто делит эти общественные фонды, от соблазна ввести поправочный коэффициент на чины, должности и авторитеты.

То есть пора в полный голос говорить о необходимости введения дифференцированной платы за жилье. Вспомнить о том, что принцип социальной справедливости означает не всем все бесплатно, и не распределение по должности, а оплату по труду. И тот, кто больше и лучше работает, тот сможет иметь лучшее жилье. Предложения эти не новы — в печати уже появлялись мнения установить дифференцированную квартплату в зависимости от качества жилья. Правда, те разговоры пока ничем не кончились, и осмелюсь предположить, что решение этого вопроса тормозят не жильцы коммунальных квартир и не обитатели панелек, коим не грозит такое нововведение дополнительными расходами.

Но сейчас речь не о квартплате, а о плате за жилье. За количество метров — жилых и общих, за комфортность этого жилья и его расположение в данном городе. То есть речь идет об экономических методах решения проблемы социальной справедливости. Ведь если в стране существуют нормативы стоимости квадратного метра, то почему бы и право на метры не измерять тоже в рублях?

Лишь тогда можно действительно рассчитывать на реальное отсутствие исключений для любых начальников, если квартиры оценивать по реальной стоимости и распределять по принципу: все, что в пределах нормы, бесплатно, а все, что сверх, за ваш счет. И для начальников, и для подчиненных. Исключения — лишь семьям, имеющим право на социальные пособия от государства: инвалидам, многодетным.

Конечно, и при таком подходе не исключены случаи, что деньги за более комфортное жилье будут вносить те, кто добыл их нечестным путем. Что вновь будет нарушена социальная справедливость. И тем не менее таким образом или иначе проблема эта ждет решения.

С. АЛЕКСАНДРОВ

«КАРА-ДОРИ» — «ЧЕРНОЕ ЛЕКАРСТВО»

ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

«Каршибаев Кайнар *, работая с марта 1983 года по 15 января 1987 года в должности начальника Джизакского ГОВД, систематически использовал служебное положение в корыстных целях, получая от подчиненных ему по службе оперативных работников взятки за оказываемое покровительство, поддержку по службе и создание обстановки бесконтрольности за их служебной деятельностью.

В качестве предлогов для получения взяток использовались знаменательные даты — праздники Первого Мая и Октябрьской Революции, Дня Победы и Нового года, а также события личной жизни Каршибаева К. — дни рождения, свадьба сына, приезд гостей, уходы в отпуск и т. д...»

Имя этого начальника городской милиции Джизака надолго запомнится его подчиненным. И не только потому, что совсем недавно еще он самовластно решал их судьбы, а проще говоря — изгонял непокорных, явно благоволя вышколенным, бесхребетным, преданным. При всей своей склонности к плетению изощренной интриги Каршибаев отнюдь не чурался и приемов откровенного шантажа.

Его телефонный аппарат подключали для прослушивания разговоров подчиненных. От верных ему людей он знал о каждом шаге тех, от кого сам зависел.

И когда вдруг разнесся слух о причастности Каршибаева к убийству Исака Олимова — инспектора дорожно-патрульной службы отдела ГАИ УВД Джизакского облисполкома, известие это здесь никого не поразило. Нет, не грянула громом в ясном небе Джизака чудовищная весть о том, что начальник местной милиции — особо опасный преступник. Общественное мнение выразилось лишь бесстрастным: «От него всего можно ждать». И лишь арест всесильного полковника вызвал здесь поистине великое смятение. Долгое время в это просто отказывались верить. Все мерещилось, что вот-вот худой, в разношенном кителе и помятой фуражке грозный Кайнар-ока вновь, как всегда, появится на пороге «дежурки», затмевая своей тщедушной фигурой весь белый свет.

Страшен был Каршибаев, и арест его не сразу стал избавлением от этого страха: из следственного изолятора, где уже содержался преступник, поползли, протянулись повсюду его шупальца-связи — и вот уже один за другим стали менять свои показания свидетели...

Жизнь Каршибаева за глухим забором, в коттедже на Инженерной улице, являлась полной тайной для сослуживцев, но некоторые мотивы поведения начальника городской милиции были хорошо известны окружающим.

---

* Фамилии второстепенных участников уголовного дела, а также некоторых других в связи с их ролью в разоблачении преступной группы изменены

— Он годами шел к одной цели, — объясняли мне люди, знавшие Каршибаева, — занять должность заместителя начальника Джизакского областного управления внутренних дел, должность, на которую примерно за год до ареста Каршибаева был назначен подполковник милиции Виталий Алексеевич Бондин, человек, всеми своими качествами, всей жизнью своей являвшийся полным антиподом Каршибаева.

В. А. БОНДИН. Я — розыскник. Мое дело — раскрывать преступления: убийства, кражи, грабежи. Словом, многое пришлось повидать, во всякой грязи копать... Когда предложили должность заместителя начальника Джизакского областного управления внутренних дел, растерялся даже поначалу.

— Хочу рекомендовать твою кандидатуру, — сказал мне приехавший по делам в МВД Узбекской ССР тогдашний начальник Управления генерал Нарбеков. — Будешь вторым человеком после меня!

Сказал так, словно ничего и не стояло между нами, будто не работал я в Джизаке четыре года назад начальником областного уголовного розыска и не он написал тогда досрочную аттестацию о моем несоответствии занимаемой должности.

— Кто старое помянет, тому глаз вон... — угадал мое настроение Нарбеков.

Я не мог согласиться сразу. Надо было подумать: Джизакская область — не совсем обычная. Это здесь всем известно.

Не только Джизак, вся область, едва появившись на карте республики, оказалась под особым покровительством. Ответственные работники ЦК и Совета Министров Узбекистана тщательно следили за тем, чтобы вновь созданная административная единица ни в чем не испытывала трудностей. Любые ее запросы и ходатайства спешно удовлетворялись. Вот отчего сегодняшний облик Джизака поражает приезжих: и поднявшиеся на месте неприметного кишлака легкие девятиэтажные здания-стрелы, и грандиозная сеть транспортных развязок.

Да, с первого дня своего существования область, а пуше того — сам Джизак был обречен на роль «звезды» первой величины. И росли здесь, как в сказке, дворцы, и в мгновение ока прокладывались трассы. В угаре строительства соорудили даже банный комплекс, громоздящийся теперь памятником бессмысленному расточительству государственных средств, образчиком печально известного навыка «пустить пыль в глаза». Разумеется, под стать таким достижениям должны быть и трудовые, вполне земные успехи. Даешь рекордные сборы хлопка. И их давали. Все делали, чтобы угодить Первому Лицу в республике, любившему наезжать сюда — в этих местах прошли его отрочество и юность.

Изо дня в день укреплялся в сознании руководителей областных организаций принцип: «Любой ценой укреплять авторитет Джизака — «неприкасаемой» области в республике...»

Цена известно какая: не допускать и малейшей критики джизакских порядков, во всех делах опираться только на своих и закрыть дорогу для чужаков.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

«...Каршибаевым К. с использованием своего ответственного служебного положения были получены неоднократные взятки на общую сумму 12 859 рублей, то есть в особо крупном размере».

К. КАРШИБАЕВ. «Получая от подчиненных деньги, продукты, спиртное и прочие подношения, я, конечно, понимал, что получаю

взятки за то, что покровительствовал им и не имел претензий к их служебной деятельности в ГОВД. Понимал и то, что работники передают мне взятки не потому, что я им нравлюсь и симпатичен как человек, а потому, что я начальник, непосредственный руководитель, и они попросту не хотят портить со мной отношения. Не нужны им неприятности по службе, которые всегда могут быть, ведь любой сотрудник в своей работе допускает какие-то ошибки, нарушения, упущения» (том 13, л. д. 289).

«...В начале февраля 1986 года я собрался съездить в отпуск в Москву, где служили мои сыновья. В середине января ко мне в кабинет зашел следователь Ядуллаев А. и положил мне на стол небольшой пакет. Я догадался, что Ядуллаев дает мне взятку и что в пакете — деньги. Я их пересчитал, оказалось 500 руб. Передавая мне эти деньги, Ядуллаев А., видимо, рассчитывал, что я буду к нему хорошо относиться...» (т. 10, л. д. 237).

В. А. БОНДИН. Получив направление в Джизак на должность начальника отдела областного угрозыска, я и представить себе не мог, до какой степени запущены там дела. И не в том беда, что в большинстве своем сотрудники ничем, кроме младых своих лет, не блистали. Известно ведь: знание и опыт — дело наживное, было бы желание. Вот именно — было бы... А тут два года пропылился в отделе материал «О скоропостижной смерти гр-на Б-ева», и хоть бы кто пальцем шевельнул, прочитав заключение судебно-медицинской экспертизы! Там черным по белому: «Смерть насильственная, наступила в результате перелома основания черепа...»

Не мог я понять, как такой материал мог лежать без движения! Да разве только он один? Не работа — чистка авгиевых конюшен предстояла.

В общем, начали с той, первой папки. По моему ходатайству прокурор области отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и мы приступили к поиску преступника. Впрочем, «приступили» — это только так говорится. Убийца ведь под носом сидел — старший инспектор уголовного розыска, племянник начальника районного отдела внутренних дел. Арест преступника, надо сказать, вызвал резкое недовольство его родни. Больше всех негодовал сам дядя. Вскоре он был отстранен от работы..

Одно за другим брали мы препятствия, дотоле считавшиеся здесь неодолимыми. Мои ребята мужать стали, опыта набираться. А главное — в силу правды поверили, сплотила она всех нас.

В то время в одном из районов действовала группа, изготавливавшая какое-то пойло под видом марочного коньяка. Дельцы из торговой сети скупали его и держали в ресторанах, кафе. С захмелевших посетителей брали втридорога.

Не раз пытался я данные об этой группе работавшему тогда в Управлении начальнику ОБХСС и всякий раз получал отписку: дескать, проверено, данные не подтвердились.

Сколько можно такое терпеть? Собрал я своих ребят, и решили мы сами покончить с подпольным винным заводом, хотя это и не входит в функции уголовного розыска. «Завод», как оказалось, помещался в частном доме. Преступники, кстати, не особенно и скрывались — всем соседям было известно, чем они занимаются. Но местная милиция никаких мер не принимала, изготовителей подпольного коньяка кто-то охранял.

Мы изъяли у преступников больше тысячи готовых к продаже бутылочек «коньяка», пачки фабричных этикеток «Коньяк марочный»,

стандартное разливное устройство, аппарат для закупоривания бутылок. Задержанных вместе с вещественными доказательствами по указанию начальника управления передали тогдашнему руководителю ОБХСС и снова вернулись к своим делам — раскрытию краж, убийств. Потом уже я узнал, что следствие по «делу о коньяке» было проведено из рук вон плохо, организаторы преступления отделались легким испугом.

А вскоре мое руководство приняло решение о том, что я не соответствую занимаемой должности, и мне пришлось уехать из Джизака. Меня побавались. Я был неудобен.

Вернулся к прежней своей работе в уголовном розыске МВД республики и не надеялся, что когда-нибудь снова предложат самостоятельную работу в Джизаке. Да еще с повышением.

— Кто старое помянет, тому глаз вон... — повторил мне генерал Нарбеков.

Времена действительно наставали другие.

Все больше требовались сотрудники принципиальные, не идущие на компромисс. Генерал это вовремя понял. Он умел ладить со всеми. При посещении области ее высоким покровителем всегда лично ехал впереди кортежа. В генеральской форме. С круговертью огня над кабиной.

— Кайнар Каршибаев спит и видит себя в этой должности, — сказал еще генерал Нарбеков. — Но ему пока рано. Пусть походит в начальниках горотдела...

...Для большинства читателей и зрителей источником информации о милиции, о ее работе, о взаимоотношениях сотрудников, процессах, происходящих в их коллективах, долгое время с одобрения прежнего руководства МВД СССР служили кинофильмы и книги, из которых тщательно изымалось все, что хотя бы в малейшей мере бросало тень на безукоризненно вычищенный парадный милицейский мундир, на моральный облик хотя бы одного сотрудника, даже стоящего на самой нижней ступеньке служебной лестницы. Считалось, что это вредит авторитету милиции.

В художественной литературе, в кино последних десятилетий конфликт между честным инспектором милиции, отстаивающим закон, и преступным начальником мы благополучно подарили буржуазному детективу. И теперь с симпатией и интересом следим за действиями французских, итальянских комиссаров полиции, которые стали известны всему миру как борцы с мафией, со взяточничеством, с коррупцией, как обличители коррумпированной власти на самых высоких уровнях. Мы отдали им эту славу без боя, просто так, не потому, что считали, что у нас всего этого не может быть, а потому, что привыкли думать, будто если о чем-то не писать, не говорить, то этого вроде как бы и нет. Ни наркомании, ни проституции, ни злоупотребления властью, ни сращивания тех, кто борется, должен предупреждать и раскрывать преступления, с теми, кто их совершает.

А между тем все это имеет место. И путь честного сотрудника в правоохранительных органах усыпан розами не чаще, чем в цехах, в школах, в редакциях, научных институтах. Но об этом никогда не говорили, не писали. Не показывали фильмов.

В. А. БОНДИН. В тот последний свой разговор с Нарбековым я решил не обходить молчанием причины, которые мешали мне в Джизаке. Не собирался отпускать грехи никому, в том числе и начальнику управления.

— Не знаю, как мы будем работать... Дело о незаконных посевах помните?

На совхозном поле, засеянном ячменем, обнаружили пять гектаров опиумного мака.

Дело это тоже попало к тогдашнему начальнику ОБХСС и так и осталось «нераскрытым», о чем я напомнил Нарбекову.

— Сейчас в Джизаке новый начальник ОБХСС. Тоже приезжий. Ты должен знать его по министерству. Это Владимир Павлович Торбин, — заметил как бы невзначай Нарбеков.

Вновь работать с генералом Нарбековым мне так и не пришлось. За две недели до моего назначения на должность генерал как-то задержался допоздна у себя в кабинете. Никуда не спешил, курил. Вывернул из сейфа содержимое, тщательно перебрал. Ненужное порвал, сжег. Навел порядок в столе.

Утром стало известно: вернувшись домой, генерал застрелился. Как водится, похоронили его быстро, в соответствии со сложившимися для таких случаев традициями. Провели короткую проверку. Результаты ее никому не сообщили.

Что явилось причиной гибели руководителя и депутата? Кому на руку было его самоубийство? Какие бумаги он уничтожил перед смертью? В коллективе, которым генерал руководил столько лет, так ничего и не узнали.

С Торбиным я начал работать в Джизаке уже при новом начальнике управления.

В. П. ТОРБИН. Дела, за которые взялся ОБХСС сразу, как я принял должность в Джизаке, были «хлопковые», пришлось заниматься приписками. Каждый приписанный к ведомости рубль изымался у государства в натуре. Сотни тонн мифического урожая оборачивались сотнями тысяч рублей.

Чтобы выплатить суммы, в совхозах выписывались фиктивные наряды на якобы произведенную работу — окуривание, поливы. Составлялись ведомости на «мертвых душ», будто бы выполнявших эту работу.

Наживались те, кто, пользуясь особым положением области — ее неприкасаемостью, открыто вводил поборы, торговал должностями, званиями, наградами.

Суммы поборов, взяток исчислялись иногда шести-семизначными цифрами.

Я и мои сотрудники знали, что, отбирая у преступников награбленное, мы становились смертельными врагами не только тех, кто лишился наворованного, но и тех, кто десятилетиями кормился за их счет, поощрял, покрывал.

Мы были готовы ко всему.

Новый начальник управления полковник И. Б. Криворучко, назначенный после генерала Нарбекова, приехал к нам с Украины. Он и его заместитель — подполковник В. А. Бондин меня поддерживали...

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

«На допросе следователь Ядуллаев А. пояснил, что в середине 1985 года начальник следственного отделения поручил ему принять в свое производство возвращенное к доследованию уголовное дело, сославшись при этом на указание Каршибаева К. «Я, — пояснил Ядуллаев А., — отказался выполнить это поручение, и через некоторое время Каршибаев К. вызвал меня к себе и потребовал от меня объяснений. А дня через два опять пригласил к себе, сообщил, что

освобождает меня от обязанности расследования по упомянутому делу, но вместе с тем спросил, нет ли у меня 4000 рублей. Я понимал, что должен дать деньги Каршибаеву К., так как в противном случае у меня будут неприятности по службе. Каршибаев К. вновь может поручить мне расследование по возвращенному к доследованию уголовному делу, а затем за неудачное расследование наказать» (т. 10, л. д. 319).

«Во время очных ставок Каршибаев К. и Ядуллаев А. уточнили, что Каршибаев К. получил от Ядуллаева А. 2500 руб.» (т. 10, л. д. 247).

«Каршибаев К. признал, что указанные суммы он от Ядуллаева А. действительно получал, но не в качестве взяток, а в долг, который не успел вернуть, так как был арестован» (т. 13, л. д. 284).

В. А. БОНДИН. В декабре 1986 года я приступил к обязанностям заместителя начальника областного управления. А уже через месяц у меня произошла стычка с начальником Джизакского ГОВД Каршибаевым. Мои указания в горотделе игнорировались. Сотрудники уголовного розыска — в основном родственники и земляки Каршибаева — подчинялись только ему. Это была его вотчина. Молодого начальника уголовного розыска Н. Касымова, которого я хорошо знал как безупречного, честного человека, Каршибаев ложно обвинил в связях с мошеннической группой, добился его увольнения.

С целью проверки обвинений против Касымова была создана комиссия, которую я возглавил. Открыто выступив в защиту молодого начальника уголовного розыска, я окончательно настроил против себя Каршибаева и тех, кто его поддерживал. Касымов, правда, был признан невиновным, однако вопреки правилам его не восстановили на службе, а как бы приняли заново.

Все больше людей предупреждало меня, что теперь Каршибаев способен на все, и чтобы отомстить, ему нужен только повод.

Повод нашелся лишь в мае 1987 года. Им явилось дело Мамлакат Ходжаевой и Нурии Адыловой.

В. П. ТОРБИН. В начале года мы взялись за областную торговозакупочную базу. В первую очередь меня интересовал склад, через который шли импортные товары. Заведующий его, кстати, слыл весьма уважаемым человеком.

На складе настолько отвыкли от милиции, что, когда мы пришли, сторож долго не решался нас впускать, с недоумением разглядывая наши удостоверения. Лишь посоветовавшись с начальником, открыл дверь.

Приход работников ОБХСС никого особенно не насторожил. Снятие остатков было делом долгим, и руководители базы надеялись успеть с нами «договориться».

Первым делом мы изъяли «черные книги», в которые завскладом вписывал людей, получавших товары непосредственно с базы и в долг. Кроме работников самой базы, здесь были люди, пользовавшиеся известностью и авторитетом в городе, их родственники, как самые близкие, так и довольно дальние.

Каждый день два оперуполномоченных ОБХСС внимательно смотрели за тем, чтобы снятие остатков шло в полном соответствии с правилами. И с каждым днем завскладом становился все более скучным, нервничал, видя, как растет сумма стоимости недостающих импортных товаров — пальто, кроссовок, сорочек.

Одновременно росло и давление на оперативных уполномоченных, обеспечивавших проведение ревизии.

Где-то в середине мая я почувствовал, будто что-то вокруг меня происходит, хотя все было по-прежнему. Каршибаев был со мной как всегда доброжелателен, любезен. Стоило мне появиться в горотделе, как в кабинете по традиции ставили на стол только что заваренный чай, пиалы.

Между тем охота на «чужаков», организованная Каршибаевым, уже велась.

«Помог» ему случай. В апреле для проверки было задержано так си, которым управлял ранее дважды судимый Икрам Исаков. Задержание произвел инспектор дорожно-патрульной службы отдела ГАИ УВД Исак Олимов, тот, чье обезглавленное тело менее чем через четыре месяца было обнаружено в оросительном канале «Москва» в соседней Кашкадарьинской области.

При осмотре машины в Джизакском ГОВД у пассажиров — Мамлакат Ходжаевой и ее подруги были обнаружены носильные вещи повышенного спроса: две рубашки, костюм, немного детских вещей.

Работник ОБХСС в ГОВД в тот вечер отсутствовал — позвонили начальнику областного ОБХСС Торбину, который, несмотря на неурочный час, был на работе. Его попросили приехать: возникло предположение, что товар предназначен для спекуляции.

Торбин приехал. Задержанная Ходжаева привычно объяснила, что она и ее подруга купили все для себя.

Не получив доказательства предполагаемой перепродажи с целью наживы, начальник ОБХСС уехал.

Женщин отпустили.

В. П. ТОРБИН. Трудно, очень трудно было работать, когда всюду — круговая порука, местничество, кумовство... Но постепенно креп коллектив сотрудников ОБХСС, на которых можно было положиться. Меры по возвращению государству средств, похищенных за счет приписок хлопка, приносили результаты...

...В северной и северо-восточной части Иссык-Куля в свое время были расположены принадлежащие государству посевы опиумного мака. Огороженные и тщательно охраняемые участки обслуживали специальные сборщики. С июня до начала августа рано утром ежедневно они проходили контрольно-пропускной пункт, переодевались в рабочую одежду, которая здесь хранилась, а затем через вторую линию ограждений попадали непосредственно к месту работы.

За оградой плантаций сборщиков подстерегали скупщики наркотика, начиная с самых мелких, готовых купить 10—20 граммов, чтобы тут же перепродать их другим — крупнее рангом. Располагавший большими деньгами скупал большее количество наркотика и тут же с наживой перепродавал еще более крупным спекулянтам. В конце цепочки стояли продавцы опиума, которые в состоянии были скупить десятки килограммов.

С северо-востока традиционными «опиумными тропами» наркотик переправлялся на юго-запад.

Разработанная до мелочей конспирация долгое время позволяла крупным сбытчикам наркотиков действовать безнаказанно. Так, например, преступная группа некоего Х. Кадырова, скупавшая наркотик «кокнар» в районе Алмалыка и реализовывавшая его в Ашхабаде, в течение четырех лет скупала и перепродавала около тонны «кокнара» на сумму свыше 122 000 рублей.

С прекращением эксплуатации участков на берегу Иссык-Куля

преступники подались на затерянные в отдаленных горных районах клочки земли, куда годами никогда не заглядывала любая проverka.

В конце «тайной тропы» цена килограмма наркотика повышается до ста двадцати — ста сорока тысяч рублей. Разница — более чем в сто тысяч на каждом килограмме — это частично оплата «услуг» тех, кто непосредственно осуществляет транспортировку груза. Тех, кто обеспечивает его охрану, кто предоставляет помещение для поклажи. Это доля тех, кто посредничает при сбыте. И, наконец, тех, кто, нарушив служебный долг, предписывающий борьбу с незаконным сбытом и распространением наркотических веществ, берет на себя обязательство не чинить препятствий преступникам.

Уже упоминавшаяся Мамлакат Ходжаева пришла на прием в областное управление внутренних дел в начале мая. С ней разговаривал Бондин.

— Я насчет дела, которое на меня ведет участковый Азимов...

— Что там? — спросил заместитель начальника управления.

— С подругой повздорили, н а ч а л ь н и к.

Упрятанное среди других, вроде ничего особо не значащее слово прозвучало как пароль.

«Я знаю правила,— дала понять Ходжаева.— Я ученая... Помогите мне, н а ч а л ь н и к. Сделай мне раз хорошо, я сто раз помогу. Знаю твои трудности».

Бондин внимательно взглянул на посетительницу: ранние морщины, цепкий взгляд, голубая нитка татуировки от кисти вдоль руки.

— Повздорили? А что же подруга?

— Ничего особенного. Уже помирились.

— Значит, все миром кончилось?

— Если бы! Никакого дела бы не было. Помирились — и все. Нельзя провести повторное освидетельствование в другой области? Чтоб посторонние люди, объективно. Здесь меня все знают... Сделай, начальник. Может, и я чем смогу помочь. Сейчас, например, ко мне пристаёт одна подруга: «Помогите найти покупателя...»

— Минуту!

Бондин вызвал заместителя начальника отдела уголовного розыска.

Дальнейший разговор повели уже втроем... Разговор о «кара-дори», «черном лекарстве», которым зовут здесь и мумие, и опиум.

В. А. БОНДИН. Дальнейшие события развивались быстро. 19 мая Мамлакат Ходжаева позвонила мне по телефону и рассказала, что ее подруга продолжает подыскивать покупателя на «кара-дори» и надеется, что она, Мамлакат, поможет. С этой целью подруга вручила ей образец «черного лекарства», который находится сейчас у Ходжаевой.

Заместитель начальника отдела уголовного розыска срочно связался с Мамлакат и уже через полчаса привез в Управление небольшой, черного цвета кусочек легкого плотного вещества.

В Джизаке находился в это время начальник экспертно-криминалистического отдела МВД Узбекской ССР. Он затруднился дать однозначный ответ, что это: мумие? Или наркотик? Связался с соседней областью, где в штате имелся эксперт-химик, дал указание: срочно провести исследование вещества, которое доставит нарочный из Джизака.

Справка эксперта-химика. «...Доставленное на исследование вещество черного цвета, направленное согласно отношению отдела уго-

ловного розыска Джизакского УВД в Экспертно-криминалистический отдел, представляет собой наркотическое вещество «опий» в количестве двух грамм...»

В. А. БОНДИН. 22 мая меня не было в Джизаке, я выезжал по неотложному делу в отдаленный район.

В Джизак возвращался к вечеру, в самое пекло.

Накануне снова приходила Мамлакат Ходжаева:

— Как поступить? Подруга предупредила: «Если не можешь найти покупателя, откажись! Найду без тебя!»

— Выходит, намерения у нее самые серьезные?

— Конечно! На всякий случай я по телефону поставила в известность еще одного человека—сотрудника ОБХСС в Ташкенте. В курсе?

— Да, он звонил сюда.

— Сделала, что могла.

— Могли бы вы все же написать нам об этом официальное заявление? — Другого выхода я не видел.

— Ладно. Будь что будет.

Заявление Ходжаевой было зарегистрировано в тот же день. Я адресовал его на исполнение начальникам двух служб — ОБХСС и уголовного розыска. Заместитель начальника отдела уголовного розыска ездил в кишлак вместе со мной, теперь дремал на заднем сиденье. Торбин оставался в Джизаке.

«Если там что-нибудь срочное,— подумал я,— то Торбин и начальник управления на месте. Разберутся. А к вечеру и мы подъедем...»

— Где она работает, ваша подруга? — поинтересовался я у Мамлакат.— Откуда у нее «кара-дори»?

— Откуда — не сказала. Но объяснила, что может достать. А работает в районном нарсуде. Секретарем.

«Странно,— подумалось мне.— В районном суде нет дел по наркотикам!»

— Как ее зовут?

— Адылова. Нурия.

...Покупатель — Нурия Адылова не запомнила этого человека. Лишь потом, на суде, узнала его с трудом — это он поставил машину у противоположной стороны тротуара, сам остался за рулем. Как договаривались.

Улица была пустой, только на углу, рядом со скрипучими качелями и трапечией, кричали и носились взапуски дети.

К вечеру жара спала, домам возвращался их обычный белесый облик — дань вьезшейся глубоко в стены крупной, как мука, азиатской пыли.

Увидев подходящую к перекрестку Нурию, покупатель приоткрыл дверцу «жигуля», негромко окликнул через дорогу:

— Эй!

Их познакомили утром того же дня — ни он, ни она не знали друг друга, чего, впрочем, и не требовалось.

— Принесла? — спросил покупатель.

Нурия оглянулась: «Не надо бы, чтобы нас видели вместе... Джизак хотя и город, но и в нем слухи разносятся быстро». Это она знала точно.

— Все в порядке,— для убедительности она похлопала себя по карману.

Покупатель ни о чем больше не спросил, неслышно тронул «жигуль» навстречу.

«Хорошо, нет никого вокруг»,— подумала Адылова.

«Жигуль» сделал поворот и направился к ней. Нурия машинально проверила карман, где находился товар.

Солнцезащитные очки покупателя в машине мелькнули почти рядом. Он почему-то не затормозил. Проехал мимо.

В этот момент к ней подошли.

— Адылова Нурия?

— Да.

— Мы из ОБХСС. Нам известно, что у вас при себе имеется «кара-дори»...

В областном управлении опий взвесили: 103 грамма. По рыночной оценке — стоимость около 4 тысяч рублей.

В Джизак Бондин вернулся уже затемно. Но начальник управления Криворучко был у себя. (И сегодня в Джизакском уголовном розыске, наверное, самый длинный рабочий день.)

— Новость, — показал заместителю на стул за приставным столом. — Мы задержали знакомую Мамлакат, Адылову, когда та несла для продажи опий покупателю.

— Откуда она его взяла? В суде не должно быть дел по наркотикам!

— Туда передали дело из соседней области. Оно еще не рассмотрено. Вещественные доказательства по делу — 130 граммов опия и 94 грамма анаши.

— Адылова вынесла прямо из здания суда?

— Нет. Опий находился у нее дома. Мы передали материал и задержанную в горотдел к Каршибаеву

— А кто подыскал человека на роль покупателя?

— Торбин. Мероприятие контролировал я лично.

В. П. ТОРБИН. Задержать преступника с поличным при продаже опия трудно. Сбытчик наркотика берет «товар» с собой, только если абсолютно уверен, что сразу передаст его покупателю. При этом всегда существует опасность, что задержанный с поличным может заявить: «Милиция знала о готовящейся продаже наркотиков, значит, она и спровоцировала!..» Иные сотрудники милиции, напуганные словом «провокация», остерегаются задерживать с поличным даже карманников.

Подполковник В. А. Бондин адресовал заявление Мамлакат Ходжаевой ОБХСС и уголовному розыску, но основные поручения мне пришлось выполнить самому.

Было решено, что посторонний человек, которого подыщут работники ОБХСС, сыграет роль покупателя, но при этом он не будет интересоваться наркотиком, чтобы не быть заподозренным в провоцировании Адыловой на продажу опия. Ничем не интересоваться. Даже ценой. В общем, не раскрывать рта. Вся инициатива должна исходить от Адыловой, если она действительно заинтересована в том, чтобы продать наркотик. Такого человека мы нашли — Фурката Ташпулатова с машиной. И он вместе с Мамлакат Ходжаевой предстал перед Адыловой. Единственное, чем поинтересовался «покупатель», было качество «кара-дори». Нурия предоставила ему маленький кусочек весом около грамма и предложила встретиться вечером на улице, недалеко от ее дома...

Что, если тогда, в мае, Торбин смог бы увидеть заявление в высший законодательный орган республики, которое направит его мать меньше года спустя?

«Более девяти месяцев волокитится уголовное дело, которое было целенаправленно сфабриковано против моего сына некоторыми должностными лицами милиции и прокуратуры...

О злоупотреблениях этих лиц, предательстве интересов службы мой сын сообщил МВД республики и Союза рапортом в июне 1986 года, но тогда мер принято не было и именно эти люди искусственно создали уголовное дело по его обвинению.

Я юрист. И мое мнение совпадает с мнением знакомых мне юристов высокой квалификации: мой сын, молодой еще человек, вчерашний ведущий конструктор КБ, имеющий два высших образования, невиновен. Обвинение полностью сфальсифицировано...

Единственно отрадным во всей этой истории является принципиальная позиция Джизакского горкома и обкома партии. Сына вызвали, его доводы выслушали и их посчитали обоснованными.

Прошу рассмотреть жалобу, пресечь беззаконие и восстановить справедливость.

Пенсионер, участник Великой Отечественной войны,
полковник внутренней службы в отставке,
заслуженный юрист республики — Н. П. Торбина»

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Показания свидетелей:

«Каршибаев был нашим «хозяином», а хозяина мы должны содержать, давая ему взятки и безоговорочно выполняя все его прихоти, так это было заведено у нас в Джизакском РОВД» (т. 7, л. д. 260).

«...Все давали деньги, и я давал, не давать ему денег не мог...» (т. 7, л. д. 293).

«...Каршибаев К. назначил меня заместителем начальника следственного отделения, и я, естественно, должен был отблагодарить за это...» (т. 7, л. д. 285).

«30 или 31 декабря 1986 года Каршибаев К. вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что на Новый год у него будут гости, и просил подготовить «базар» — спиртное и фрукты. Об указании Каршибаева я сказал Тишликову А. и поручил ему собрать деньги со следователей, что Тишликов А. и сделал. Всего было собрано около 500 рублей...» (т. 7, л. д. 226).

Начальник горотдела вплоть до его ареста, безусловно, считался одним из влиятельных людей в области, не говоря уже об областной милиции, поскольку Джизакская область — по существу, сам город Джизак. Особенно это стало заметно после самоубийства генерала Нарбекова. Каршибаев, по сути, почувствовал себя его преемником: вместо того, чтобы обращаться к «чужакам», земляки, знакомые, не говоря уже о многочисленных родственниках, друзьях, потянулись к нему. Звонили, искали поддержки.

Однако сам Каршибаев уже не чувствовал себя столь уверенно, как раньше. Областное управление внутренних дел все больше вмешивалось в его деятельность.

А потом, правда, на короткое время, «звезда» его, казалось, и вовсе закатилась.

Проверками, проведенными бригадами областного управления внутренних дел и МВД Узбекской ССР, были выявлены случаи нарушения социалистической законности, провал оперативной работы, прямое хищение денежных средств.

Начальник областного управления внутренних дел принял решение — освободить Каршибаева от занимаемой должности. Из МВД республики на его место был направлен выпускник академии МВД СССР.

На этот критический момент, когда Каршибаеву требовалось срочно что-то предпринять, отвлечь внимание, и пришлось дело о задержании с поличным Нурии Адыловой.

Судьба дала полковнику шанс. И тот его не упустил.

Так возникло уголовное дело по обвинению В. А. Бондина и В. П. Торбина в злоупотреблении служебным положением.

Все оказалось тогда кстати и было пущено в ход! Тогда и оказался кстати тот случай с выслеживанием такси, на котором Мамлакат Ходжаева и ее подруга везли вещи. Эпизод, когда Торбин приезжал в городской отдел, чтобы разобраться, нельзя ли привлечь пассажира такси к уголовной ответственности за спекуляцию.

Все было поставлено с ног на голову преданными Каршибаеву людьми.

События того дня стали поводом для привлечения к уголовной ответственности самого начальника ОБХСС. Торбина обвинили в том, что он изъям в городском отделе у подчиненных Каршибаеву следователей материал на Ходжаеву.

Потом, в судебном заседании, никто из свидетельствовавших против начальника ОБХСС не мог вспомнить, составлялись ли ими вообще какие-нибудь документы в тот вечер. А если и составлялись, то какие? Ведь обе женщины вину свою отрицали...

«После отъезда Торбина,— показала Ходжаева на суде,— я находилась в отделе еще несколько часов — до половины двенадцатого ночи. Затем на том же такси уехала домой... где со следователем Тишликовым распили бутылку водки...»

Вот, пожалуй, кто мог бы рассказать больше об этой истории...

Но джизакская фемида сразу словно заткнула уши. «Бондин», «Торбин»... Эти две фамилии теперь всюду звучали вместе, на всевозможных совещаниях, активах, собраниях. Стали жупелом. Ими пугали, грозили, от них отрешивались. Их объяснения отвергались с порога проверяющими, которые не хотели портить отношения с всемогущим начальником местной милиции.

Бондина и Торбина не хотели слушать. Зато преступнику Каршибаеву уже ничто не мешало, и вскоре был согласован вопрос о его выдвижении на руководящую должность в Управлении внутренних дел области.

В. П. ТОРБИН. В эти же дни мая 1986 года проводимая по инициативе отдела ОБХСС документальная ревизия на складе импортных товаров торгово-закупочной базы Джизакского облпотребсоюза подходила к концу. Были выявлены факты злоупотреблений, установлена недостача у заведующего складом на сумму около семи тысяч рублей.

От оперативных уполномоченных ОБХСС, присутствовавших при снятии остатков, я узнал, что им намекают на взятку, почти в десять раз превышающую недостачу. О взятке я поставил в известность начальника управления и предложил задержать взяткодателя с поличным. Начальник управления со мной не согласился,— обстановка была слишком сложной, и нас же могли обвинить в провокации. Криворучко приказал готовить материалы на арест заведующего складом.

В тот же день мы задержали его, поместили в изолятор временного содержания, приготовили необходимые документы на санкцию.

Однако дальше этого дело не пошло. Появился помощник прокурора области, надзиравший за деятельностью органов дознания и следствия. Он потребовал материалы уголовного дела и отбыл. Через несколько часов заведующий складом был уже на свободе. Правда, впоследствии он был осужден, но отделался больше испугом, а его сообщники и вовсе остались безнаказанными.

Камера, в которой он сидел, освободилась, чтобы потом принять меня самого...

А пока у меня остались только «черновые книги» с фамилиями людей, получивших товары со склада. Книжки лежали в сейфе, и я отказывался их выдать. Кабинет и сейф опечатали. И не было больше дел. Сотрудники не знали, как быть, тревожно отводили глаза.

Руководство предупредило:

— Езжай домой, в Ташкент. Следователь нервничает. Может подумать, что своим присутствием ты давишь на свидетелей.

Я усхал. Первые дни сидел в квартире, старался не выходить, чтобы не встретить коллег. Но те находили меня сами. Звонили:

— В чем дело, Володя?

В сотый раз рассказывал свою историю.

— Никто, кстати, не поставил под сомнение правильность отданного мне приказа. Не объяснил, в чем моя вина.

— Все будет хорошо. Держись.

В пятницу из Джизака пришла машина:

— Следователь просит приехать. Сказал, что ненадолго.

Отвечаю: сегодня должна прилететь из Москвы мать, еще не оправившаяся после тяжелой болезни. В Москве ее положат в самолет. Кроме меня ее никому встретить.

— Следователь сказал, всего на несколько часов.

В дороге я сел за руль:

— Будет быстрее.

В Джизак приехали через два часа. Следователь обедал. Я нервничал, все чаще поглядывал на часы.

Вскоре появился следователь.

— Прилетает мать...— Я рассказал о своих затруднениях.

— Ну и что? Подумаешь!

— Я должен ее встретить. И вообще, по-моему, я еще не задержан.

— Уже задержан.

Я понял: мне не удалось сокрушить силу, которая стояла за очковирателями и расхитителями, арестованными нами, за заведующим складом, допустившим растрату. Сейчас эта сила брала реванш.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

...С целью предупреждения распространения инспектором дорожно-патрульной службы ГАИ Олимовым Исаком нежелательных для него, Каршибаева К., сведений об имеющихся в деятельности ГОВД злоупотреблениях и взяточничестве, Каршибаев для оказания на Олимова психического воздействия... организовал встречу Олимова И. с находящимися с ним в неприязненных отношениях, ранее дважды судимым за умышленные преступления водителем такси Исаковым Икрамом и его знакомыми, шоферами Ориповым О. и Абдуазизовым О.

..Используя служебное положение, Каршибаев К. путем угроз склонил ведущих паразитический, аморальный образ жизни Исакову М. и Даниерову Г. к согласию на поездку в заранее обусловленное безлюдное место на берегу канала «Санзар» с Олимовым И. и его сослуживцем инспектором дорожно-патрульной службы ГАИ Камаловым Г. и дал указание Камалову Г. путем обмана привлечь Олимова И. к участию в этой поездке

Зная об этом, Исаков И. и его знакомые Орипов О. и Абдуазизов О., «пользуясь благоприятной для совершения расправы над Олимовым И. обстановкой, выходя за пределы сговора с Каршибаевым К. об оказании на Олимова И. лишь психологического воздействия» (разрядка моя. — Л. С.), на почве недовольства служебной деятельностью Олимова И. по охране общественного порядка, убили его, отчленив голову.

Совершив убийство.. уничтожили следы преступления... вывезли труп Олимова И. на территорию Самаркандской области, а голову бросили в не установленное следствием место..

Будучи проинформированным очевидцем преступления Камаловым Г. об обстоятельствах совершенного убийства, действуя из низменных побуждений... Каршибаев К. как начальник органа дознания не возбудил уголовного дела, не принял мер к задержанию известных ему участников преступления и дал приказание Камалову Г. сообщить всем, что Олимов И. утонул

Продолжая свои преступные действия, Каршибаев К. инсценировал поиски якобы утонувшего в канале «Санзар» Олимова И. силами личного состава, лично принимал в них участие, заведомо зная о том, что Олимов И. убит и его труп вывезен за пределы Джизакской области...

В. П. ТОРБИН. Когда я оказался в камере и дверь за мной, начальником ОБХСС, закрылась, и ключ повернулся в замке, у меня было такое чувство, будто сейчас, в это мгновение, солнце должно упасть на землю и реки потечь вспять. Я не верил, что так бывает! Лаampa ярко горела под потолком...

Через сутки у моей камеры появился Каршибаев. Держался он сочувственно. Приказал доставить мне в камеру книги и плов. От плова я отказался, книги взял. В соседних камерах тоже находились задержанные. Известие, что рядом за стенкой содержится начальник ОБХСС, всех развеселило. Уголовники язвительно интересовались, нет ли у меня курева.

В разговоре со следователем я попытался объяснить, что произошло:

— В народном суде пропало 130 грамм опиума и 94 грамма гашиша, Нурия Адылова задержана с 103,5 грамма опиума. Около 3 грамм Адылова передала ранее Мамлакат Ходжаевой и потом «покупателю». Где же недостающие 23 грамма опиума и 94 грамма гашиша? Кто их продал? Кому? Проведите сравнительный анализ опия. Может, мы вышли, наконец, на крупных сбытчиков опия?!

От меня требовалось другое — признать, что с помощью Мамлакат Ходжаевой я спровоцировал Адылова на кражу наркотика из суда.

— Против тебя дают показания работники ГОВД, — говорил следователь. — Ты взял материал по задержанию Ходжаевой инспектором ГАИ Олимовым. Какие, кстати, у тебя с ним отношения?

Я ничего не знал тогда об исчезновении И. Олимова, могу лишь предполагать теперь, кто являлся автором версии «Олимов — Торбин». По чьей подсказке убийца Олимова Икрам Исаков вопреки фактам,

показаниям очевидцев до самого окончания следствия твердил: «Я здесь ни при чем. В убийстве Олимова был заинтересован начальник ОБХСС Торбин».

В случае признания своей вины в отношении Адыловой мне обещали свободу, но, я думаю, Каршибаев, да и прокурор только и ждали этого, чтобы посадить меня уже всерьез.

Искус продолжался трое суток. За меня боролись, начальник УВД полковник Криворучко обращался в самые высокие инстанции. На четвертые сутки меня до суда освободили из-под стражи.

Дальнейшее расследование по моему делу заняло больше года. Я неоднократно обращался с заявлениями, с просьбой ускорить разбирательство. Уже были арестованы Каршибаев и его следователи, а дело все велось.

Из определения судебного заседания: «Суд, перепроверив материалы дела в ходе судебного следствия, анализируя показания подсудимого Торбина В. П., свидетелей, считает, что по делу следствием допущены существенные пробелы в исследовании доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, и эти пробелы могут быть восполнены только путем нового расследования...»

Шестнадцать месяцев волокитилось это уголовное дело, в материалах которого не было ни одного серьезного доказательства виновности Торбина. И вот последний документ:

«Гр-ну Торбину В. П.

УВЕДОМЛЕНИЕ

Настоящим сообщая, что уголовное дело в отношении Вас производством прекращено за отсутствием в Ваших действиях составов преступлений, указанных в постановлении о привлечении Вас в качестве обвиняемого. Мера пресечения — подписка о невыезде — отменена.

Следователь следственной группы Прокуратуры СССР»

Еще раньше было прекращено дело в отношении Бондина.

Но странное дело! Хотя из текста постановления видно, что Бондин не имел к случившемуся никакого отношения, дело его прекращено как на лицо, «которое можно будет исправить и перевоспитать без применения уголовного наказания...»

И невольно закрадывается мысль. Ведь не может быть, чтобы то, что видно невооруженным взглядом даже не юристу, вдруг оказалось скрыто от работника следственной группы республики, подписавшего постановление о прекращении дела Бондина.

А может, вообще все не так просто и борьба еще продолжается? Недаром ведь ни Бондин, ни Торбин не восстановлены в своих прежних должностях. Таинственные недоброжелатели делают свое дело..

Вот мнение тех их сослуживцев, с кем пришлось мне разговаривать в Ташкенте и в Джизаке. Его сформулировал один из членов коллегии МВД Узбекской ССР:

— В. А. Бондин и В. П. Торбин все последнее время практически не у дел. Бондин отстранен от оперативной работы, которой отдал всю жизнь. На Торбина в течение почти года велось уголовное дело. Я знаю, что оба они честные люди, которые вели себя мужественно во всей этой истории. Сотрудники милиции республики ждут справедливости. У каждого из нас перед глазами есть конкретный случай допущенной в прошлом несправедливости, восстановление которой

должно явиться убедительным доказательством идущей перестройки. Для многих из нас таким является дело В. А. Бондина и В. П. Торбина.

Ждет справедливого вмешательства и судьба Мамлакат Ходжаевой, которая оказалась жертвой интриг Каршибаева. Пока нет никаких сведений о пересмотре ее дела.

Справедливость требует, чтобы проверка в порядке надзора коснулась ее дела.

Так же, как и следователя, который вел дело на Бондина и Торбина.

Просторное, с лифтом, с прохладным высоким холлом здание Управления внутренних дел находится в самом центре Джизака. И в УВД, и в самом городе произошли изменения.

Начальник управления Криворучко показывает газету:

«С 16 до 19 часов Джизакский обком организует прямую линию связи — «ПРИНИМАЕТ ОБКОМ ПАРТИИ». Трудящиеся могут обращаться по телефонам... На вопросы будет отвечать первый секретарь обкома партии, депутат областного и городского Совета народных депутатов...»

Налажено жилищное строительство.

Осуждены убийцы Исака Олимова. Понес наказание начальник Джизакского ГОВД Каршибаев. Суд определил ему наказание в виде десяти лет лишения свободы, осуждены на длительные сроки лишения свободы следователи-взятодатели, они же взяточполучатели.

Преданы гласности позорные события, происшедшие в Джизаке. И надо надеяться, что они не повторятся в будущем.

Как я уже говорил, справедливость в отношении подполковника милиции В. А. Бондина и майора милиции В. П. Торбина не восстановлена. Но остались на своих постах проверяющие, которые по тем или иным «ведомственным» соображениям не захотели выступить против начальника Джизакского ГОВД и сочли за лучшее принять сторону власть имущих.

...Чудовищная ностальгия по милиции мучает меня. Всего семь лет назад снял милицейские погоны, которые носил долгих двадцать пять. Вернее, не носил. Оперуполномоченный, начальник, заместитель начальника отделения уголовного розыска. Путь мой в милиции шел как бы по нисходящей, но это всегда была оперативная работа — я мало износил форменной одежды. Майором милиции был принят в Союз писателей СССР, майором и ушел в отставку. Шестнадцать лет проходил в одном звании.

Я мало читаю книг о милиции, в героях узнаю журналистов, студентов, электронщиков, только не милиционеров. Герои дениво «пикируются», пьют кофе, каждый полагает, что он, хотя бы отчасти, комиссар Мегрэ.

Вот и недавно прочитал в повести: «Умел майор вести дознание — ничего не скажешь! Ясно, точно, с неумолимой твердостью...» Действительно, все ясно...

«Дайте психологическую дуэль следователя с преступником, — говорят критики и теоретики нашего жанра. — Хороший детектив — это всегда праздник, торжество логики, ума!» — Короче: «Сделайте нам красиво!»

«Преступление не дает права работникам милиции проявлять при расследовании азарт овчарки, берущей след!..»

Чего же добились мы тем, что не писали о себе открыто?

Нам верят теперь, когда нас убивают. Тогда находятся и слова, и сочувствие. И деньги, которые собирают, чтобы построить автобус, носящий имя погибшего. И те же самые пацаны, скандировавшие «Мы не любим милицию!», отводят глаза.

А мы-то в милиции, сознаюсь, считаем, что мы — «новые центурионы», мы — «ангелы на дорогах»! Мы недосыпаем, больше бываем на службе, чем дома. Думаем, что делаем все на благо всех. Было бы наивным ждать, что все вокруг должны объединяться в любви к нам. Милиция не только разыскивает, но и стреляет, задерживает. Она штрафует, связывает, выселяет, препятствует, отправляет.

Но она и приходит на помощь, даже если человек, которому они помогает, еще недавно был сам нарушителем порядка. В милиции люди, готовые прыгнуть на рельсы, чтобы вытащить человека из-под колес; безоружные — не боящиеся броситься под пули. В ней много таких, кто скорее умрет, чем отпустит. И честных гораздо больше, чем принято думать теперь, когда мы открыто и вслух стали говорить о своих недостатках.

Привда -- «белое лекарство».

...Мы едем с подполковником Бондиным, зажатые по сторонам двумя рядами машин. Некоторое время в заднее стекло нам бьет яркий сноп огня неизвестно когда пристроившейся в фарватер машины. Потом так же внезапно она исчезает.

Южный город всегда кажется темнее, чем его северный собрат. Светильники едва прорывают кроны; освещенные окна скрыты деревьями. Единственный яркий свет на улице — свет фар.

— Ничего, мы еще повоюем, — говорит Виталий Алексеевич.

«Москвич» отрывается от потока, ныряет в темную улочку, движется теперь уже в полном одиночестве.

Мы продолжаем разговор.

Десятки, а то и сотни тысяч рублей, оседающие по пути продвижения наркотиков, — считает Бондин, — фактор, с которым следует считаться. Так?

— Без сомнения.

— Борьба предстоит серьезная. Каршибаевым дело не кончилось...

Леонид СЛОВИН

ДЖИЗАК   ТАШКЕНТ — МОСКВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

Женщина много лет работала на Крайнем Севере. А затем была вынуждена выехать на «материк». Сохранится ли у нее непрерывный трудовой стаж и в каком случае? На этот вопрос дается ответ в материале «Юрист консультирует директора».

Юноша смастерил самодельный нож и... уже это привело его на скамью подсудимых. Об уголовной ответственности за изготовление и другие незаконные действия с оружием читайте в статье «Вооружен и очень опасен».

Прочитав статью Л. Коршуновой «Самоуправство», вы узнаете, как могут привести к преступлению действия человека, которые ему самому кажутся вполне законными.

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

— Ну наконец-то дождалась, без вас как без рук,— встретил меня директор после выхода из отпуска.

— Уже третий раз заходила ко мне работница из механического цеха, на профком жалуетесь. А я без вас во всех юридических тонкостях не разберусь.

— Что ж, давайте вместе разбираться. В чем проблема?

— Работница эта раньше жила на Камчатке. Мужа туда направили. И они оба работали в одной организации, всеми льготами пользовались. Потом сынишка у них сильно простудился, стал часто болеть. Пришлось ей уволиться и уехать с Камчатки, два года нигде не работала. Сейчас мальчик поправился, и женщина к нам на завод устроилась, уже полгода работает. Пособие по больничному листу ей платят из расчета 50 процентов заработка. В профкоме говорят, непрерывный стаж прервался — два года не работала. А она утверждает, что есть постановление, где указано, что у женщин, работавших на Крайнем Севере и уволившихся по уходу за ребенком дошкольного возраста, непрерывный стаж сохраняется независимо от

продолжительности перерыва в работе. Профком же такого постановления не знает.

— Постановление такое есть. Только к данному случаю оно отношения не имеет,— начал я.

— Вот это интересно! — удивился Демократов.

— Работница, вероятно, имеет в виду Инструкцию о порядке предоставления льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденную постановлением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 16 декабря 1967 года № 530/П-28. Там имеется специальный раздел, посвященный порядку исчисления стажа, дающего право на получение льгот. В соответствии с п. 49 женщинам, временно оставившим работу для ухода за детьми дошкольного возраста или по состоянию здоровья, трудовой стаж суммируется. Здесь имеется в виду следующее: если женщина, работающая в районах Крайнего Севера или в приравненных к ним местностях, оставила работу на какой-то период (его продолжительность действительно значения не имеет) в связи с необходимостью ухода за ребенком, а затем вновь поступила на работу в районы Крайнего Севера, то стаж ее считается непрерывным.

— Так, значит, работница права,— перебил меня Демократов,— а профком ошибся?

— Нет, Василий Иванович. Вы не обратили внимание, что в Инструкции речь идет только о непрерывном стаже, дающем право на льготы, установленные для работников Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. У нас тут не Крайний Север и соответствующих льгот нет. Сейчас речь идет о непрерывном стаже, имеющем значение для назначения пособий по государственному социальному страхованию. Этот стаж исчисляется по правилам, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 года № 252.

Согласно п. 2 Правил и п. 2 Разъяснения Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 9 июля 1980 года № 5/12—21 в случае увольнения по собственному желанию женщины, имеющей детей в возрасте до 8 лет, непрерывный стаж сохраняется, если перерыв в работе не превысил одного месяца.

Вообще надо помнить, что непрерывный стаж — понятие собирательное. А исчисляется он по-разному: для назначения пособий — в одном порядке, для предоставления льгот — в другом. Свои особенности есть при исчислении стажа, дающего право на надбавку к пенсии, на вознаграждение за выслугу лет и по итогам работы за год.

С. ИСТИНОВ

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Нож получался великолепный. Узкое длинное лезвие «финки» переходило в удобную, красивую, набранную из разноцветного плексигласа ручку.

Витка еще раз прошелся по всему ножу тряпочкой с полиро-

вальной пастой и, отставив руку с ножом в сторону, полюбовался своим изделием.

— Ух ты! — восхищенно сказал его друг Николай, с завистью разглядывая «финку».

— Две недели старался! — похвастался Витька. — Что надо получилось!

— Ладно, — посмотрел на часы Николай, — пора собираться. Время на «плешку» идти. Наши уже собираются. Ты же помнишь, что сегодня предстоит «разбор» с зареченскими. Да, пожалуй, на всякий случай «перышко» захвати, может, погугать кого придется.

Витька согласно кивнул, сунул новую «финку» в карман куртки, и дружки отправились на площадь перед клубом, которую между собой ребята называли «плешкой».

Скоро туда подошли и пацаны из Заречного района, с которыми у «центровых» на днях произошел конфликт и надо было разобраться, кто прав, кто виноват. Слово за слово, и «разбор» перешел в драку. Витька выхватил из кармана «финку» и...

Нет, он никого не ударил ею. Просто в этот момент появились работники милиции и дружинники. Драка мгновенно прекратилась, а Витьку задержали, доставили в отделение милиции и против него возбудили уголовное дело за изготовление и ношение холодного оружия. Спустя еще некоторое время паренек предстал перед судом.

Впрочем, если бы Витька даже и не участвовал в драке, а просто ходил с этим ножом, его все равно бы привлекли к уголовной ответственности. Больше того, сам факт, что он смастерил такой нож, является по советскому законодательству преступлением. В Уголовном кодексе РСФСР и в кодексах других союзных республик указывается, что ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения наказываются лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок. Исключение закон делает лишь для тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом. Например, на Кавказе кинжал можно носить вместе с национальным костюмом, однако с обычным костюмом его носить запрещено. Что же касается соответствующего разрешения, о котором говорится в статье Уголовного кодекса, то оно обычно выдается тем, кто имеет охотничий билет.

Бывает, что многие ребята «на всякий случай», для самообороны, носят с собой разные предметы, не предполагая, что тем самым вступают в конфликт с уголовным законодательством, совершают преступление. Ведь холодным оружием считаются предметы, специально предназначенные или приспособленные для поражения живой цели: кинжалы, «финки», сабли, граненые штыки, кортики, стилеты, плоские штыки, ножи, кастеты и другие. Иначе говоря, такие предметы, которыми можно нанести рану, увечье или даже причинить смерть человеку. Например, далеко не все знают, что к холодному оружию относятся и так называемые «нунчаку» — восточное оружие, которое состоит из двух палок с эластичной связкой между ними. Ношение «нунчаку» уголовно наказуемо, потому что считается оружием раздробляющего действия, как, например, кистень. Таким образом, даже изготовление «нунчаку» является преступлением.

Надо разъяснить еще один термин закона — что такое «сбыт». Под словом «сбыт» понимается не только продажа оружия, но и его дарение, обмен на что-либо другое и так далее, то есть передача

ча любым способом другому человеку. Так вот, в случае привлечения к уголовной ответственности того, кто задержан с оружием, будет привлечен и тот, кто ему сбыл этот нож, кинжал, «нунчаку» и т. д.

Еще более строгая ответственность наступает за ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме охотничьего гладкоствольного), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения. Такое преступление наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Под огнестрельным оружием понимаются все виды оружия, поражающие свойства которого производятся пулей, картечью или другим каким-либо снарядом, который получает ускорение силой пороховых газов. Это — винтовки, карабины, пистолеты, пистолеты-пулеметы, артиллерийские орудия, минометы, нарезные охотничьи ружья, малокалиберное спортивное оружие и т. п. Причем огнестрельным оружием будет считаться и гладкоствольное охотничье ружье в том случае, если из него изготовить обрез, то есть отпилить часть стволов, укоротив ружье.

Не случайно в перечислении видов оружия упомянуты такие, как минометы, пистолеты-пулеметы и даже артиллерийские орудия. Дело в том, что до сих пор все это встречается на полях бывших сражений. И не только времен Великой Отечественной войны, но и гражданской. Ребята, да порой и взрослые подбирают находки, приносят домой. Иногда вешают на стену как украшение, прячут в сарае, погребке, на чердаке. И все это — преступление, за которое наступает уголовная ответственность.

Вспоминается случай, когда судили парня за то, что он нашел в лесу пистолет-пулемет, или как его принято называть, автомат ППШ. Он его тщательно очистил от ржавчины и повесил у себя в комнате. Кто-то увидел и сообщил в милицию. Парня привлекли к уголовной ответственности и судили.

Что касается боевых припасов, то к ним относятся патроны, артиллерийские снаряды, бомбы, гранаты, боевые ракеты и другие устройства, начиненные порохом или иным взрывчатым веществом и предназначенные для стрельбы из огнестрельного оружия или производства взрыва. Наверное, не надо рассказывать, какую опасность все это представляет для владельца этих устройств и окружающих. Можно привести немало случаев, когда ребята находили старые мины или снаряды, пытались их разобрать и погибли от взрыва... Тяжелые ранения, нередко смертельные, получали и те, кто находился неподалеку.

Наконец, к взрывчатым веществам относятся порох, динамит, тротил, нитроглицерин и другие химические соединения или смеси, которые могут взорваться в результате зажигания, удара или детонации. Причем изготовлены они могут быть как фабричным, так и самодельным путем.

...А что же Витька, о котором мы рассказали вначале? Суд счел возможным не лишать Витьку свободы, приговорив его к исправительным работам сроком на один год. Наказание это послужило достаточно суровым уроком не только для Витьки, но и для его друзей, которые не прочь были, идя на прогулку, захватывать с собой «на всякий случай» то, что по закону, оказывается, считается холодным оружием и за что так легко попасть на скамью подсудимых.

«НАВОДНЕНИЕ» В КВАРТИРЕ

Когда Гражданкины вернулись из отпуска, их ожидал «сюрприз». Дверь квартиры была опечатана.

— Что случилось? — встревожилась Вита.

Семен пошел к соседям, которым Вита оставляла ключ от квартиры.

— Вы только не расстраивайтесь. Прибежали соседи с нижнего этажа и пожаловались: на потолке у них появилось огромное влажное пятно. Пошли в РЭУ (ремонтно-эксплуатационное управление) и вместе с комиссией, — говорила соседка, — вскрыли вашу дверь, составили об этом акт. Оказалось, что виновник протечки — соседка сверху. Квартиру пришлось опечатать. И без комиссии ее вскрывать нельзя!

Наконец, после того как появилась вызванная Семеном комиссия в составе техника-смотрителя, слесаря и участкового Ивана Петровича, Вита попросила:

— Вскрывают же поскорее.

— Торопиться не следует, — ответил участковый. — Вначале надо пригласить двух понятых от жильцов дома.

— Мы с мужем будем понятыми, — предложила соседка Оля. — Мы и при первом вскрытии были. Вы же помните, Иван Петрович!

— Помню, но этичнее позвать других, чтобы проверить наличие вещей по акту.

Когда пришли понятые, жильцы с нижнего этажа, слесарь открыл дверь.

— Боже мой, вот так отдохнули! — ахнула Вита.

Причины для отчаяния действительно были. Потолок выглядел так, будто его кто-то забросал бурой глиной. Обои на стене вздулись. Внутренняя электропроводка повреждена влагой, света в квартире нет.

Проверили по акту наличие вещей. Все оказалось на месте. Но в каком виде было имущество, говорить не приходится.

— Откуда же мы возьмем деньги на ремонт? — заплакала Вита. — Да и многие вещи придется менять.

— А вам ничего не придется платить за ремонт, — успокоил ее участковый. — Есть акт, в нем установлен виновник — соседка с верхнего этажа. Отлучась из дома, она забыла закрыть кран горячей воды. А в то утро ремонтировалась система водоснабжения, горячую воду временно отключили. Соседка отсутствовала целый день. Когда дали воду, открытый кран стал источником беды. Сейчас техник-смотритель составит описание необходимых работ. И если соседка откажется возместить ущерб добровольно, обратитесь в народный суд. Весь ущерб виновные лица должны будут вам возместить согласно статье 444 Гражданского кодекса РСФСР. Норма этой статьи такова: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению лицом, причинившим вред в полном объеме...»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Учащийся ПТУ 16-летний Юрченко случайно сломал в кабинете физики дорогостоящий прибор. Училище обратилось в суд с иском-заявлением о взыскании с него стоимости прибора.

Правильно ли предъявлен иск?

Задача 2

Мишина обратилась в суд с иском о восстановлении на работе. Народный суд отказал в удовлетворении иска. Муж Мишиной, участвовавший в деле в качестве свидетеля, подал на решение суда кассационную жалобу. Областной суд, рассмотрев его жалобу, оставил решение народного суда в силе.

Правильно ли определение областного суда?

Задача 3

Косов заключил с Панченко пари на 200 рублей и выиграл его. Панченко отказался заплатить ему проигранную сумму. Косов обратился в суд. В суде Панченко признал наличие между ними такого договора, а Косов согласился уменьшить спорную сумму до 100 рублей. Суд утвердил между ними мировое соглашение, в соответствии с которым Панченко должен выплатить Косову 100 рублей.

Законно ли решение суда?

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Секретарь Ленинабадского облсовпрофа Таджикского республиканского совета профсоюзов Н. Миронова прислала в редакцию ответ на нашу просьбу рассмотреть коллективное письмо рабочих комбината жилищно-коммунального предприятия г. Пенджикента.

Факты подтвердились, критические замечания, высказанные рабочими, совершенно справедливы. Администрации предприятия установлены жесткие сроки для обеспечения необходимых условий труда, приобретения соответствующей техники, оборудования санитарно-бытовых помещений, пересмотра графика работы. В соответствии с действующим законодательством упорядочена оплата за работу в праздничные дни, в ночные смены, сверхурочные часы. Решается также вопрос об увеличении тарифных ставок и выплаты тринадцатой зарплаты.

САМОУПРАВСТВО

Всю ночь Артему Миронову снилось, что некто угоняет его машину. Поэтому, проснувшись утром, он первым делом выглянул в окно и... похолодел от ужаса: его канареечного цвета «Москвича» на стоянке не было. Сначала Артем решил, что еще не совсем проснулся. Он крепко зажмурился и больно ущипнул себя. Однако машины действительно не было. Как говорится, «сон в руку».

Работники милиции на удивление быстро нашли и машину, и угонщиков. Ими оказались супруги Ковалевы... бывшие теща и тесть Миронова.

Следователю Ковалевы так объяснили свое поведение. Выдавая дочь замуж за Миронова, они в качестве приданого подарили молодым деньги на покупку машины, но жизнь у молодых не сложилась. Они развелись. И Ковалевы стали требовать, чтобы бывший зять вернул им либо деньги, либо машину. Артем же не хотел делать ни того, ни другого. Тогда-то и появилось решение самовольно забрать машину у Миронова. Ведь она, по существу, их, куплена на их деньги. Вот и забрали то, что принадлежало им по праву. Конечно, Ковалевы понимали, что действуют незаконно, но им и в голову не приходило, что они совершают такое преступление, как самоуправство.

В соответствии со статьей 200 УК РСФСР (и соответствующими статьями УК других союзных республик) **самоуправство** — это самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям.

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что человек, совершающий самоуправство, не желает считаться с законами, устанавливающими порядок осуществления гражданами принадлежащих им прав. В результате этого могут быть нарушены интересы граждан либо интересы государственных или общественных организаций. При самоуправстве лицо совершает те действия, которые могут быть совершены лишь органами власти (например, в ситуации, приведенной вначале, машину Ковалевым мог передать только суд). Следовательно, самоуправство нарушает работу государственного аппарата.

Давайте разберем некоторые понятия, использованные в определении данного преступления. Так под **действительным правом** понимается право, принадлежащее виновному, но реализуемое им с нарушением установленного порядка. **Предполагаемое право** — это право, относительно которого виновный добросовестно заблуждается, то есть думает, что оно у него есть, тогда как в действительности он этого права не имеет. Если гражданину известно, что ему вообще право не принадлежит, то есть он не осуществляет ни предполагае-

мого, ни действительного права, то совершаемые им действия не являются самоуправством. Например, не будет самоуправства в случае, когда виновный самовольно берет государственную машину для использования в своих личных целях.

Уголовная ответственность за самоуправство наступает в случае, если предпринятыми действиями причинен **значительный вред** гражданам либо государственным или общественным организациям. Например, гражданин, осуществляя свое действительное (или предполагаемое) право на имущество, находящееся у другого гражданина, пользуется им против воли владельца, в суд с заявлением о разрешении спора не обращается и приводит это имущество в негодность. В этой ситуации налицо уголовное наказуемое самоуправство.

Уголовную ответственность за это преступление может нести недолжностное лицо, достигшее 16-летнего возраста. Должностное лицо, использующее свое служебное положение и самовольно, с нарушением порядка реализующее свое действительное или предполагаемое право, причиняя при этом значительный вред гражданам либо государственным или общественным интересам, отвечает не за самоуправство, а за превышение власти (статья 171 УК РСФСР, соответствующие статьи УК других союзных республик).

Статья 200 УК РСФСР предусматривает наказание в виде **исправительных работ на срок до шести месяцев, или штрафа до 100 рублей, или общественного порицания либо применение мер общественного воздействия.**

Если самоуправные действия не причинили существенного ущерба, такого рода деяние не считается преступным. В этом случае лицо может быть наказано в административном порядке. Так, в соответствии со статьей 166 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях самоуправство, не причинившее существенного вреда гражданам либо общественным или государственным организациям, влечет предупреждение или наложение штрафа на граждан в размере до 30 рублей и предупреждение или наложение штрафа на должностных лиц до 50 рублей. К совершившему самоуправные действия также могут быть применены меры общественного воздействия или предъявлен иск в порядке гражданского судопроизводства.

Л. КОРШУНОВА

Почему кооператив по бытовому обслуживанию населения становится грозным конкурентом государственных организаций? Об этом вы узнаете из материалов «круглого стола» редакции под названием «Сколько стоит свадьба в Одессе?».

Сохранить памятники русской национальной культуры! Не допустить их порчи и разорения! — Глубокой тревогой по этому поводу пронизаны выступления А. Пермиловской и Л. Волконской «Дорога, которая не ведет к храму».

Сколько стоит свадьба в Одессе?

Р

азговор, состоявшийся в одесском горисполкоме, год назад был бы попросту невозможен. В самом деле, можно ли было предположить, что на территории городских загсов столкнутся интересы кооператива «Символ» и государственного предприятия?

Жалобы летели в горисполком и облисполком: «Выживают! Кооператив «Символ» переманил на свою сторону инспекторов загса! Они теперь отдают кооператорам все заказы на обряды».

Отдадим городским властям должное — они проявили мудрость и не взялись, как это еще бывает, за административную дубинку.

Так что же это за кооператив такой — «Символ»? Организовался в сентябре прошлого года. Популярность среди одесситов завоевал очень быстро. Да, с ним стали сотрудничать и инспектора загсов. А фирме «Свято» стал грозить, попросту говоря, финансовый крах. Если к тому же учесть, что фирме ежегодно планировался рост объемов услуг от достигнутого в 7 процентов, то станет понятно, какой острый конфликт возник в Одессе.

Кому в будущем отдадут предпочтение городские власти — государственной фирме или кооперативу? Сузится ли выбор услуг для потребителя или нет? Эти непростые вопросы стали предметом обсуждения за «круглым столом» в горисполкоме Одесского городского Совета народных депутатов. В беседе участвовали: ШИМАНЮ-

ВИЧ Валентин Кузьмич — секретарь горисполкома, МАРШАК Вячеслав Михайлович — заместитель начальника облбытуправления, КАСЬЯНЕНКО Тамара Николаевна — заведующая Ильичевским районным отделом загса, ПОПОВ Игорь Сергеевич — председатель кооператива «Символ», САЛМАТОВА Валентина Васильевна — директор Дворца торжественных событий, НЕДВИГА Людмила Яковлевна — заведующая областным загсом, МАКЕЕВ Виктор Васильевич — заместитель председателя кооператива «Символ», ОЛЕЙНИКОВА Нелли Александровна — директор обрядовой фирмы «Свято», Вячеслав СТЕРИН — корреспондент журнала «Человек и закон».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Говорят, у молодоженов Одессы появился выбор — хочешь обращайся к фирме «Свято», хочешь к кооперативу «Символ». А сколько стоит молодожену и его родителям свадьба по государственным расценкам?

ОЛЕЙНИКОВА. В общем 57 рублей.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Недорого! За это молодожен получит автомобиль с куклой на радиаторе, оркестр в ресторане или кафе, фотографии на память? То есть весь набор услуг?

ПОПОВ. Нелли Александровна сильно занизила расходы молодоженов. Раз в десять, по-моему.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Так сколько же все-таки стоит свадьба в Одессе? Если брать полный набор услуг...

МАКЕЕВ. Позвольте мне... До создания кооператива я работал на фирме «Свято» главным инженером — вопросы эти мне хорошо знакомы. Свадьба... ну которая так себе, обходится от 3000 до 4000 рублей. Если вести подсчеты не по квитанциям, а как в жизни бывает. А по квитанциям — с оркестром и фотографами — всего 200—300 рублей. Не больше. Однако люди переплачивают, это знают все. Тем же фотограмам, музыкантам, шоферам... Особенно наживаются приемщики заказов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Кто же платит сверх квитанции? Молодожен?

МАКЕЕВ. Не только... Платит молодожен, платит родитель молодожена, платит приемщику и тот, кто получает заказ, — фотограф, шофер, музыкант. Всем хочется иметь выгодный заказ. Возьмем, например, расценки на оплату оркестра. Они же изначально запрограммированы на поборы. За один час игры оркестра клиент должен заплатить по квитанции 80 рублей. Но его не предупреждают, что он платит только за один час! Ну, а кто удовлетворится только одним часом свадебной музыки? Вот и доплачивают руководителю оркестра. Те же восемьдесят рублей за час. А на свадьбе играют пять часов. Вот вам 400 рублей сверх квитанции — «навар»!

ШИМАНОВИЧ. Скажите, сколько свадеб регистрируется в год?

САЛМАТОВА. 3000—4000 свадеб в год по нашему дворцу.

ШИМАНОВИЧ. А в целом по городу?

НЕДВИГА. По городу тысяч одиннадцать.

ШИМАНОВИЧ. Солидный, однако, получается «навар».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Makeев утверждает, что свадьба в среднем стоит 4000 рублей при официальной госрасценке в 200—300 рублей. Значит, остальные деньги, минуя казну, а значит, не облагаясь налогом, уходили в карман тех же сотрудников «Свято». А сколько же денег за свое полугодовое существование выручил «Символ» и сколько он сдал в казну в виде налогов?

ПОПОВ. Тысяч шестьсот мы выручили. И сдали от этой суммы столько, сколько полагается по закону. Но мы же еще часть денег отдали загсам. На их развитие...

НЕДВИГА. Вот главный вопрос. Кооператив отдал часть своих доходов загсам на их материальное развитие. Фирма «Свято» этого никогда не делала. Подобной статьи расходов в их финансовом плане — помощь загсам, насколько я знаю, просто не существует.

МАРШАК. Давайте, товарищи, уточним все же кое-что... Загсы являются, это всем известно, бюджетными организациями. Что это значит? Только то, что на их развитие деньги должен давать городской бюджет, то есть казна города.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Товарищ Маршак утверждает: фирма «Свято» не обязана помогать загсам, поскольку на их развитие она перечисляет деньги в местный бюджет. Пусть бюджет, мол, сам платит о загсах. Вроде бы здесь есть логика! Однако взглянем с позиции местных властей: у бюджета сотни нуждающихся, которым надо помочь. И не всегда загсы — главные объекты для такой помощи.

ШИМАНОВИЧ. Совершенно верно. Предприятия, специально созданные для выполнения обрядовых услуг, как и любое другое предприятие на городской территории, обязаны вносить в бюджет города определенную сумму. Но разве отчисления в бюджет освобождают предприятия от расширения собственной производственной базы? А по логике Маршака выходит: из 12 процентов отчислений в бюджет, что платит городу «Свято», мы должны еще изымать эти деньги и давать им же на расширение их же базы. Согласитесь, нелепо!

МАРШАК. Горисполком выдает фирме «Свято» финансовый план. В нем все расписано: куда должны идти доходы предприятия и его расходы. И в итоге от фирмы «Свято» уже не зависит, куда направлять деньги. Вот в чем вопрос.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Правильно. Однако кооператоры, как мы здесь слышали, и платят в бюджет больше, и о загсах заботятся лучше фирмы «Свято». Почему? Они не связаны обязательным для исполнения финансовым планом и свободно маневрируют своими доходами.

НЕДВИГА. Представитель облбытуправления, видимо, забыл о целях создания фирмы «Свято». Он почему-то забыл упомянуть, что приказом Минбыта Украинской ССР фирма была создана в помощь органам загса для создания материально-технической базы обрядности. Но фирма не выполнила этот пункт из приказа министерства. Она, по сути, 10 лет только паразитировала на нашей базе. А кооператив только за полгода выделил на материально-техническое оснащение загсов около 40 000 рублей. Кстати, в договоре «Символа» с загсами говорится: 15 процентов от дохода кооператива идут непосредственно на обновление и оборудование отделов загса.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Выходит, загсам стало выгодно иметь дело с кооперативом, а не с государственной фирмой?

НЕДВИГА. А почему, собственно, мы должны были отказываться от выгодных условий сотрудничества с кооперативами? Они отчисляют проценты от своей прибыли отделам загса. Они понимают: их клиенты ходят по нашим коврам, в наших залах проводятся торжества. И еще кооперативы заинтересованы в том, чтобы их услуги были качественными. Им безразлично, в каком платье стоит заведующая загсом, как она будет выглядеть на фотографиях...

ОЛЕЙНИКОВА. Но пока что ваши заведующие одеты в наши платья.

НЕДВИГА. Да, пока в ваши. Пошитые, заметим, десять лет назад. Буквально через день-два кооператив выдаст нам новые платья. Расскажу, кстати, об одном случае. К нам в Одессу в турпоездку приехала бывшая гражданка СССР. Десять лет тому назад она выдавала замуж свою дочь. Так вот пришла она в загс и во время исполнения обряда шепнула заведующей: «Я вас узнала по платью. Лет десять назад вы были в этом же платье...»

КОРРЕСПОНДЕНТ. Случай, прямо скажем, грустный. Вопрос к товарищу Шимановичу: выгодно ли городу сотрудничество загсов и кооперативов? Ведь теперь загсы на свое развитие и оборудование ничего не просят у бюджета. Даже на повышение зарплаты своих инспекторов.

ШИМАНОВИЧ. Вопрос о качестве работы фирмы «Свято» стоит давно и на всех уровнях. Думается, мой ответ на вопрос ясен: городу лучше, чтобы его граждане обслуживались хорошо. Если гражданин говорит за услугу «спасибо» — значит все в порядке в городском хозяйстве.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Итак, кооператив при загсе не нарушает социальной справедливости?

ШИМАНОВИЧ. Напротив, помогает ее восстановить. Непонятно? Поясняю. О какой социальной справедливости можно говорить, если инспектор загса, имеющий высшее юридическое образование, получал зарплату 110 рублей? А приемщик заказов фирмы «Свято» с образованием в объеме средней школы — 210—230 рублей! Сравним: человек, исполняющий не только государственные обязанности, но и в какой-то степени воспитательные — 110 рублей, человек, исполняющий обязанности чисто технические по оказанию услуг, — 230. В два раза больше! На мой взгляд, здесь социальная справедливость была явно нарушена. Кооператив сумел устранить этот перекос. Инспектора, заключившие трудовые соглашения с «Символом», получают прибавку к основной зарплате в 150 рублей. Они ее зарабатывают в кооперативе. Честным трудом! Мы за такую линию.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сегодня я побывал в ателье фирмы «Свято» «Свадебные платья». Одна из работниц, пожилая женщина, узнав, что за «круглым столом» встретятся работники «Свято» и «Символа», сказала: «Все кооперативщики — мафиози, они грабят народ!» Такие настроения в той или иной форме существуют у населения. Эта же женщина почти слово в слово повторила аргументы заместителя начальника облбытуправления Маршака: «Кооператив сам ничего не делает, а только покупает в Молдавии рушники, привозит в Одессу и продает по дорогой цене».

МАРШАК. В два раза дороже.

ПОПОВ. Но это же неправда!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Позвольте, я закончу... Другая работница ателье сказала так: «Кооператив «Символ» — это коррупция в чистом виде». «Почему?» — поинтересовался я. Она ответила: «Потому, что инспектора загсов состоят членами кооператива и, используя свое служебное положение, все заказы отдают «Символу». Я, однако, здесь коррумпированности не вижу. Не будь инспектора загса членами кооператива, то, отдавая заказы на услуги «Символу» за мзду, за взятки, они, разумеется, составляли бы коррупцию в органах загса. А так.. они работают на кооператив. За зарплату.

ОЛЕЙНИКОВА. Инспектора загса — не члены кооператива.

НЕДВИГА. Однако они состоят в договорных отношениях с «Символом». Кооператив с ними заключил трудовые соглашения. Разве это запрещено?

ОЛЕЙНИКОВА. Я не против того, чтобы кооператоры вкладывали деньги в карман загсов. Инспектора стали получать больше — я не против. На 110 рублей в наше время прожить весьма сложно, каждый это понимает. Но зачем же подменять нас? Зачем переманивать наших людей? Создалась парадоксальная ситуация: подумайте только, фотографии у нас снимали плохо, а в кооперативе стали фотографировать художественно.

ПОПОВ. А знаете, почему? Вы не давали фотографам ни материалов, ни аппаратуры, ни пленки, ни бумаги. Только зарплату после сдачи выручки. Все фотоматериалы фотограф вынужден был покупать на свою зарплату. Мы тоже не выдаем фотоматериалов, но мы говорим: сдавайте в кассу определенный процент от выручки, остальное — ваше. Их это устраивает больше, вот они и работают лучше. Будут снимать плохо — откажемся от их услуг. А вы объявите выговор в приказе. Что толку?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сколько фотограф зарабатывал в «Свято»?

МАКЕЕВ 160 рублей в месяц. При условии, если его выручка соответствовала плану.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А в кооперативе?

МАКЕЕВ. 1000 рублей.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, 840 рублей проходили мимо фирмы «Свято»?

ПОПОВ. Получается так. А теперь им незачем утаивать свои доходы от кооператива. Его деньги перестали быть «левыми» — он получает столько, сколько зарабатывает.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, реальная услуга стоит гораздо дороже государственных расценок?

ШИМАНОВИЧ. В этом-то и все дело. Жизнь, сами знаете, многогранна. Нам всем приходится и хоронить родственников, и женить детей, и ездить в такси, нанимать носильщиков на вокзале, шить костюмы и так далее. И всякий раз слышим: «Хозяин, сколько дашь?» Попробуйте в центре города взять ночью такси, чтобы проехать, скажем, на Молдаванку? Обязательно услышишь: «Сколько сверху положишь?» По государственной расценке государственный работник вам полной услуги не окажет. Такая плата ему невыгодна, ибо он действительно мало получает от той суммы, что вы внесли в кассу предприятия, обслуживающего население. Вот корень зла.

ПОПОВ. А что делаем мы? Позволяем легализовать человеку затраты его труда на оказание какой-то услуги путем договорных цен. От его заработка, ничем не ограниченного, кооператив вносит в кассу налог. Что получилось в августе прошлого года? Мы взяли к себе инспекторов загса на договоры. Два часа после работы и один выходной день в неделю посвящают они кооперативной деятельности. Есть криминал? Есть выигрыш! Чаевые и поборы ушли в прошлое. Если я плачу оркестру 350 рублей за вечер, у меня и мысли не возникает дать ему что-то сверху. Я знаю — есть договорная цена. Я на нее согласился. А работникам «Свято» клиент по-прежнему вынужден давать сверху — таковы расценки. Не учитывают расценки ни реальных потребностей клиента, ни реальных затрат труда и материалов.

ШИМАНОВИЧ. Грустно признавать, но сегодня скрытых доходов у нас гораздо больше, чем облагаемых налогом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Словом, у государственного предприятия, опутанного инструкциями и нормативами, нет свободы маневра, нет инициативы. Вот оно и проигрывает в конкурентной борьбе. Таковы издержки командно-административной системы ведения хозяйства. Потому, Нелли Александровна, вы и не проявляете инициативы, не боретесь за рынок услуг. Но время-то сейчас другое — без инициативы рынка услуг не завоюешь. И, как показала нынешняя ситуация, на плаву не удержишься. Меняется ли что-нибудь у вас?

ОЛЕЙНИКОВА. Меняется. Делается немало, чтобы раскрепостить предприятие. Можем сегодня взять фирму в аренду, создать свой кооператив или, на паях с кооперативом оказывать услуги, став кооперативно-государственным объединением.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Есть против «Символа» еще одно обвинение. Инспектора загсов, мол, в рабочее время трудятся на кооператив.

ПОПОВ. Неправда! Свои обязанности по загсу они выполняют в рабочее время. А в свободное — обсчитывают для кооператива наши строительные участки, участок атрибутики, ездят по домам и берут заказы на услуги. Но не в этом даже дело. Нам не надо преимуществ и поблажек от инспекторов загса. Молодожен, придя в загс и получив прейскурант с нашими ценами и ценами фирмы «Свято», становится нашим клиентом. Без уговоров, без рекламы. Цены и качество работы убеждают.

ОЛЕЙНИКОВА. Не согласна! У нас цены ниже, возьмем, например, свечу — она дешевле кооперативной.

НЕДВИГА. Безусловно! Но она так страшно выглядит... А у людей праздник! Они хотят, чтоб все было красиво и действительно празднично. А потому предпочитают купить свечу за 12 рублей, чем уродину за 6 рублей 30 копеек.

КАСЬЯНЕНКО. Я заведу Ильичевским загсом. Он в самом большом промышленном районе Одессы. Наш загс называли «бросовым». Почему? Не потому, что мы находимся на Молдаванке на окраине города. Помещение было в страшном состоянии — штукатурка со стен и потолка сыпалась на головы молодоженов. И вот вышел Закон о кооперации. Мы подумали, прикинули и решили создать при загсе свой кооператив под названием «Ритуал». Стали работать. Причем параллельно с фирмой «Свято». Клиенты пошли к нам. Цены одинаковые, но обслуживание кооператива им нравилось больше. За три месяца кооператив дал нам на наше развитие 11 000 рублей. Мы сделали ремонт, украсили стены. Даже площадь загса увеличили.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А прибавка к зарплате сколько составила?

КАСЬЯНЕНКО. Сто рублей.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Выходит, кооператив спас загс от нищеты. Значит, такие кооперативы могут помочь выбраться из нищенского существования и другим загсам?

КАСЬЯНЕНКО. Наверняка. Мы уже принимаем делегации из области. В области нет услуг фирмы «Свято». Приезжают недавно из Измайловского района: как создать кооператив? Мы объяснили. До создания кооператива у нас в загсе даже авторучку не на что было купить. Покупали из своей 80-рублевой зарплаты. Теперь у нас просто нет таких проблем. Работать стало легче...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Допустим, не выдержав конкуренции, фирма «Свято» уйдет из загсов. В них останется только «Символ».

Тогда, выходит, он станет монополистом и будет диктовать свои условия?

НЕДВИГА. Если «Символ» как монополист завысит цены против государственных или ухудшит качество обслуживания, мы расторгнем с ним договор. В городе уже создано четыре кооператива при загсах.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, есть выбор?

НЕДВИГА. Есть. И это обнадеживает. Скажу откровенно: мы за «Символ» и «Свято». Пусть потребитель выбирает, кто ему больше по душе. Мы — за здоровую конкуренцию. Но... это же ясно всем, для того, чтобы конкурировать, надо развиваться, что-то делать, что-то менять. Главное — новые идеи. Пока они есть у «Символа» и совсем их нет у «Свято». Фирма желает вернуться и захватить все то, что она имела, без борьбы.

КОРРЕСПОНДЕНТ. В этих словах есть резон. Скажите, Нелли Александровна, какие у вас планы как у генерального директора «Свято» по освоению рынка услуг? Как вы рассчитываете все же удержаться на плаву?

ОЛЕЙНИКОВА. Задумок много. Заключаем договоры с предприятиями на обслуживание всех торжеств, которые они намерены провести. Мы хотим вести видеосъемку как для предприятий, так и для частных лиц. Теперь по декабрьскому постановлению 1988 года Совмина СССР «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом о кооперации в СССР» только мы можем это делать как госпредприятие, а кооператив теперь такой услуги — видеосъемки свадеб, например, — оказать не сможет. Мы будем проводить и народные, и пионерские, и молодежные торжества. Так что мы не только на свадебном обряде зациклились, как здесь пытаются представить фирму. Но вообще-то, я считаю, не соперничать мы должны с «Символом», а дружить.

ШИМАНОВИЧ. Дружбы, я считаю, у вас не получится. Разные цели, разные подходы... Скажем так, имей вы свободу маневрирования собственными доходами, то раньше кооператива пригласили бы инспекторов загса к себе в штат, оплачивая их труд по кооперативной шкале. Но вы не можете этого сделать, хотя и понимаете необходимость такого шага. Я лично отнюдь не идеализирую деятельность кооперативов — много еще у них недостатков. Иногда они торопятся побыстрее заработать. Любой ценой! Понять их, конечно, можно — отучили мы людей от деловой предприимчивости, не каждый кооператор верит, что ему позволят долго работать, что его не прикроют. Например, вам, чтобы выжить, надо развивать дополнительные услуги. Мы, городские власти, за это. Если считаете, что для оказания дополнительных услуг надо взаимодействовать с кооперативом — заключайте с ним договоры на создание новой атрибутики, новых обрядов. Если они вас где-то незаконно сажают, как говорится, в калошу, обращайтесь в прокуратуру. В этом и состоит официальная производственная конкуренция — действовать строго в рамках закона и следить, чтобы партнер действовал точно так же. А вы работаете по старинке и вечно ищите арбитров: нас обижают, заступитесь! Но вы же государственное предприятие! Защищайтесь советскими законами. У вас возможностей для расширения и роста куда больше, чем у кооператоров. Берите кредиты, ссуды, стройтесь, расширяйтесь. Покажите людям, на что вы способны. И люди пойдут к нам.

НЕДВИГА. А область? Это же целина для обрядовой фирмы. Идите в область.

ПОПОВ. Пока они раскачиваются, мы уже там будем. Проявляем большой интерес к сельским районам.

НЕДВИГА. Кооператив сегодня выгоден и жителям Одессы, и государству. А вы и в области, как выясняется, оказались неповоротливыми — Попов уже занимает там рынок. О каком выигрыше, о какой конкурентной борьбе можно при такой неуклюжести говорить?

МАРШАК. Мы можем сдать вам фирму в аренду. Со всеми помещениями, со всеми фондами...

ПОПОВ. И с отчислениями в бюджет, и с ее долгами?

МАРШАК. Разумеется... Но у нас есть условие. Впрочем, мы на нем уже спотыкались — арендуйте фирму со всеми ее объектами, но все работники «Свято» должны быть уверены в завтрашнем дне. Напомню, что это основа нашей социальной политики.

ШИМАНОВИЧ. Я скажу одно: централизация источников финансирования для укрепления материальной базы бюджетных организаций — далеко не благо. О материальной базе судов и юридических консультаций неудобно даже говорить — она ниже всяких критериев. Да и загсы до кооперативов бедствовали. Чтобы купить дверную ручку или замок на дверь, им нужно было писать заявку, добиваться, чтобы включили в смету. А смета составляется только на будущий год. Смешно, но это так. Вот когда горисполком утвердит смету, тогда и только в будущем году им выделят деньги на покупку замка или ручки.

НЕДВИГА. И опять же не за наличные. Только через банк, только по перечислению!

ШИМАНОВИЧ. Разумеется. Но не подумайте, что это все мытарства. Если упомянутая ручка или тот же замок стоит дороже 5 рублей, то ее надо планировать через централизованную систему материально-технического обеспечения. Проведут вначале по фондам, тогда только загсы получают замок или дверную ручку. А кооператив рассчитывается немедленно. Вот в чем преимущество. В гибкости финансового маневра. Очень приятно, что сегодня состоялся такой полезный разговор и кооператив «Символ», и фирма «Свято» сумели за «крутым столом» найти какие-то точки соприкосновения. Речь, как я понимаю, идет о будущем сотрудничестве. Что греха таить, переход на новую экономическую модель хозяйствования нелегко и непросто. Более того, он будет жесток к тем, кто отвык от инициативы и от деловой предприимчивости. Но иного пути нет. Теперь все текущие вопросы надо будет решать не за дискуссионным «круглым», а за столом служебным. Мы выяснили — поднять зарплату, повысить качество услуг и снизить цены можно, только убрав диктат монополиста. Это реальный и разумный путь в наших условиях. У потребителя должен быть выбор...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Очень радует, что все мы наконец поняли — без конкуренции нет развития. А доходы, которые раньше утаивались, которые шли мимо налогового пресса, должны оказаться под контролем государства. Это главное... Надеюсь, в скором времени здоровая конкуренция позволит не только снизить расходы молодоженов на свадьбу. Все обрядовые торжества станут еще красивее и поистине торжественными. Позвольте в заключение поблагодарить всех от имени читателей за интересный разговор.

ДОРОГА, КОТОРАЯ НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ

Русский Север — своеобразный, исторически сложившийся заповедник народной архитектуры. До наших дней здесь сохранилось около тысячи памятников. Но большинство из них теперь уже никого не радуют. Оставшиеся без присмотра, раскатынные на дрова, гниющие, они словно из глубины веков зывают к нашей совести.

А что же мы? Как относимся к своему прошлому? Бережем ли культуру предков? Что оставим потомкам?

Сегодня, как и много лет назад, остро стоит вопрос о сохранении древней Кимжи, села в Архангельской области и его главного памятника — Одигитриевской церкви.

На наших глазах гибнет выдающееся произведение русских зодчих: под его сводами гуляет ветер, крыша прогнила и течет. Необходимы срочные меры, чтобы сохранить весь Кимженский ансамбль. Речь идет не только о церкви, но и о самом селе. Ибо оно очень скоро может утратить свой исторический облик. Еще в 1978 году была тревога по этому поводу газета «Правда Севера». Шло время, а состояние памятника русского зодчества все ухудшалось.

В официальных ответах управления культуры Архоблисполкома от 3 апреля и 28 мая 1987 года говорилось, что разработан план конкретных работ по сохранению этого уникального строения, а совхоз «Дорогорский» взял шефство над памятником архитектуры, что определен объем первоочередных ремонтно-консервационных работ на лето 1987 года, которые «будут вестись силами местной общественности и квалифицированными мастерами-плотниками». Но вот прошли уже 1987-й, 1988 годы, на исходе 1989 год, но никто к ремонту Одигитриевской церкви так и не приступал.

Пример с Мезенской церковью отнюдь не единственный. В аварийном состоянии находятся сотни памятников деревянного зодчества в Архангельской области. За последние годы около двадцати из них безвозвратно утрачены, многие на грани гибели. В 1985—1986 годах сгорели культовый ансамбль в Нижмозере на побережье Белого моря, церковь в селе Сельцо Холмогорского района. Эта же участь постигла ансамбль в деревне Макарьино на Онеге,

церковь Двенадцати апостолов в Пиренеми на Пинеге. Все памятники находились под государственной охраной. Но никто за случившееся наказания не понес.

Уничтожение памятников вовсе не случайность, а укоренившаяся безответственность людей. Так, с разрешения председателя исполкома Первогорского сельского Совета Красноборского района А. Пиликина в 1987 году была разобрана на дрова деревянная Никольская церковь XVIII века. Выходит, что памятники не только не охраняются, но даже уничтожаются именно теми людьми, кто обязан охранять их по долгу службы.

А что же закон? Закон на этот счет бездействует. По признанию самих юристов, статья 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры) мертва. Нельзя привести ни одного случая ее применения.

С 1977 года в СССР действует Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, статья 31 которого гласит: «Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования, учета и реставрации памятников истории и культуры, нарушения режима зон их охраны, а также в других нарушениях законодательства об охране и использовании памятников, несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик». Однако все это только на бумаге.

Неподалеку от Архангельска в древнем поморском селе Концеворье сохранились шатровая Никольская церковь и колокольная. Ранее эта церковь стояла в Архангельске до 1769 года, затем была куплена концеворскими крестьянами и перевезена в село. В сущности, здесь сохранилась древнейшая и единственная деревянная церковь Архангельска того времени, когда весь город был деревянным. До недавнего времени церковь арендовал совхоз «Северодвинский» и использовал под склад. Следы варварского отношения к памятнику видны невооруженным взглядом: кровля прогнила, покрытие алтарного прируба напоминает решето.

Не надеясь больше на официальные органы, памятники старины взяли под свою защиту энтузиасты. Седьмой год студенческий строительный отряд «Атеист» Архангельского педагогического института ведет консервационные работы памятников Кенозера. Бойцы отряда и архитекторы московского института «Спецпроектреставрация» не дали погибнуть 15 памятникам деревянного зодчества. Северодвинский самостоятельный клуб реставраторов принял участие в реставрационных работах на памятниках архитектуры в окрестностях города. Свои отпуска потратили на ремонт церкви XVIII века в деревне Чолмохта на Двине активисты ВООПиК — москвичи и свердловчане.

Но тревожит то, что спасением памятников занимаются приезжие люди. Северяне же, судя по всему, решили ограничиться наблюдательной позицией.

И почему-то никто не хочет понять, что одним энтузиазмом студентов и добровольцев памятников русской культуры не спасти. Нужно, чтобы судьба памятников находилась в одних руках, причем заниматься их сохранностью, реставрацией должны профессионалы. Для этого, думается, необходимо создать специальный Государственный комитет по охране, реставрации и использованию па-

мятников, как это сделано в Грузии. Там в 1982 году при Совете Министров республики было создано, пока единственное в нашей стране, Главное научно-производственное управление по охране и использованию памятников истории, культуры и природы. С тех пор в Грузии не зафиксировано ни одного случая порчи или надругательства над памятниками.

Памятник — от слова «память». Равнодушие к своим историческим корням, к памяти человеческой не проходит бесследно. Оно отражается на судьбах нового поколения, которое расплачивается за это незнанием истории своего края, села, семьи. Нить памяти сама собой не продлится. Испокон веков народ сам берег и передавал ее будущим поколениям.

Великие умы всех времен и народов недаром повторяли мысль о том, что у народа, который не бережет своего прошлого, нет будущего.

А. ПЕРМИЛОВСКАЯ,
старший научный сотрудник
Архангельского государственного музея
деревянного зодчества и народного искусства

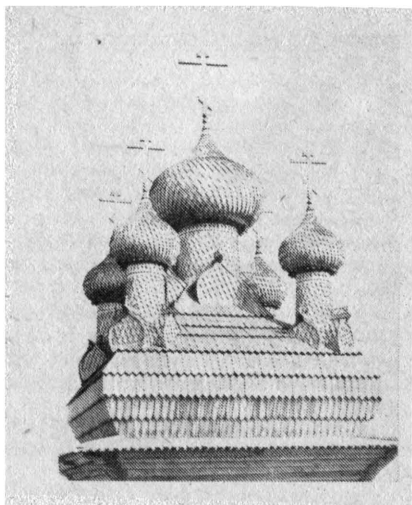

Не только северные ветры, дожди, вьюги, но и холодное равнодушие рушат памятники российской архитектуры. Эти гибнущие церкви — немой укор современникам, утратившим национальное самосознание.

ЗАКОН, СПАСИ КУЛЬТУРУ!

КОММЕНТАРИЙ

В своем письме в редакцию журнала А. Пермиловская обращает внимание на актуальные проблемы, связанные с сохранением самого хрупкого вида историко-культурного наследия — памятников деревянного зодчества. Так что же делается для решения этих проблем? Может быть, ничего? Отнюдь. Только все, что предпринимается, остается, как правило, на бумаге. К сожалению, это стало системой, об этом много говорят, и потому не стану вдаваться в подробности. Позволю привести лишь один пример.

Еще в 1978 году на пленуме Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры обсуждались проблемы сохранения историко-культурного наследия, расположенного в сельской местности Российской Федерации. Последующее расширенное заседание президиума Центрального совета конкретизировало его решения применительно к Русскому Северу, четко сформулировав триединую задачу: исследование — сохранение — использование. Для ее выполнения наместили конкретные спасительные для памятников и выгодные для государства мероприятия.

И что же? В Карельской АССР из 202 охраняемых государством памятников деревянного зодчества (без учета объектов музея-заповедника «Кижж») лишь 18 приведены в удовлетворительное состояние. В Вологодской области только из-за отсутствия своевременного ремонта погибли 14 памятников и еще 125 находятся в аварийном состоянии (из 198, стоящих под государственной охраной). В Архангельской области из 547, взятых на учет, не считая привезенных в музей «Малые Корелы», отстранированы 33 объекта.

В чем же причина такого положения? В первую очередь — в ведомственной подчиненности реставрационных организаций Министерству культуры РСФСР, которое оказалось неспособным решать стратегические задачи в этой области. К этому можно добавить, что экономическая структура реставрационных подразделений, включая систему материального стимулирования производственного персонала, ориентирована на выполнение плана по валу, а не на достижение позитивного конечного результата — максимального сохранения архитектурного наследия.

Я могла бы перечислить целый ряд причин, не позволяющих эффективно решить вопрос сохранности памятников старины. Но сегодня мне хотелось бы затронуть тему совершенно конкретную. Речь идет о правовой защищенности нашей культуры. Закон обязан спасти ее. Мне могут возразить — разве нет у нас закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры? Есть, так же как есть Положение с точно таким же названием, утвержденное Советом Министров СССР. Есть и «Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры».

Однако все это не более чем грамотно составленные бумажки. Ибо действующее сегодня законодательство не предусматривает ответственности реставрационных организаций и отдельных реставраторов за некачественное выполнение работ, землеустроителей — за незаконный отвод участков в зонах охраны памятников, в заповедных зонах для хозяйственной деятельности или нового строительства. Не определено наказание за разрушение памятников градостроительства — исторических центров древних городов, кремлей, кварталов, площадей, улиц, древней планировочной структуры и исторической рядовой застройки городов и других населенных мест.

Число охраняемых объектов должны пополнить ранее не включенные в законодательство такие виды историко-культурного наследия, как монетные и ценные вещевые клады, исторические топонимы, некрополи (в качестве охраняемых территорий), памятники истории науки и техники.

При корректировке законодательства в соответствующих статьях Законов СССР и союзных республик необходимо исключить позицию о сносе памятников истории и культуры. В настоящее время, когда многие ценные объекты перестали существовать, эта позиция может привести к невозможным утратам историко-культурного наследия. Существенный вопрос, который должен найти отражение в законодательстве, — это усовершенствование условий арендных отношений. Представляется целесообразным предусмотреть меры, стимулирующие арендаторов к образцовому содержанию недвижимых объектов, а также дать определенную свободу местным органам охраны памятников в установлении размера арендной платы в зависимости от конкретной ситуации.

Большое значение имеет оценка стоимости недвижимых памятников. Балансовая стоимость памятника устанавливалась в зависимости от материала, в котором он выполнен, и амортизации. Таким образом, чем древнее сооружение, тем дешевле его балансовая стоимость. Поэтому так важно оперативно ввести в действие разработанный Министерством культуры РСФСР критерий оценки недвижимых памятников в рублях, в основу которого положена историко-культурная значимость объектов. Этот критерий позволяет конкретизировать меру ответственности за нанесенный памятникам архитектуры ущерб или за их разрушение, определить сумму, необходимую для восстановления объекта за счет виновных: конкретных лиц и организаций. Кроме того, данный критерий создает реальные условия для применения к нарушителям статьи 98 Уголовного кодекса РСФСР об умышленном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества. Очевидно, юристы должны ответить на вопрос, возможно ли привлечение

к ответственности за разрушение недвижимых памятников по совокупности статей 230 (умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры) и 98 Уголовного кодекса РСФСР. Статья о материальной ответственности за безответственное отношение к памятникам истории и культуры должна быть включена и в Гражданский кодекс.

Требуется также ужесточение статей законодательства СССР и союзных республик, в которых говорится о вывозе памятников истории и культуры за пределы страны.

В то же время представляется целесообразным исключить из Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры статью 11 — о создании комиссий содействия охране памятников при исполкомах. Комиссии показали свою несостоятельность и фактически самоликвидировались. Реанимировать их не имеет смысла, так как они не отражают мнения общественности, поскольку формировались бюрократическими методами. Текст статьи 11 можно и нужно заменить нормой, разъясняющей задачи и закрепляющей права общественных инспекций по охране памятников истории и культуры.

Актуальным является расширение прав общественных организаций в связи с повышением роли общественных организаций во всех сферах деятельности. Республиканским обществам охраны памятников необходимо предоставить паритетные с государственными органами, а в некоторых случаях и приоритетные права. Это относится к постановке на учет и утверждению списков объектов, подлежащих охране, к приостановке всех видов работ, способных причинить ущерб историко-культурному наследию, к утверждению историко-архитектурных опорных планов, проектов зон охраны памятников, проектов детальной планировки и застройки исторических городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры, а также относится к контролю за качеством ремонтно-реставрационных и консервационных работ.

18 января 1985 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в нарушение принципов демократии, без предварительного уведомления Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, была изменена формулировка статьи 35 Закона Российской Федерации. Общество исключалось из числа организаций, по согласованию с которыми разрешается производство земляных, строительных и других работ, а также хозяйственная деятельность в пределах зон охраны памятников истории и культуры. Таким образом, отделения Общества были лишены возможности непосредственного практического участия в сохранении историко-культурного наследия. Статье 35 не только должна быть возвращена прежняя формулировка, но ее необходимо усилить, предоставив отделениям Общества право доводить решение о приостановке работ до учреждений банка, финансирующих эти работы.

При корректировке целесообразно разграничить функции общественных организаций в сохранении, реставрации, использовании историко-культурного наследия. Основной сферой деятельности Всероссийского общества охраны памятников со дня его основания являлось сохранение, финансирование реставрационных работ, решение вопросов использования недвижимых объектов — памятников зодчества, архитектурных ансамблей, градостроительных комплексов, мемориальных зданий, памятников истории (в том числе архео-

логических), памятных мест, садово-парковых ансамблей, музеев-заповедников.

Движимые памятники истории и культуры — произведения искусства, литературы, документальные памятники, к которым относятся письменные и графические документы, кино-, фотодокументы, звукозаписи, фольклорное песенное и музыкальное наследие, печатные издания, — законодательно не закреплены за общественными организациями. Эти виды историко-культурного наследия — источники пополнения фондов архивов, музеев, библиотек, других научных и культурно-просветительных учреждений. Думается, общественное участие в их выявлении, учете, сохранении, передаче на госхранение, финансировании работ по реставрации целесообразно осуществлять Советскому Фонду культуры и его отделениям.

Требуют законодательной разработки взаимоотношения государства и коллекционеров. В приобретении государственными учреждениями культуры частных коллекций и отдельных произведений искусства большую помощь может оказать Фонд. Не секрет, что библиотеки, архивы, музеи не имеют достаточных средств для покупки ценных движимых памятников. Законодательное закрепление прав и обязанностей Фонда по выявлению, учету, хранению, финансированию, реставрации, приобретению и передаче музеям, библиотекам, архивам движимых памятников не только будет способствовать формированию новых и развитию существующих культурных центров, но и решению важной общенародной задачи по социально-экономическому развитию отдельных территорий, городов, сельских населенных пунктов.

Хотелось бы сказать, что проблемы, поставленные в письме А. Пермиловской, характерны для всех видов недвижимых памятников. Для их решения представляется необходимым разделить контрольно-инспекционные функции государственных организаций в области охраны историко-культурного наследия и их функции по производству ремонтно-реставрационных работ, приспособлению недвижимых памятников.

Контроль за соблюдением законодательства, арендных обязательств, качеством реставрации, правильным использованием недвижимых памятников, а также обеспечение их учета, постановки на госохрану надо возложить на независимую Государственную инспекцию по охране и использованию памятников истории и культуры, предусмотрев создание аналогичных инспекций в союзных и автономных республиках, краях, областях, городах. Думается, что Государственные инспекции должны иметь вертикальное подчинение. Им передаются все права, закрепленные законодательными документами за госорганами в области охраны и использования памятников культуры и истории.

В целях внедрения и разработки научных методов защиты недвижимых памятников представляется целесообразным создать специальную постоянно действующую комиссию при Президиуме Академии наук СССР. В этом мне видятся необходимые пути для сохранения нашего великого культурного наследия.

Л. ВОЛКОНСКАЯ,
консультант Всероссийского общества
охраны памятников и культуры

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

Шестьдесят пять лет назад вся Европа была наводнена поддельными банкнотами в 5, 10 и 50 фунтов стерлингов, сфабрикованными очень искусно. Германская, австрийская и французская сыскные полиции объединились для поимки фальшивомонетчиков. Не сразу, но все же удалось арестовать нескольких распространителей фальшивых банкнот, мелкую рыбешку, сами же «фабриканты» казались неуловимыми. Сбытчики фальшивок твердили, что получали банкноты от неизвестного им высокого молодого иностранца по имени Артур. Найти его, несмотря на все старания, не удалось.

Только в конце 1924 года в Париже в одном из лучших отелей был арестован австриец Луи Экштейн, уплативший по счету 50-фунтовой фальшивой банкнотой. В его номере сыщики устроили засаду и задержали пришедшего под вечер Артура Фишера, уроженца Чехословакии. Как выяснилось, он и был тем высоким молодым иностранцем. При обыске у него на квартире полиция обнаружила ключ к очень сложному шифру, которым было написано письмо Этьену Ибрази в Берлин, к счастью, не отправленное консьержкой.

О задержании фальшивомонетчиков и об адресе Ибрази из Парижа дали радиogramму берлинской полиции. Отряд сыщиков тут же нагрянул в дом Ибрази в пригороде Берлина. Там они нашли только мощную радиостанцию и клетку с двадцатью почтовыми голубями. Этьена арестовали, а на приемник радиостанции посадили агента сыскной полиции. Ночью приемник пропищал знаки того же шифра, каким было написано письмо к хозяину дома. После расшифровки выяснилось, что пришла радиogramма следующего содержания: «Почему до сих пор не сообщаете количество и кто будет брать?» Не получив ответа, радио замолчало.

Утром, выполняя приказ начальника, инспектор сыскной полиции выпустил из клетки самого крупного почтового голубя, за которым тотчас поехал скоростной автомобиль. Голубь прилетел к уединенному особняку на окраине Потсдама. Усадьбу оцепили. В особняке жил венгерский подданный инженер Немет. Хотя обыск у него продолжался 22 часа, опять обнаружили только радиостанцию да нескольких почтовых голубей. Правда, под домом располагались ангар с двумя спортивными аэропланами и гараж с пятью гоночными автомобилями. Но никакими фальшивых фунтов стерлингов, никакого оборудования для их массовой фабрикации!

На допросе Немет держался уверенно, не как преступник, а как представитель одного из австрийских металлообрабатывающих заводов. Ничего о фальшивых деньгах он, конечно же, не знал. Тем не менее его арестовали. В его особняке через несколько дней учинили еще более тщательный обыск, который, увы, не дал ожидаемых результатов. Было отчего прийти в отчаяние!

Видимо, находясь в тисках этого чувства, полицейский комиссар приказал снести дом Немета. За два дня двухэтажное деревянное здание, состоявшее из десяти просторных жилых комнат, было разобрано по бревнышку, по досточке. И только тогда под полом темного углового чулана удалось обнаружить потайной бето́ниро-

ванный ход со стальной дверью, приводимой в действие электромотором.

Вооружившись мощными фонарями, сыщики осторожно двинулись по неширокой галерее, прорытой на глубине 10 метров от поверхности земли. Ход, постепенно сужаясь, тянулся на 275 метров и заканчивался настоящей подземной фабрикой фальшивых денег. Оборудована она была по последнему слову техники. В ней стояло три высокопроизводительных печатных станка английского производства, склад бумаги в углу позволял им работать еще не один год. К этому следует добавить, что воздух в подземелье нагнетала особая система насосов. Дышалось в нем так же легко, как и на поверхности. Директор и весь обслуживающий персонал фабрики соединялись в лице венгерского инженера Шеллингера. При фабрике была малюсенькая бетонная комната, в которой он жил.

На допросе Шеллингер заявил, что свое жилище он не покидал уже два года. За это время он изготовил фальшивых фунтов стерлингов на сумму более миллиона. Готовую продукцию раз в неделю забирал Немет, он же приносил пищу и вино. Согласно уговору, весной их с Неметом должны были сменить Артур Фишер и Этьен Ибрази.

Так полицией была «накрыта» вся шайка фальшивомонетчиков, хорошо законспирированная и отлично оснащенная. Дело слушалось в Берлинском суде и было одним из самых сенсационных в 1925 году.

Е. ИЩЕНКО

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

О нарушении правил торговли при продаже дефицитных товаров по заказам промышленных предприятий в г. Рыбинске Ярославской области написала в редакцию И. Паршина. Проверкой читательского письма занималось управление торговли облисполкома совместно с Рыбинским горисполкомом.

В магазине № 2 объединения «Продтовары» действительно имели место нарушения. Р. Сорокиной, и. о. директора магазина, приказом по объединению объявлен выговор. Магазин лишен права комплектовать наборы продовольственных товаров по заказам предприятий. Руководство объединения «Продтовары» строго предупреждено об ответственности за невыполнение приказа областного управления торговли «О временном порядке продажи дефицитных товаров».

КАПЛЯ ЯДА

ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ИСКАТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ах, любовь, любовь... Что за чувство! Сколько неизведанного таит в себе одна лишь мысль о ее возможном приближении. Уж столько о любви говорено-переговорено, рассказано-пересказано, столько песен спето... А число жертв, павших на амурном поприще, не уменьшается. Без разбора метит своих избранных неутомимый озорник Купидон. Где только стрелы берет в прагматичный двадцатый век? Видимо, на эту сферу проблема дефицита не распространяется.

Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо — так, по всей вероятности, рассуждал гражданин Н., сидя в одном из престижных московских ресторанов. В столицу он прибыл с командировочной миссией и теперь, отдыхая от забот праведных, то и дело улавливал исходящие от соседнего столика позывные, которые, вне сомнения, адресовались только ему. Там восседала прелестница, вступившая недавно в свое совершеннолетие. Она-то и излучала искрометные, завораживающие взгляды. Правда, рядом находились двое парней, но у них, судя по всему, шансов не было никаких...

До чего причудливы повороты судьбы! Разве ж узнаешь, что она преподнесет тебе в следующую минуту? Отправляясь в Москву, гражданин Н., наверное, вряд ли рассчитывал встретиться здесь с гражданкой А. Это его величество случай свел их, доселе незнакомых, под одной крышей. И осенил эту встречу ореолом любви... с первого взгляда.

Конечно, командированный Ромео не мог знать, что за «плечами» у молодежи уже были две погашенные судимости и что она не случайно оказалась в ресторанном зале, также не случайно подошла к нему в фойе, когда он вышел покурить. Там-то и завязался их первый разговор. А раз не знал, то какой с человека спрос? Да и разве о прошлом говорят двое, стоящих на пороге любви? Безусловно, нет. Тогда о чем, все-таки? Может быть, о том, что где-то, за тысячи километров от столицы, гражданина Н. ждут не дождутся

жена и двое детей? Ну, это уж совсем ни к чему... Надо полагать, в такие минуты влюбленные говорят о чем-то главном, существенном. О смысле жизни, например. А улыбка незнакомки ясно давала понять, что смысл этот вот он, рядом.

От подарка, посланного судьбой, отказываться невыносимо трудно. Особенно, когда он вот так, сам плывет в руки. Не зря же иные «мудрецы» проповедают: жизнь наша, дескать, игра, и каждый, кто хочет в ней выиграть, должен вовремя метнуть козырную карту. Какая же игра без риска? Кто не рискует, как известно, шампанского не пьет...

Впрочем, не будем утверждать, в какой последовательности развивался непроизнесенный монолог новообращенного Ромео. Не станем также предполагать, что думала восседавшая за соседним столиком новоиспеченная Джульетта. Красавица само-собой. Спортсменка. Правда, еще не студентка, но учащаяся одного из московских ПТУ.

После непродолжительного разговора каждый из участников события вернулся на свое место. Что же тогда получается? — вправе спросить читатель. Случайно встретились, случайно разошлись? Этого героиня описываемой истории допустить никак не могла. И потому, увидев, что гражданин Н. намеревается окончательно покинуть зал, она, презрев разные джюльеттины условности (О, Шекспир!), бросилась за любимым вдогонку.

Ну как не оценить подвига, столь редкостного для прекрасной половины человечества! Не каждая на такое решится. А какой настоящий мужчина, если он действительно соответствует этому званию, пройдет мимо? И, воздав должное стойкости и решимости Джульетты в трудных житейских ситуациях, Ромео... предложил ей последовать в свой гостиничный номер.

Его галантности не было предела. Не останавливало ни позднее время — начало двенадцатого ночи, ни краткое знакомство со своей ненаглядной. Стоит ли задумываться о мелочах, когда нужно сказать так много? Друг другу. Наедине. За шампанским... Короче говоря, гражданина Н. сомнения не обуревали. Каждый клеточкой своего существа ощущал он исключительность предстоящего, понимал, что отныне его судьба в настоящих руках.

Не было сомнений и у гражданки А. Напротив, ее уверенность возросла, когда, войдя в номер, она увидела на столе початую бутылку коньяка. Вскоре «джентльмен» вынужден был покинуть свою даму. Не надо его осуждать. Отлучился человек по обычной надобности — руки помыть, с кем не бывает. Даму свою просил не скучать, пока его минуту или две не будет рядом. Она и не скучала. Очарованная обаянием своего обретенного возлюбленного и, видимо, пожелавшая привязать его к себе навсегда, она вытащила из сумочки... «приворотное зелье» — лекарственный препарат в растворе и... капнула в стакан с коньяком. Чего не сделаешь для любимого!

Вскоре, ничего не подозревая, возвратился и он. Окрыленный предстоящим неземным блаженством, и, уступив просьбам столь прелестного создания, посланного судьбой, он произнес тост. За здоровье! Хорошо, не вышло за упокой.

Что происходило дальше, наш Ромео помнить уже не мог — заснул «богатырским» сном. Ну не обидно ли? А так все замечательно складывалось! Джульетта разгневалась. Ее самолюбие было нанесено сокрушительный удар. Тоже мне Ромео... Вместо райских

куш впал в бессознательное состояние. И потому, чтоб наказать, видимо, своего обидчика, гражданка А. собрала, не долго думая, его вещички (стоимостью свыше двух тысяч рублей) и была такова. А заодно и прихватила остатки коньяка. Верно для того, чтоб не смог оскорбитель женского достоинства залить свое горе, когда проснется.

Испокон веков бытует в народе поговорка: милые бранятся, только тешатся. Но гражданка А. не тешилась — она потешалась. Так, во всяком случае, утверждала позже. Не все, однако, смогли оценить ее шутку в должной мере. Решительный протест, например, она вызвала у сотрудников гостиничного комплекса. С недоумением взирали они на прелестное дитя, бродящее в одиночестве по коридорам, обремененное к тому же тяжелыми сумками. И это в то время, когда кавалер, вместо того чтоб проводить свою даму, преспойкой отдыхает в номере. Непорядок! И возмущенная столь пренебрежительным отношением к женщине, администрация гостиницы совместно с представителями правоохранительных органов решила высказать свои претензии гражданину Н. А заодно и выяснить, все ли вещи в целости.

Ох уж эти выяснения... Только начинаешь расследовать, сопоставлять, увязывать в цепочку ход событий, загадок возникает еще больше. А в этой истории их оказалось предостаточно. Невыясненными, например, остались две личности, равшиеся в полночь в гостиницу, причём именно в тот номер, где проживал пресловутый гражданин Н. С пеной у рта убеждали они швейцара, что в этом номере их непременно ждут в гости. (Уж не те ли двое молодцов, что сидели с Джульеттой за ресторанным столиком без шансов на успех?) Вполне естественно, учитывая позднее время, строгий блюститель порядка не пустил ночных пришельцев. Не меньшая странность произошла и с «приворотным зельем». Проведенная позже экспертиза не обнаружила его следов в стаканах, из которых выпивали злополучные «влюбленные». Не были обнаружены следы «зелья», как, впрочем, и следы алкоголя, в организме потерпевшего. Казалось бы, факт налицо, и гражданка А. ни в чем другом, кроме ограбления своего Ромео, замешана не была. Но нет ничего тайного, что бы не стало явным, — вмешалась наука.

Состав лекарственного препарата, используемый на своем амурном поприще гражданкой А., а также его приблизительная доза, насильственно введенная в организм простодушного гражданина Н., были определены врачами Института имени Склифософского, куда на следующий день попал пострадавший ввиду своего плохого самочувствия. Выводы эти были полностью подтверждены медицинской и химической экспертизами.

До чего же банальны и скучны все эти истории! — воскликнет иной читатель. И будет прав. Сюжет этот стар как мир. Да и какая может быть новизна в том, что один предприимчивый человек, не больно-то совестливый, решил «пожизниться» за счет другого, более простодушного. И это ему удастся. Правда, впоследствии первого настигает «меч правосудия», но это потом. А поначалу, пускаясь в подобное предприятие, преступник, как правило, рассчитывает на обратный, более выгодный для себя результат. И, что греха таить, порой этот номер проходит. Ну, а логика рассуждений этих инициаторов преступлений проста и незамысловата: чем не средство наживы — доверчивость и непредусмотрительность иных людей? Тоже промысел!

Еще в Древнем Риме ученые мужи предупреждали об этом своих сограждан. Одним из важных жизненных постулатов у них был следующий: «Что бы ты ни делал, делай разумно, предусматривая результат». Логично, не правда ли? Казалось бы, столь мудрая истина должна была прочно укорениться в сознании потомков. Но жизнь зачастую подтверждает обратное: проблема «ловцов удачи» и их легкомысленных жертв продолжает стоять на повестке дня до сих пор. И надо бы пожалеть страдальцев, попавшихся на такой «крючок», но... Вспомним древнее изречение: «Исход дела — наставник неразумных». А если попроще — только глупцы не могут заранее предвидеть, чем окончится та или иная история.

Хочется верить, что гражданин Н. вряд ли теперь когда-нибудь будет искать приключений. Обжегшись на молоке, станет дуть на воду. Но не в этом главное... хотя, если еще одним предусмотрительным гражданином в нашем обществе станет больше, тоже неплохо. Однако пусть читатель не судит слишком строго автора этих строк за банальность избранного сюжета. Причина его интереса к возникшей ситуации кроется в другом. В том злополучном «зелье», которым оперируют преступники. А кривая криминальных отравлений, даже судя по прессе, стремительно ползет вверх. Этот рост связан не только с тем, что используемый лекарственный препарат не имеет цвета, запаха и вкуса, а следовательно, весьма «удобен» для использования преступниками, но еще и тем, что диагностика его крайне сложна. К сожалению, присутствие яда в организме человека может заподозрить только медик, специализирующийся в лечении подобных патологий. В Москве это врачи Центра токсикологии Института имени Склифосовского, куда доставляют пострадавших. Сложности при выявлении того или иного психотропного препарата в организме пострадавшего приводят иной раз к спорным ситуациям. Не будем забывать о презумпции невиновности, о том, что чаша весов Фемиды в спорных случаях клонится в пользу подсудимого. В данной истории она склонилась в сторону гражданки А. Каким образом? Преступление, совершенное подсудимой А., квалифицировано было как разбой (на этой формулировке настаивало следствие, эта точка зрения была подтверждена данными, полученными во время судебных заседаний). Статья 146 УК РСФСР квалифицирует разбой как нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия. Подобные действия наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Гражданка А. была осуждена по части 1 статьи 146 УК РСФСР на шесть лет лишения свободы с конфискацией имущества и отбыванием наказания в колонии общего режима.

Московский городской суд изменил вынесенный районным народным судом приговор, назначив подсудимой срок лишения свободы в пять лет.

Помню последнее слово подсудимой. Она каялась, как утверждала, чистосердечно. Говорила, что, отправляясь из родного города в Москву, собиралась жить совсем иначе. Хотела учиться, заниматься спортом (она действительно мастер спорта по баскетболу). То, что произошло, назвала нелепым случаем. Вряд ли с ней можно согласиться. Случайность, как нередко бывает, оказалась заданной закономерностью. В варианте гражданки А. заданность можно искать в ее прошлом: отец алкоголик, неустроенная семья, две по-

гашенные судимости, из которых девушка не сделала выводов,— в профтехучилище учиться не желала, к изучаемым предметам относилась формально, на занятиях присутствовала редко... Случившееся для нее стало просто-напросто историей еще одного похождения, окончившегося столь печально. Тот же вывод можно сделать и в отношении гражданина Н. Будь пострадавший разборчивей в своих связях, не появилось бы столько хлопот ни у сотруddников гостиницы, ни у врачей, ни у правоохранительных органов. Да и сам гражданин Н. не балансировал бы на грани жизни и смерти. Но, как говорится, что посеешь, то и пожнешь!

С. УРАЗОВА,
народный заседатель Свердловского
районного народного суда г. Москвы

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

На сегодняшний день проблема криминальных отравлений стоит весьма остро. Подобные случаи существуют во всех крупных городах. Это, естественно, не может не беспокоить нас, медиков, которым приходится оказывать помощь пострадавшим, спасать их от смерти.

Чем опасен насильственно введенный психотропный препарат, особенно в соединении с алкоголем? Степенью его воздействия на организм человека. Жертва теряет сознание, а это очень серьезная травма. Даже раненый, но не потерявший сознания человек сам может оказать первую помощь. Например, прижать рану, сделать первую перевязку, наконец, просто крикнуть о помощи. При криминальном отравлении такое невозможно. И жертва, потерявшая сознание через непродолжительное время после введения препарата, остается брошенной на произвол судьбы. А прохожие чаще всего видят в потерпевшем лишь общие признаки опьянения.

При малой дозе действие психотропного препарата непродолжительно. Но это относится только к потере сознания. Спустя некоторое время человек приходит в себя, но наличие препарата в организме продолжает действовать на сердечно-сосудистую систему. Это проявляется в низком артериальном давлении, нарушении ритма сердечной деятельности, редком пульсе. Наблюдается также большая физическая слабость. Все это продолжается несколько дней.

Воспользовавшись случаем, скажу несколько слов о диагностике криминальных отравлений. К сожалению, медики пока не обладают той уникальной и сверхчувствительной аппаратурой, которая с максимальной точностью может выявить даже тысячные доли миллиграмма препарата. Эта аппаратура слишком дорого стоит. Грустно признавать, но ею не владеет даже столичный Центр токсикологии, не говоря уже о периферийных центрах, открытых во всех городах страны с населением не менее полмиллиона человек. И здесь преступникам нельзя отказать в грамотности и знании ситуации. А для хорошего адвоката спорный вопрос, не подтвержденный абсолютно точными показателями, весьма надежный, как я понимаю, вариант для защиты подсудимого. И все же, думается, можно с уверенностью говорить о наличии препарата в организме пострадавшего.

Практика показывает: клиническая симптоматика при таких случаях настолько типична, что сомнений быть не может. К тому же спор могли бы вызвать единичные случаи. Если же происходит 600—700 случаев в год, то картина, на мой взгляд, становится вполне ясной. Известная триада — остро и быстро проходящее расстройство сознания, редкий пульс и гипотония — настолько показательна, что можно достаточно точно судить о воздействии психотропного препарата на организм человека.

Допускаю, что у читателей может возникнуть вопрос: не запретить ли производство этих лекарственных препаратов, если их используют в преступных целях? Мне кажется, не следует принимать таких жестких мер. Ведь нельзя же запретить все веревки в России — об этом говорил еще известный русский юрист Кони. Кроме того, упомянутые препараты, не будем забывать, имеют важные целебные свойства. Я считаю, в ситуациях, подобных описанному выше случаю, юристам надо внимательнее прислушиваться к медицинской науке. Мы, медики, по традиции будем оказывать нашим правоохранительным органам самую активную помощь.

Е. ЛУЖНИКОВ,
профессор,
заведующий кафедрой клинической токсикологии
института имени Склифосовского

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

НИ К ЧЕМУ НАМ «ПЕРЕГИБЫ»

О борьбе с пьянством много писали все периодические издания. И вы в том числе. Сегодня нет необходимости доказывать, что из нашей «кавалерийской» атаки ничего хорошего не вышло — проблема остается. Об этом говорят много и не только в печати, тревога прозвучала также в выступлениях народных депутатов на Съезде. Я же хочу сказать о другом...

Работая юрисконсультom на разных предприятиях, мне приходилось сталкиваться с тем, как администрация использовала кампанию по борьбе с пьянством и алкоголизмом (а это, будем откровенны, выродилось в итоге, на мой взгляд, в зауряднейшую кампанию) для того, чтобы иметь возможность обращаться с законом очень вольно. Например, администрации предприятия ничего не стоит уволить с работы человека из личных побуждений какого-либо должностного лица. Ничего не стоит, скажем, заявить, что работник такой-то явился на работу в нетрезвом состоянии. А где же доказательства, соответствующая документация? Увы, нередко еще бывает, что составить акт, который с готовностью подпишут «верные люди», не составляет труда. Кто-то откровенно идет на такой грязный поступок, кто-то трусит, не хочет портить отношений с руководством, кому-то не хватает принципиальности. Вот и уволен человек за пьянку, по инициативе администрации. И оклеветан к тому же.

Не могу примириться с тем, что у администрации есть такие «резервы». Считаю, компетентным органам надо подумать над тем, чтобы произвести соответствующие изменения в нормативных актах, дабы исключить всякого рода искажения, злоупотребления законом. Ведь чаще всего человеку не дают возможности обратиться к врачу, который или подтвердит ту или иную степень алкогольного опьянения или же, наоборот, укажет администрации на ошибку (назовем это так), Врачей необходимо обязать, чтоб они не были вправе отказать от проверки по просьбе заявителя. А такое еще бывает... Справка должна быть выдана с указанием в ней даты, точного времени — до минут.

Гражданин, которого обвиняют в пьянстве, должен быть поставлен в известность, что в отношении его составлен (или будет составлен) акт. Объявить об этом надо под расписку — в отделе, в бригаде, в присутствии свидетелей. Отказывается подписать? Это также надо задокументировать, скрепить подписями нескольких сотрудников. И не надо подобные действия считать бумаготворчеством, бюрократизмом, ибо речь идет о человеческой судьбе. Тем более, не исключено, что справка врача может войти в откровенное противоречие с упомянутым выше актом. Ведь в случаях, о которых мы ведем речь, гражданин скорее всего обратится с иском в народный суд, и документы эти будут иметь немаловажное значение для беспристрастного, объективного рассмотрения дела, пресечения незаконных действий всякого рода любителей волевых решений. Напомню, что статья 215 КЗоТ РСФСР (аналогичные статьи есть в КЗоТ других союзных республик) «Возложение материальной ответственности на должностное лицо, виновное в незаконном увольнении и переводе» гласит: «Суд возлагает на должностное лицо, виновное в незаконном увольнении или переводе работника на другую работу, обязанность возместить ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации в связи с оплатой за время вынужденного прогула или за время выполнения нижеоплачиваемой работы». Согласитесь, справедлив закон, но почему он так плохо работает? Ни для кого не секрет, что на практике деньги, которые выплачиваются за вынужденный прогул незаконно уволенному человеку, выплачивает предприятие, а не распоясавшийся администратор. И я считаю, что прокуратура в этом вопросе явно недорабатывает — здесь необходим жесткий контроль.

Нельзя допускать вольного обращения с законом. Даже под предлогом борьбы с таким страшным социальным злом, как пьянство. И пора бы нам перестать манипулировать дипломатично словом «перегибы» — ни к чему они нам. Если же нарушен закон, то вещи надо называть своими именами.

А. БОРИСОВ,
юрист

г. РЯЗАНЬ

ПОВЕСТЬ*

К следующей ночи О'Брайен подготовился, стараясь ничего не упустить из вида: два запасных колеса, полный бак и канистра, свечи, таблетки, чтобы не клевать носом за рулем, деньги, инструмент... Эту ночь и следующую он прождал напрасно и уже подумал, что в третий раз ехать бессмысленно, не зная, по какому расписанию вывозят сырье.

В третий раз Стиву повезло. Все получилось проще. Казалось, машины, выехавшие из стен Игрек-11, спешили, а в прошлый раз едва тащились, стрелка спидометра подпирала риску пятьдесят миль.

После моста через реку колонна снизила скорость, прижалась вправо и застыла на залитой асфальтом площадке, причмыкающей прямо к дороге.

О'Брайен видел все, будто на сцене.

Из грузовика с помощью лебедки перетаскили два оранжевых контейнера и быстро запахнули в фургон. Рядом с водителем фургона уселся Дэвидсон...

Через сто ярдов колонна свернула вправо, фургон — влево.

О'Брайен ни на секунду не упускал фургон из вида. Показался пустырь близ порта, и Стив выбрал удобную позицию для наблюдения.

Фургон встречал человек явно восточного происхождения: оливковая кожа, агатовые глаза, нитка усов. Дэвидсон пожал ему руку, как старому знакомому, поговорили, оранжевые контейнеры перегрузили на пикап-шевроле.

Начинало светать. О'Брайен отъехал назад и ринулся к могелю. Весь день он решал, как можно выкрасть контейнеры с сырьем, и вспоминал старика Иствуда; тот рассказывал, как под козырьком

* Продолжение Начало см № 8, 1989 г

его дежурки располагалась погрузочная площадка, на которой взвешивали контейнеры. Единственно, что запомнилось О'Брайену, — взвешивают сырье вместе с контейнерами.

Он медленно подъехал к отелю.

Увиденное потрясло О'Брайена, вернее, изумило обыденностью. Он полагал, что уран должны красть как-то особенно, не так, как крадут бытовую аппаратуру или угоняют автомобили. Стив рассчитывал на таинственный ритуал; и еще не раз вспоминалось полное спокойствия лицо Дэвидсона, из чего следовало, что подобные операции тот проделывал десятки раз, он не торопился, беседуя с человеком восточного происхождения. И даже тот факт, что О'Брайен преследовал колонну необнаруженным, убеждал в рутинности проделанной Дэвидсоном работы.

Так и должно быть, просто перегрузили из одного автомобиля в другой.

Стива переполняло желание поделиться с кем-нибудь. Вокруг пуста. Как часто он стал убеждаться, что можно без труда подобрать партнеров на уик-энд или на вечеринку, но трудно найти человека, доверив которому сокровенное, не начинаешь жалеть через минуту после того, как сказано последнее слово.

* * *

Месяц назад О'Брайену позвонил его однокашник Тим Финни, человек противоположного Макдональду склада, никогда не служивший, равнодушный к чинам и званиям. Тим сказал О'Брайену еще лет в шестнадцать, что те, кто чего-то достигает по службе, должны смириться с тем, что у них никогда не будет духовной жизни, а их личность деформируется до неузнаваемости.

В детстве Финни страдал недугом, почти полной потерей слуха — осложнение после менингита или скарлатины, — рос хилым и неуверенным в себе. Крепыш О'Брайен постоянно защищал его, считая избиение беззащитного Финни очевидным попранием справедливости.

Позже Тиму удалось вылечиться, борьба с болезнью выковала крепкий характер. Финни увлекся живописью — бросил, подвизался в театре — бросил, преподавал рисунок — бросил и даже уверял О'Брайена, что бросать одно занятие, чтобы ухватиться за другое, — самое увлекательное в жизни. Бунтарский нрав привел Финни к антивоенным организациям, чего Стив, будучи законопослушным членом общества, не одобрял.

Может, поехать к Тиму? Они давно разошлись, но симпатизировали друг другу, так случается, если не часто видишь человека, через год-другой скоротаешь вечер, перекинешься сотней слов и... каждый в свое плавание, на свои рифы.

Тим открыл дверь. Заспанный, перепуганный. Еще бы! О'Брайен вломился на ночь глядя без звонка.

Стив вошел в захлавленную студию. Чего здесь только не было: подрамники, холсты, банки, тряпье, пол заляпан красками, на окне без штор — вырезанные профили из цветной бумаги. На выпачканном белилами табурете банки пива и сока.

— Можно у тебя пересидеть недельку? — О'Брайен подцепил колченогий стул, поставил перед собой, оседлал, уперев подбородок в спинку.

Тим Финни улыбнулся: амурные дела? Засветился восторгом заговорщика и, тактично промолчав, неожиданно выпалил:

— Есть хочешь?

О'Брайен кивнул, пнул ногой плакаты, громоздившиеся на полу.

— Все малюешь? Надеетесь переделать мир? Чепуха все это. Кто же работает? Ума не приложу.

Финни захохотал у плиты. Он, может, и согласился бы с О'Брайеном, но слишком уж резок тот в суждениях. Финни было наплевать, что думает Стив о его друзьях, но ему казалось непорочно не вступить за них.

— Там много мути,— начал он примирительно,— но есть приличные ребята. Хотя что-то пытаются изменить. Ты-то видишь рядовых бузотеров — лишь бы поорать, а направляют их башковитые.

— Говорят, направляют издалека? — О'Брайен отшвырнул пустую банку.

Финни ловко перекинул яичницу со сковороды на тарелку.

— Брось! Издалека! Я их всех по сто лет знаю. Жить хотят, и все. Разве трудно понять?

Финни нарезал хлеб, достал острый соус, Стив с аппетитом набросился на еду. Только сейчас О'Брайен обнаружил, что здорово проголодался. Ему хотелось уточнить: можно ли на время укрыться у Тима. Но не хотелось ставить друга в неловкое положение, раз не ответил. — значит, давить не стоит.

Финни не откажешь в проникательности, он облил яичницу соусом и заметил:

— Живи сколько влезет.

У О'Брайена отлегло — здесь его не найдут, никто не знает, что он дружен с Финни.

— Где постелишь?

Тим кивнул на надутый матрац.

— По-спартански, извини.

О'Брайен повозился в ванне минут пять, развернул выдавший вид плед и рухнул лицом в подушку.

На некоторое время он оторвался от слезки. Успокоился. Выпалили минуты, когда О'Брайен верил, что все придумал, но чаще понимал — не найди он доказательств, долго ему не протянуть: он из города звонил соседу, и тот шептал, что у его дома неизменно вертятся машины, иногда стоят часами, будто поджидают. Свою О'Брайен отогнал к мотелю и решил ею не пользоваться, иначе какой смысл скрываться у Финни? По машине его быстро найдут.

— Что с твоей колымагой? — Стив измучился без колес, а брать в аренду хлопотно, да и небезопасно

— Стоит на Пи-16.

— Дай ключи!

Финни покопался в кармане шортов, достал два ключа.

О'Брайен взял их. Направился в кухню, разыскал охотничий нож с широким лезвием. Финни, наблюдавший за Стивом, в два прыжка оказался рядом.

— Я не задаю вопросов, но... это не значит, что я ничего не понимаю. Ты вляпался в скверную историю, Стив?

— Предположим..

Тим Финни шутовски напялил плоскую кастрюльную крышку на голову, но он не шутил.

— В библейские времена у людей было принято помогать друг другу. Со временем об этом здорово подзабыли...

Он разложил стремянку, полез на антресоли, чертыхнулся, когда клуб пыли окутал его лохматую голову, извлек картонную коробку.

В его взгляде, направленном на нож, О'Брайен прочел: убери, не смехи! Тим отодрал клейкую ленту, раскрыл коробку. О'Брайен, еще не видя, мог сказать, что это такое.

Револьвер.

Тим Финни, поминутно оглядываясь — боялся оступиться, — спустился вниз, протянул коробку Стиву, тот подбросил тупорылый револьвер на ладони, малыш оказался на удивление увесистым.

Тим отряхнул пыль, распечатал коробку с патронами, нащиповал барабан.

— Я поеду с тобой, — Финни обулся.

— А вот это лишнее... — начал было О'Брайен и осекся.

Финни упер руки в бока.

— Машина моя, эта штуковина, — он кивнул на револьвер, — тоже. По-моему, вполне приличный вклад — позволяет претендовать на долю участия?

О'Брайен пережил нелегкие минуты: в нем боролись благодарность другу и опасения за его жизнь, внезапно открывшаяся привлекательность мужской дружбы, когда тебе помогают без предварительных условий, и страх оказаться повинным в гибели именно того, кто шел тебе навстречу с широко раскрытыми объятиями.

— Можешь ничего не объяснять. Если я даю машину и погрешу в придачу, это не значит, что я полезу в душу.

До стоянки Пи-16 доехали на такси. По дороге молчали, и О'Брайен думал, как здорово молчать с человеком, который тебя понимает, и что в молчании столько оттенков, и что смертельную опасность может и стоит пережить хоть раз, чтобы знать: бывает в жизни такое единение двоих, что говорить о нем глупо, попытайся пересказать другим, как это было, — не поймут, а не пережить такое — потеря.

Пересели в машину Финни. Ночной город будто вымер. С трудом пробрались меж рядов уснувших автомобилей. Молчание приобрело несколько мрачный оттенок, Финни решил разрядить напряжение, ткнул в отделение для перчаток, куда Стив упрятал револьвер.

— Умеешь обращаться? Это тебе не застежки от... — он рассмеялся. — Извини. Также нервничаю, не думай.

Вскоре добрались до Игрек-11, проскользнули вдоль глухой стены Стив подсказал Тиму, куда загнать машину так, чтобы ее не заметили в темноте. О'Брайен примостился на заднем сиденье: если мимо пронеслась машина с ярко включенными фарами, приходилось пригнаться так, что со стороны казалось: в салоне один человек — Тим Финни.

Прождали всю ночь, грузовые ворота Игрек-11 так и не открылись.

— Не хватить бы дозу, — усмехнулся Тим, — никто замуж не пойдет.

О'Брайену стало легко от того, что Финни все понимает и не нужно объяснять то, что и самому не слишком ясно.

Он знал, что сразу ничего не выйдет. Везет не так уж часто. Теперь нужно проследить, куда направляется основная часть колонны: не ждут ли его на том маршруте события поинтереснее?

Завтра Стив намеревался попробовать еще раз. Завтра пятница Иствуд говорил, что в этот день недели грузятся всюю, значит, пятница — перспективный день для охоты

Вечером выехали пораньше. Финни прихватил упаковку кукурузных хлопьев, чтобы не скучать. О'Брайен запасся пакетиками с конфетами. Дни стояли сухие, и следов от их вчерашнего наезда, к счастью, не осталось. Они затаились в облюбованном месте, перебрасываясь случайными фразами и не спуская глаз с ворот. В половине второго ночи за массивными створками послышалась возня, лязг железа, приглушенные голоса.

Многотонные створки поползли в стороны.

Первой выехала легковая, свет ее фар чиркнул по машине Финни. О'Брайен распластался на заднем сиденье. Тим успел откупорить бутылку, поспешно шепнул:

— Приближаются к нам! — припал к горлышку

Легковая поравнялась с убежищем друзей. Синие блики побежали по стеклам. Водитель, внимательно изучая Тима Финни, пировавшего за рулем, наклонился к соседу.

— Наклюкался под завязку

Автомобиль с сиреной и мигалкой выбрался на шоссе. За ним грузовик, замыкал на этот раз пикап с четырьмя задними колесами.

Преследователи двинулись в путь, не включая фар, стараясь выдерживать дистанцию.

Финни вцепился в руль, глянул на О'Брайена: останавливаются! Едва успел укрыть машину на первой обочине

К грузовику подъехал пикап. Темные фигуры под скрип лебедки перетаскили контейнеры в кузов пикапа; погрузка кончилась, легковая и грузовик развернулись и поплыли обратно к городу, мелькнув мимо машины Финни и заставив друзей пережить тягостные минуты. Пронесло. Темень скрывала надежно. Пикап рванулся вперед, на ближайшей развилке на полной скорости нырнул во тьму.

— Всего два, — Тим имел в виду число перегруженных контейнеров и казался разочарованным.

— Всего?! — О'Брайен не разделял его разочарования — Гони!

Машину тряхнуло. Стив необдуманно перелез на переднее сиденье.

Показались габаритные огни пикапа, долго впереди виднелся только рубиновый пунктир. Неожиданно дорога резко сузилась — Тим не обратил внимания на знак. С обеих сторон бетонное полотно стискивал густой лес. Габаритные огни пикапа стремительно приближались. Тим не рассчитал скорости. Расстояние между машинами сокращалось.

Деться некуда!

Пикап резко затормозил: оранжевый контейнер ожил — выпрыгнул из неглубокого кузова и покатился по шоссе. Раздались крики. С кабины пикапа ударила мощная фара в лобовое стекло машины Финни. Автомат закашлял неожиданно

О'Брайен на мгновение ослеп, затем увидел перекошенное лицо — Дэвидсон!

Несомненно, агент Игрек-11 в свете луча разглядел О'Брайена, узнал его. В глазах Дэвидсона застыл ужас

Что, если контейнер расколется? От удара

Стив еще раз встретился глазами с Дэвидсоном. Вокруг пикапа металась люди

* * *

В автомастерскую обращаться не хотелось -- заказы на новые стекла могли проконтролировать ТЕ

После полудня О'Брайен предложил съездить на электростанцию. Через два часа он сидел перед представителем компании. Финни ждал внизу.

— Я занимаюсь страхованием особо опасных объектов,— О'Брайен улынулся,— у нас молодая фирма, мы ищем крупные страховые вложения.

Служащий компании поднаторел в улыбках не хуже Стива, отмерил нужную, по его мнению, порцию благорасположения и начал, обнажив безупречные, скорее всего вставные зубы:

— У нас никогда ничего не случается. Но. может случиться. Иначе. Вы понимаете. К тому же у нас давние страховые связи.

— И все же,— О'Брайен подбирался к главному — Может, не вы, так поставщики? Мало ли что случается при транспортировке? Дорога непредсказуема.

Служащий развел руками.

— У нас своя специфика. Все отработано поминутно. Перевозят только по ночам в час нулевого дорожного потока. Доставляет сырье, солидное предприятие Игрек-11 У них большой опыт, масштабы операций, годами отработанные технологические схемы.

О'Брайен знал: каждому приятно, когда перед ним непосвященный

— Мы страховали только суда и склады горючих материалов. Честно, не представляю, как транспортируют уран

— Сырье,— мягко поправил служащий, он не торопился и скорее всего любил размеренные беседы.— Тонкости опушу. Они не важны. Сырье доставляют в контейнерах. Утечка исключается. Если только контейнер не расколется..

О'Брайен вспомнил ночную сцену: гримасу Дэвидсона, контейнер, подсакивающий на бетонном покрытии.

— Что с вами? — Служащий выказал непоказное участие.

Стив благодарно посмотрел на приветливого человека.

— Устал. Утомительный перелет. Извините

Служащий что-то пометил на календаре.

— Везут по ночам, это я говорил. В сопровождении специально подготовленного персонала .

О'Брайен припомнил автоматные очереди и подумал, что подготовка весьма своеобразная, хотя и не без изъянов, иначе не сидеть бы ему сейчас перед Маккормиком — наконец-то он прочел фамилию на пластике, прикрепленном к нагрудному карману.

Маккормик продолжил:

— Итак, спецперсонал доставляет нам контейнеры. Мы принимаем. Всегда один и тот же вес.. — О'Брайен насторожился.— Неприятный момент, когда сырье извлекают из контейнеров, но. там тоже все отработано После обработки контейнеры возвращаем Игреку Они перед отправкой взвешивают сырье в контейнерах, мы тут — чистый вес. Пожалуй, все,— Маккормик как-то внезапно устал, как случается с нервными людьми, для которых любое общение — тяжкое бремя.

Зазвонил телефон Маккормик благодарно посмотрел на аппарат, дающий ему возможность закончить беседу, жестом показал, что вынужден прерваться Вежливо распрощались О'Брайен, поощряемый взглядом Маккормика, взял проспект электростанции

Вечер друзья просидели у телевизора, около девяти О'Брайен позвонил в пансионат и разговаривал с Шарлоттой Элис уже спала, и, как сказала няня, перемена места не подействовала на девочку бла-

готовно: она часто плачет и не по-детски тоскует. Стив пообещал, что скоро заберет их, совершенно не представляя, когда это удастся сделать на самом деле. Тим прислушивался к разговору и тактично молчал, впрочем, дав понять, что удивлен известием о том, что у О'Брайена есть дочь. Стив разъяснил, что он интересуется внучкой Иствуда, с которым дружил, того самого, раздавленного электрокаром на Игреке. Тим поинтересовался: может, Стив накрутил себя и несчастье с Иствудом всего лишь случайность и никто за этим не стоит, а насчет контейнеров?.. Откуда знать О'Брайену, может, все перевозки вполне законные, а ночное время выбрано по соображениям безопасности для населения? Стив усмехнулся: нормальные люди не палят из автоматов лишь потому, что за ними плетется неизвестный автомобиль. Тим согласился, хотя и было видно, что О'Брайен не вполне убедил его. После десяти зашли дружки Тима, и Стив чувствовал себя надутым стариком, которого раздражают живость и преувеличенно громкий смех молодых.

Хадсон склонился над столом. Отчаянное положение. Идиоты! Поднять пальбу и... упустить добычу. Местонахождение О'Брайена не известно. Напротив, очевидно, что он не успокоился. И снова перед глазами лицо Боуни... Я недоволен!.. Бесило еще то, что, скажем, Дэвидсон может выйти из игры без потерь — у него отложено на две жизни, а Хадсон жил от конверта до конверта.

Толстая лапа схватила трубку. Службу наружного наблюдения! Через минуту вошли двое. Один тот, кому О'Брайен вправлял мозги у бара. Хадсон сказал, что в машине, которой пользуется О'Брайен, выбиты оба стекла. В мастерские города и в радиусе ста миль от него — это проверено — никто, чтобы вставить стекла, не обращался; значит, нужно обнаружить машину с выбитыми стеклами. Не обязательно рыскать по улицам — О'Брайен мог бы воспользоваться и другой машиной, скажем, друзей, так что неплохо обшарить стоянки, расспросить в гаражах и даже съездить на свалки. По этой машине можно будет понять, кто помогает О'Брайену, а тогда и прикинуть, где тот скрывается.

На следующий день О'Брайен и Финни отправились на фирму, изготавливающую контейнеры: о ее существовании они узнали из проспекта Блю сан. Приняли Стива любезно, предложили каталоги, напоили кофе, между прочим, сообщили, что в числе заказчиков такая уважаемая корпорация, как Игрек-11.

На сей раз консультировала О'Брайена пожилая дама, почти бабушка. После его ухода дама позвонила в Игрек-11 и сообщила, что некто Лейк проявлял интерес к изготовлению нестандартных контейнеров.

* * *

Тим Финни разлегся на циновке. О'Брайен примостился в углу на подушке: завяз, не отсиживаться же всю жизнь в студии Финни, и Элис ждет, когда Стив заберет ее и Шарлотту домой. До того, как в них стреляли, даже после погрома О'Брайен допускал, что гибель Иствуда, хотя и не случайна, но не станет предвестником слишком серьезных событий. Но после автоматных очередей Стив не мог не видеть, что намерения тех весьма серьезны.

Только что Финни предложил О'Брайену уехать. Скрыться. Деньги есть и связи в других городах, не пропадет, сколько людей меняют

места жительства по гораздо менее значительным причинам. И еще Финни сказал, что если Стив уберется, то скорее всего оставят в покое Элис и Шарлотту — кому нужны ребенок и старуха негритянка?

Финни, не скрывая тревоги, посмотрел на друга

— Что ты хочешь делать?

О'Брайен ощутил внезапно накатившую волну отчаяния, беспомощности, жалости к себе. Зачем ему все это? Он же смеялся над Тимом, который вознамерился плакатами и призывами, намалеванными на тряпках, переделать мир, а теперь сам... Стив часто думал об Элис; о Тиме, который только собирается устроить свою жизнь; о себе, который устал на это надеяться, и сразу представил, что где-то далеко накапливается содержимое оранжевых контейнеров, чтобы через год или два превратиться в оружие.

Отчаяние отхлынуло, уступив место решимости.

— Я свяжусь с руководителем Игрек-11. С Боуни.

Финни вскочил

— Ты сошел с ума!

О'Брайен только сейчас как следует разглядел, что Финни обеспокоен не столько своей участью, сколько судьбой друга, и Стиву не захотелось резких слов и запальчивости споров, как можно мягче он пояснил:

— Я ничего не теряю. Если Боуни с теми заодно, мне все равно конец, а если нет...

Финни неплохо изучил друга — уговаривать бессмысленно.

Люди Хадсона искали на совесть. В городе, пожалуй, не оставалось ни одной улочки, на которой не мелькали агенты Игрека. Машины с выбитыми стеклами нигде не оказались.

Сам Дэвидсон, не доверяя никому, несмотря на скверное самочувствие, не раз объехал городской центр, мотель, где О'Брайен бросил свою машину, и его дом в поселке

Никаких следов.

Направиться в правление Игрека означало выдать себя с головой, и все же О'Брайен прошел сквозь стеклянную дверь, открывающую путь к Боуни. Бесшумный лифт вознес его в поднебесье, и почему-то он подумал, что, может, в последний раз поднимается на лифте. Он не сожалел о других радостях земных, а думал только о мягком стремительном скольжении, от которого уши закладывало, как в самолете, О'Брайен шел по кремовым коврам, приглушающим шаги и теряющимся в дали коридоров. Дубовые двери безмолвно провожали его. Стив толкнул мореную створку, переступил порог приемной.

Мэдж Роук — О'Брайену она напомнила борзую, породой и грацией, вопросительно взглянула на просителя, скользнула одобрителем взглядом: все в вошедшем нравилось ей — робость в сочетании с решимостью, светлые глаза, костюм, даже чуть небрежно вывязанный узел галстука. Мэдж приветливо, но вовсе не дежурно улыбнулась.

— Что вам угодно?

О'Брайен, загадочно промолчав, театральным жестом протянул Мэдж букет

— Вы всем дарите цветы? — Мэдж давно привыкла к вниманию мужчин, как деловому, так и внеслужебному.

— Нет.

— А кому?

Рис. В. Родина

О'Брайен посмотрел на дверь, ведущую к мистеру Боуни. За ней ждали или облегчение, или катастрофа, полутона он исключал.

— Мы ему не мешаем?

Мэдж скользнула взглядом по двери, положила цветы на стол. Реплика О'Брайена вырвала ее из грез, в которые умеют погружаться женщины при любых обстоятельствах, вернула к служебным обязанностям.

— Что вам угодно?

И по тону, как прозвучали эти слова, по свету глаз, по расслабленным мышцам лица и многочисленным признакам О'Брайен понял: симпатии взаимны.

— Мне необходимо попасть к мистеру Боуни.

— У вас есть договоренность?

— Нет.

— Попробую. Как вас представить?

О'Брайен не слишком долго раздумывал

— Мистер Лейк.

Мэдж не зря считалась опытным секретарем и сразу отметила, что посетитель лжет, и даже это не изменило ее отношения к нему, она проворковала в селектор, и нарочитая мягкость ее голоса неприятно поразила О'Брайена:

— Сэр, к вам мистер Лейк.

Долгая пауза — Стив переступал с ноги на ногу, Мэдж успела отодвинуть букет с края стола, внезапно глухой кашель оживил селектор:

— Занят — И снова молчание. Мэдж развела руками.

В один миг приход О'Брайена стал тем, чем и был сначала, — бессмыслицей: он ведь знал заранее, что попасть к вице-президенту без записи, без объяснения причин разговора невозможно. Подумал, что скорее всего Боуни позвонил тем, и, когда он спустится вниз, его схватят, и все кончится быстро и вовсе не так, как он надеялся. И красота Мэдж, и запах цветов, и солнце за окнами стали для О'Брайена особенно пронзительными. Он будто впервые увидел и почувствовал полноту жизни, которую там, внизу, на первом этаже попытаются отнять. Мэдж хотелось утешить огорченного Лейка. Пожалуй, слишком робко, но все равно хорошо; Мэдж предпочитала робких мужчин, в которых впоследствии открывала решимость, мужчинам действия, в которых по истечении времени чаще всего проглядывали глупость и грубость.

Мэдж предложила О'Брайену заполнить карточку, указав цель визита, и пообещала известить. Он, не думая, нацарапал несколько фраз. Дверь кабинета Боуни открылась, хозяин прошел мимо Стива, безразлично скользнув по нему взглядом. Но О'Брайен знал, что Боуни моментально сфотографировал все в приемной: и блуждающую улыбку Мэдж, и цветы, и мужчину именно того типа, который, как знал босс, нравится его секретарю.

Стив взял себя в руки, энергично кивнул Мэдж и, будто стряхнув с себя зряшную растерянность, вышел из приемной.

По холлу первого этажа он шел медленно, стараясь вглядеться в лица попадавших навстречу людей. Сквозь стекло он видел машину Финни, от нее его отделял десяток-другой ярдов. На О'Брайена посмотрел рыхлый тип с лохматыми бровями. Стив на мгновение замер, решительно направился к двери и через минуту уже сидел в машине Финни, которая удалялась от армированного блестящими панелями здания.

Цветом лица Хадсон напоминал очищенную свеклу. Только что звонил Боуни и сказал, что своими глазами видел О'Брайена, за которым люди Хадсона гоняются с утра до ночи. Хадсон, конечно, хотел тут же направить агентов к зданию правления, но Боуни, будто предвосхищая ход мыслей Хадсона, язвительно предостерег, что не стоит отрывать людей — все равно не успеют. О'Брайен наверняка скрылся. Хадсон чуть не ляпнул: отчего вы не попробовали задержать его? Но вовремя вспомнил, кому пристало задавать вопросы, а кому отвечать на них.

Хадсону не везло: можно сказать, прокол за проколом, а он еще намекал Боуни, что, судя по всему, О'Брайен убрался из города

Хадсон слышал, что у людей в таком состоянии, как у него, случаются удары, и переживал более всего от мысли, что, потеряй он сознание, его начнут вертеть, раздевать и куда-то тащить чужие люди, не забыв предварительно обшарить карманы

* * *

Из дверей учреждений потянулись людские реки, разветвляясь на ручьи, огибая препятствия, втекая в двери магазинов, ныряя в подземные переходы, устремляясь к автомобильным стоянкам.

Машину Финни расположил неподалеку от выхода из правления Игрек-11. О'Брайен смотрел на дверь, из которой выходил днем. Мелькали лица: угрюмые, смеющиеся, безразличные. Река, выливающаяся из подъезда, начала мелеть, пошли отдельные группы, пары и даже одиночки.

Стив увидел Мэдж Роук. До этого он видел ее только сидящей за рабочим столом.

Ого! Финни приподнялся на сиденье. Походка и фигура секретаря мистера Боуни впечатляли. Похоже, Мэдж направлялась к остановке. Финни мгновенно выскочил из машины, перебежал на противоположную сторону улицы, ту, по которой шла Мэдж.

О'Брайен также быстро достиг садовых скамеек, на которых (так он впоследствии объяснил Мэдж свое появление) он поджидал ее, чтобы неофициально просить ускорить его встречу с мистером Боуни. Он надеялся, что его появление не покажется слишком нарочитым, обычное дело — упорный проситель.

Финни вырос перед Мэдж Роук и мгновенно облапил ее. Мисс Роук остолбенела.

О'Брайен метнулся от сквера, отшвырнул Финни и залепил ему в ухо. Финни, мастерски играя трусоватого хулигана, юркнул в толпу.

Мэдж подняла на Стива полные слез глаза, она восприняла его появление как нечто совершенно естественное и оперлась на его руку.

— Негодяй! — Как и многих, гнев и возбуждение красили мисс Роук.

Они молча прошли несколько шагов, Мэдж собиралась с мыслями. Скорее всего ее волновало, видел ли кто из сослуживцев безобразную сцену, неосознанно она старалась как можно дальше уйти от места нападения. О'Брайен толком не представлял, с чего начать, и надеялся, что Мэдж первой поддержит разговор.

— Теперь, — мисс Роук посмотрела в глаза О'Брайену, — прием у мистера Боуни за мной. Я все устрою.

О'Брайен смутился.

— Разве в этом дело? Я, правда, хотел просить вас протолкнуть меня побыстрее. Но... об этом потом. Вам здорово досталось, — он чувствовал тепло ее руки. — Раз уж так случилось, давайте поужинаем.

— Но... я не готова, не знала, — вяло попыталась протестовать мисс Роук, и О'Брайен понял, что она согласится

— Не готовы? К чему? Посидеть пару часов за столом? — Стив улыбнулся. — С не слишком удачливым клиентом вашей фирмы.

Мэдж тряхнула волосами: жест однозначный — решено, пойдем. О'Брайен увлеченно говорил, что знает одно уютное место, где вкусно готовят и панорама города такая, какой он нигде не видел. Он клянется — о делах ни слова, и пусть она не думает — не так уж часто ему хватает решимости пригласить такую женщину на ужин. Для

него редкость так провести вечер, тем более что по непонятным причинам ему с ней легко и просто, и она сама знает, как нечасто случается, чтобы двоим вместе было легко.

Вскоре они поднялись в любимое пристанище О'Брайена — бар на крыше. Стив видел, что на них смотрели с удовольствием, и ловил себя на том, что Мэдж Роук в действительности притягивает его. Она задержалась на смотровой площадке; ветер трепал ее волосы; город затаился внизу — далекие дымы, пятна лесов и озер, ленты рек, пересеченных игрушечными мостами, букашки машин, едва ползущих по дорогам...

Сели. Мисс Роук повесила сумку, длинный ремень захлестнул спинку стула. Она растерянно осматривалась, как многие, попав в незнакомое место.

— Здесь хорошо...

Подошел официант, поставил блюда, разлил вино. О'Брайен поднял бокал:

— Спасибо, что пошли ..

Мэдж едва отпила, мечтательно сказала:

— Маленькой я ухаживала за кроликами. На ферме, у бабушки... Когда я видела их розовые носы и совершенную беззащитность, возникало щемящее чувство, желание защитить всех. Как сейчас

Мэдж взглянула на О'Брайена.

— Откуда у вас шрам?

И он наврал, чтобы не сбить тональности беседы.

— Тоже из детства. Обидчик украл у меня черепаху. Я его поймал. Подрались, а черепаха сбежала. Смешно, кругом множество черепах, но та была моя, и я любил ее и плакал, когда она пропала. Понимаете?

Мэдж долго смотрела на О'Брайена чуть расширенными от возбуждения зрачками.

Заиграла музыка. Несколько пар танцевало. О'Брайен пригласил мисс Роук. Она так естественно прильнула к нему, что у него едва не закружилась голова.

Время шло быстро. Мисс Роук не без сожаления посмотрела на часы.

— Вы торопитесь?

— Я — одна. — Прозвучало, как меня никто не ждет, но не думайте, что я слишком скорблю по этому поводу, хотя, конечно, одиночество изматывает, я даже подумываю, не портит ли оно незаметно мой характер? Мэдж улыбнулась. — Вас не огорчил мой ответ?

— Я тоже один ..

Он достал фотографию Элис Иствуд, протянул мисс Роук.

— Нравится?

Мэдж смотрела на девочку долго, быть может, с болью и потаенной ревностью, сожалея об упущенных возможностях, как смотрят бездетные женщины на чужих крох.

— Ваша? — Она придала голосу как можно большее безразличие, что выдало ее с головой и смутило О'Брайена — он не предвидел, сколь болезненным может оказаться такой разговор.

— У меня нет детей. — Ответ прозвучал слишком поспешно и походил на неумелое оправдание.

Мэдж вернула фотографию с облегчением, скорее с радостью.

О'Брайен упрятал портмоне в карман.

— Девочка осталась одна. Соседка. Дед умер. Не знаю, что с ней будет.

Мэдж вытянула цветок из вазы, вяло поддержала разговор.

— Жалко. За детей так страшно. Всегда. Может, поэтому лучше их и не иметь?

О'Брайен смял салфетку, кивнул официанту, расплатился.

— Я провожу вас, — предложил он, пытаясь поймать такси.

— До подъезда.

Теперь у Хадсона на столе лежали сведения из полиции, с теле студии, запись телефонного звонка из фирмы, производящей контейнеры. О'Брайен не отступил. Хадсон полагал, что этот идиот сам заставяет принять к нему самые крутые меры. И еще думал, что человек теряется в большом городе, как лягушонок в болоте: почти невозможно выковырнуть его из тины, пока он не начнет прыгать. О'Брайен прыгал довольно удачно, и до сих пор Хадсон не мог ответить себе на вопрос: случайность это или отличная профессиональная подготовка.

В эту минуту О'Брайен совершил не самый удачный прыжок. Из дома Финни он позвонил Мэдж и пожелал ей спокойной ночи. Телефон мисс Роук прослушивался. Хадсону воспроизвели запись разговора, к счастью для О'Брайена, весьма кратко. Засечь, откуда он звонил, не удалось. Хадсон прослушал запись чужого воркования, несколько раз безразлично услышав, что мисс Роук назвала звонившего «Стив». В комнате сидел Дэвидсон, черные подглазья стали такими устрашающими в последние дни, что даже Хадсон предпочитал не орать на агента.

Она назвала его Стив, пробурчал Хадсон, такого у нее, по-моему, еще не было. Хадсон называл О'Брайена только по фамилии, имя юриста для него не существовало.

Дэвидсон смертельно устал за эту неделю, он вызывающе посмотрел на босса и, между прочим, заметил, что О'Брайена зовут Стив.

Через минуту Хадсон соединился с Боуни. Ему было приятно сообщить, что любимый секретарь вице-президента запросто говорит с О'Брайеном среди ночи. К тому же впервые появлялась возможность показать, что люди Хадсона хоть что-то делают. Хадсон уведомил Боуни, что принимаются меры идентификации. Когда Хадсон общался с Боуни по телефону, начальнику службы безопасности удавалось сохранить крохи достоинства, хотя бы потому, что он не видел пронзительных глаз Боуни. К тому же теперь он разыгрывал начальственное величие для Дэвидсона, которого совершенно не интересовали переживания Хадсона, и он сильно удивился бы, скажи ему, что Хадсон, кроме крика и брани, способен еще и на переживания.

Сообщение Хадсона расстроило вице-президента Игрек-11. Связь мисс Роук с О'Брайеном неожиданно могла оказаться заговором, и, хотя у него не было оснований не доверять своему секретарю, мистер Боуни отлично понимал, что слепое доверие — залежалый товар, и знал многих, кто здорово поплатился, забывая эту простую истину. Все осложнялось еще и тем, что Боуни должен был утром лететь за океан.

Хотя О'Брайен и не знал, что его пожелание спокойной ночи Мэдж перехвачено, он больше не рисковал звонить с домашнего телефона

За углом дома Финни в будке серел таксофон. О'Брайен позвонил Мэдж на работу и договорился о встрече в баре на крыше. Положив трубку, Стив поймал себя на том, как часто непродуманно действуют люди, вернее продуманно, но... не до конца. Если считать, что телефон Мэдж прослушивают, значит, о назначенной встрече станет известно. Если же нет, то зачем он выходил из дома? Для себя О'Брайен решил, что их разговора никто не слышал и что нельзя паниковать по пустякам, начнешь метаться — ошибки посыплются одна за другой.

Хадсон решил, что наступало время действовать. Он знал о встрече, назначенной О'Брайеном Мэдж Роук. Сейчас начальник службы безопасности навалился животом на стол и ждал, не сводя глаз с двери. Раздался стук. Появился Дэвидсон, он выглядел еще хуже, чем в последний раз: лицо тронула нездоровая желтизна, круги под глазами, как причудливые очки, почти смыкались на переносице. Дэвидсон пожаловался, что у него сильно кровоточат десны и он не спит, перехватил сочувствующий взгляд Хадсона. Жалость у Хадсона? Такое кого угодно могло удивить.

Хадсон хотел поинтересоваться самочувствием агента, но, подумав, решил, что теплоты во взоре вполне достаточно, и перешел к делу.

— Где Мичелли?

— В приемной

Хадсон властно кивнул. Дэвидсон вышел и тут же вернулся, пропуская перед собой сухопарого мужчину лет сорока с чертами лица, упакованными на пяточке в самом центре лица. Близко поставленные глаза мистера Мичелли произвели отталкивающее впечатление, как и оттопыренные уши, в остальном он походил на уравновешенного человека, который достиг не слишком многого, но и не малого, если учесть, что начал с нуля.

— Мичелли,— проговорил урод, так про себя тут же окрестил его хозяин кабинета.

Хадсон выбрался из-за стола, дружелюбно пожал руку прибывшему.

— Мистер Мичелли, человек, с которым у нас возникли затруднения, не доставит вам хлопот. Не профессионал.

Мистер Мичелли бесстрастно слушал. Глазки его блуждали по потолку.

Хадсон кратко изложил суть дела, описал место встречи, показал фотографии. Мичелли не проявлял ни малейшей заинтересованности, будто разговаривали не с ним. Хадсон слышал о хватке Мичелли, ему нравилась невозмутимость уroda, именно потому, что сам Хадсон мог взорваться в секунду из-за любой ерунды.

— Все понятно, мистер Мичелли?

Кивок. Глазки Мичелли метнулись вверх — вниз, снова вверх, будто норовили вывернуться белками наружу. Неожиданно Мичелли раскрыл рот.

— Мне нужно попасть к себе на побережье не позже, чем через два дня.

Хадсон потер ладони.

— Завтра вечером освободитесь.

Мичелли с трудом собрал глаза, свел их в одну точку на узле галстука Хадсона и вышел. Хадсон вопросительно посмотрел на Дэвидсона.

— Отличные рекомендации.— Дэвидсон задышался, на лбу выступила испарина.— Двадцать три специальных поручения за десять лет и ни одного срыва.

Хадсон отправил Дэвидсона домой.

Только что Дэвидсона вывернуло наизнанку, он долго пил воду и два раза чистил зубы. Его кожа напоминала подсвеченный изнутри пергамент, растопыренные на одеяле пальцы слегка подрагивали.

С ним что-то творилось. Симптомы появились после того, как контейнер вывалился из пикапа из-за О'Брайена, преследовавшего колону. Дэвидсон понимал, что означают симптомы его болезни, клял О'Брайена, считая его источником своих бед, ненавидел его так жаростно, как ненавидят тех, кто покушается не на благополучие, а на самую жизнь.

Боуни вызвал Мэдж, не зная, что ей предстоит встреча с О'Брайеном — результаты второго телефонного перехвата Хадсон не сообщил вице-президенту, рассчитывая преподнести сюрприз. Мэдж опаздывала и нервничала. Боуни попросил ее связаться с фирмой Бирнса. Мэдж записала текст телефонограммы в блокнот. Боуни был явно расположен поболтать. Мэдж его намерений не разделяла. Нервозность секретаря не ускользнула от Боуни. Обычно мисс Роук поражала невозмутимостью, а если и нервничала, то только по вине мистера Боуни. Вице-президент испытал укол ревности; хотя все было в прошлом, но завершилось так неопределенно, будто в любой миг могло начаться заново. Боуни хотел спросить: торопится ли Мэдж? Он мягко посмотрел на Мэдж, умудрившись вогнать в один взгляд и отеческое участие, и мужское обожание, и дружескую приязнь.

...Мэдж вылетела из кабинета и, на ходу схватив сумку, помчалась на свидание с О'Брайеном.

Стив сидел в кафе. Скверное настроение, ощущение, что кто-то положил лапу на горло, а кто — не видно. К тому же он не любил женщин, которые опаздывают, ему виделась в этом не милая слабость, а наплевательство, обидное и ничем не оправданное. О'Брайен считал, что ничего дороже времени в жизни нет и красть чужие минуты — тяжкий грех.

К столу развинченной походкой подошел юноша из тех, какие всегда околачиваются в злачных заведениях. Замер над столом. О'Брайен неприязненно поднял глаза, тень изломанно перечеркнула белую салфетку, и Стиву это показалось возмутительным. Он зло скользнул взглядом по запудренным прыщам и нечистым рукам.

— Мистер О'Брайен?

Стив насторожился. Засосало под ложечкой. Что это? Мэдж опаздывает и решила позвонить с дороги? Он произвольно нащупал револьвер под тонкой курткой.

— Вас просят...

По пути юноша сказал, что кое-кто хочет поговорить с О'Брайеном об Элис Иствуд.

Только прозвучало это имя, как О'Брайен схватил прыщавого за рукав, дернул так, что треснула ткань. Парень испуганно метнулся в сторону, успев прошептать, что О'Брайена ждут на крыше соседнего здания, соединенной переходом со смотровой площадкой.

Стив ворвался на окутанную сумерками соседнюю крышу. Никого. Вдруг... шаги, неторопливые, гулкие.

— Это я хотел поговорить с вами.— На О'Брайена уставились

бесстрастные глаза, безобразное лицо мистера Мичелли расцветила улыбка.— Вас интересует судьба Элис Иствуд?

О'Брайен грубо притянул незнакомца за ворот.

— Что с ней?

Мичелли мягко отстранился.

— Не нужно нервничать,— глянул вниз на реку огненных фар, лениво ползущую внизу.

— Что с ней? — Стив вплотную приблизился к незнакомцу, тот стремительным движением вырвал револьвер из-под куртки О'Брайена и швырнул вниз. Стив ухватил хрящеватые уши убийцы и, резко потянув вниз, стал месить его голову о колено. Двое сплелись в драке, край крыши приближался... Мичелли оказался вертким, вырвался из объятий О'Брайена и выхватил револьвер. Выстрел так и не прозвучал.

Крик отчаяния заглушила музыка.

Тело сорвалось с края крыши.

Мэдж опоздала, она стояла на смотровой площадке, и панорама города, такая красивая всего день-другой назад, сейчас отталкивала зловещей яростью, музыка, долетевшая из-за спины, раздражала. Мисс Роук неприязненно оглядывала танцующих, затем направилась к лифтам. Одна! Ей казалось, все смотрят вслед и злорадствуют: не успела! А ждать ее не стали, значит, вовсе не боготворят, так, провести время — не более. Мисс Роук тряхнула волосами и, перед тем как войти в лифт, резко обернулась — никого — лишь прыщавый тип промелькнул мимо, успев обмазать ее липким взглядом.

Хадсон нервничал, он не сомневался, что Мичелли все сделает как надо, но напряжение последних дней сказалось и на его бычьей натуре, перед ним стояли песочные часы; каждый раз он переворачивал их, как только струйка песка иссякала. Иногда Хадсон смеживал веки и тогда скорее всего видел Мичелли, так явственно, что в какой-то миг становился им самим, входил в оболочку уroda, смотрел на мир его глазами, шевелил его обгрызанными ушами и нашептывал ему, как вести себя, когда появится О'Брайен. Сам Хадсон с удовольствием бы расправился с возмутителем спокойствия предприятия Игрек-11, но его решимость в данном случае ничего не значила, он уже перерос уровень непосредственного приведения приговоров в исполнение.

Хадсон перевернул часы, песчинки привычно устремились вниз. Он подумал, что О'Брайену не выкрутиться, это все равно, если б сейчас песчинки из нижней части песочных часов вдруг потянулись вверх.

Утром Мэдж прочла все собственными глазами. Она всегда начинала утро с беглого просмотра газет: показатели деловой активности, чтобы поражать осведомленностью шефа; раздел культуры, чтобы не краснеть в компаниях болтунов, любящих порассуждать о том, о чем не имеют ни малейшего представления; и, наконец, криминальную хронику и происшествия. Мисс Роук безразлично скользнула взглядом по лицам экипажа индийского самолета, взорванного у берегов Ирландии, и вспомнила свое путешествие на остров три года назад: маленький отель в Корке, цветение мальвы, укромные озера с одинокими рыболовами по берегам. Она еще хлопала в ладоши как девочка, когда на ее глазах старик в золотанной рубашке, но при вязанном галстуке подцепил на блесну щуку и вытянул рыбину на бе-

рег, будто и не подозревая, что за ним наблюдают любопытные... Тут Мэдж напрочь забыла старика, потому что прочла невероятное. Еще один покончил с жизнью!

«Вчера с крыши девяностовосьмизатяжного Мэдисон-билдинга прыгнул юрист Стив О'Брайен. Тело изуродовано до неузнаваемости. Личность опознана по страховой карточке...» И далее о том, что О'Брайен одинок и никто из близких скорее всего не прибудет на похороны, не считая сослуживцев. И еще о немотивированности самоубийства — мистер О'Брайен процветал, но... тайны психики современного человека... Буквы поплыли перед глазами мисс Роук, и на письмо, отпечатанное вчера, капнули слезы, как раз на подпись Боуни, отчего росчерк поплыл синими подтеками.

В это же утро Хадсон позвонил Боуни, обменялись ничего не значащими фразами, и, когда Боуни стал закипать — он терпеть не мог пустых разговоров, Хадсон, между прочим, спросил, читал ли мистер Боуни утренние газеты?

В наушнике раздался шорох. Хадсон представил, как лихорадочно шарит Боуни по газетным полосам, хотел подсказать, где искать, и передумал. Но не решаясь слишком ярить начальство, не выдержал: «Раздел происшествий, сэри!» Хадсон знал, что благодарности не услышит, и короткое «отлично» воспринял как высшую похвалу.

Сейчас Хадсон думал, что круги от камня, брошенного О'Брайеном с подачи полубезумного старика Иствуда, вскоре улягутся и можно будет спокойно жить. Хадсон даже внушал себе, что стоило пережить встряску последних дней, неудовольствие Боуни, сумятицу, чтобы теперь насладиться победой. «Отлично» из уст Боуни аннулировало предшествующие претензии вице-президента и даже авансировало Хадсона доверием в будущем. Он повертел песочные часы и решил, что стекляшка с песком приносит ему удачу. Он так и сжимал часы, когда вошел Дэвидсон, и по его виду понял, что недолго по счастью пришел конец.

...Начальник службы безопасности в который раз убеждался, что все его неприятности начинались с Дэвидсона. Над этим парнем будто навис рок, и сатана использовал его как стенку, чтобы беда рикшетом отскакивала в Хадсона.

Хадсон мгновенно взмок и так сжал часы, что стекло хрустнуло, на ладони проступила кровь.

Дэвидсон прислонился к стене, его синие глаза выцвели, худоба стала болезненной.

— Исчез Мичелли!

Хадсон жалко скривился, он все понял: невозможное произошло, Мичелли — мертв, О'Брайен — на свободе.

После схватки на крыше Стив рассказал Тиму Финни, что самым сложным было незаметно уйти; тело Мичелли уже скрылось в пропасти меж двух зданий; в бар О'Брайен возвращаться не решился — там могли поджидать сообщники убийцы, у лифтов тем более. Пришлось спуститься по пожарной лестнице на два этажа вниз, там разбить окно и воспользоваться лифтом уже с девяносто шестого. О'Брайен торопился, чтобы тело Мичелли никто не обнаружил раньше него. Тот лежал в пустынном дворе у бетонной стены. О'Брайен обшарил труп, забрал документы и вложил в карман мертвеца свою страховую карточку. Он был весь вроде желе, сказал Стив.

Теперь О'Брайен рассчитывал, что у него в запасе по крайней

мере неделя, пока не поймут, что их обвели вокруг пальца. На пятой улице Финни увидел довольно приличную машину с наклейкой «продается», по просьбе О'Брайена купил ее и оставил в условленном месте.

Единственное, что тревожило сейчас О'Брайена: не дело ли рук тех публикация материала о его самоубийстве? Не уловка ли это? Не хотят ли таким образом побудить его действовать менее осмотрительно?

Если никто ничего не подозревает, он получает фору; и еще он пережил угрызения совести оттого, что в последнюю очередь вспомнил о Мэдж. Она уверена, что он погиб и винит себя; женщины впечатлительны, и мисс Роук могла подумать, что ее пренебрежение О'Брайеном — она же не пришла! — послужило последней каплей..

Стив понимал, что звонить мисс Роук крайне неосмотрительно, но и мучения — нет сомнений, что Мэдж искренне переживает — безразличного ему человека тяготили его.

Хадсон стоял перед Боуни навтыжку, только что он во всем признался: Мичелли мертв, О'Брайен...

Боуни, сложив бумажную птичку, вяло комкал ее длинными пальцами. Хадсон неожиданно закашлялся, от нервного напряжения запершило в горле, но просить воды не посмел. Боуни не обращал внимания на Хадсона и лихорадочно соображал, что же предпринять; в конце концов с него вины никто не снимет, если начальник службы безопасности Игрека — идиот, то и он сам в глазах других выглядит не лучше.

Боуни специально накручивал себя, чтоб достичь того сверхвозбужденного состояния, в котором он сметет все препятствия на своем пути. Он и думать забыл о Хадсоне и, когда взглянул на грузную фигуру, преющую посреди кабинета, то брезгливым жестом — идите! — отпустил подчиненного, вице-президент боялся, что сейчас эта потная перегретая жаркой от страха кровью туша рухнет на ковер.

Хадсон едва выполз вон.

Боуни перелистал бювар, через несколько минут он примет Бирнса, и, несмотря на старую дружбу, ему вовсе не хотелось бы казаться растерянным. Боуни пригладил волосы, прошел в ванну, ополоснул лицо и растер жестким полотенцем.

В кабинете опустил жалюзи, полумрак окутал стол и кресло и самого Боуни.

Селектор ожил голосом Мэдж: сэр, к вам мистер Бирнс.

Боуни не видел Бирнса много лет и не то, чтобы нервничал, но испытывал легкое волнение, хотя бы потому, что по виду Бирнса можно будет догадаться, как поработало время и над самим Боуни.

Дверь распахнулась: вошел Бирнс, Боуни поднялся.

Бирнс напоминал мышонка на колесиках, такой же востроносый, неприметно серенький и подвижный. С первых же минут его появления в кабинет Боуни будто впустили шаровую молнию — сморщенная головка Бирнса мелькала в разных углах, и Боуни даже перестал следить за вошедшим. После традиционных охов по поводу быстротечности времени перешли к делу. Бирнс помалкивал, а Боуни рассказывал о тревожащих его обстоятельствах. По отдельным репликам консультанта Боуни мог догадаться, что тот приехал подготовленным и уже знал кое-что о том, кого ему предстоит искать.

Прежде чем встретиться с Боуни, люди Бирнса запросили сведения об О'Брайене из официальных и частных банков информации и

обработали их методами Бирнса. Глава фирмы называл такую обработку выжиманием сока: из скудных анкетных данных и случайных отзывов об О'Брайене удалось отжать пару капель — Бирнс попробовал сок на язык и еще перед встречей с Боуни знал, что непременно отыщется этого парня. Говорить о своей уверенности Бирнс не собирался, он владел коммерческим предпринятием и знал, что услуга тем щедрее оплачивается, чем невыполнимее она представляется клиенту.

Боуни подошел к сейфу, минуту раздумывал: давать ли досье на О'Брайена Бирнсу или проверить, на что способен мышонок, начав с нуля? Бирнс проникательно подстегнул Боуни:

— Вы подобрали кто что на этого парня?.. Взгляну...

Боуни подчинился.

Бирнс, ничем не выдавая своего отношения к содержанию досье, перелистал десяток страниц и возвратил папку вице-президенту.

— Не понадобится? — обиженно уточнил Боуни.

— Отчего же, — Бирнс устремился из одного угла кабинета в другой, — неплохо.. я уже запомнил все что надо...

Рисуется, думал Боуни, но мне плевать, лишь бы поскорее откопал О'Брайена.

Бирнс порассуждал вслух, как бы он вел себя на месте О'Брайена, а потом вскользь намекнул, что методы Хадсона скорее напоминают методы мясника, отыскивающего бычка в стаде, чтобы его забить. Бирнс несколько раз подчеркнул, что, конечно, это не его дело, но он полагает, что изоляция противника — так это кажется называется? — не лучшее средство. Боуни понял, что Бирнсу известно о неудачной попытке расправиться с О'Брайеном, и подумал, не поторопился ли он воспользоваться вовсе не дешевыми услугами Бирнса. И еще его посетила шальная мысль: не может ли оказаться, что О'Брайен связан с Бирнсом?

Не прерывая пробежки, Бирнс сообщил, что включился слишком поздно. Боуни поморщился, упрек целил в него, но он попробует сделать все возможное и сразу же даст знать.

Бирнс ничего не сказал о выжимке на О'Брайена, что лежала в его папке. Боуни хотел пошутить — каков первый шаг? — и заодно узнать, как именно Бирнс собирается начать розыск, но консультант дал понять, что разговор окончен и любое промедление вредит самому Боуни.

Бирнс спускался на лифте, как всегда, в состоянии напряжения — по лифту нельзя бегать, а стоять на месте сущее наказание. Бирнс вырвался на улицу, как после многолетнего заключения, и помчался к стоянке машин, вспоминая эпизод из жизни О'Брайена, рассказанный одним из его людей, кажется, со слов сенатора Макдонелла, который не отказался поговорить с человеком Бирнса.

В школьные годы Стив О'Брайен покровительствовал хилому, почти глухому Тиму Финни. Перед каникулами классе в шестом О'Брайен поколотил двоих, которые преследовали Финни, потом неожиданно отдубасил самого Финни и почти месяц не разговаривал с ним. Похоже, О'Брайен хотел преподать слабому урок самозащиты, хотел вбить ему в голову, что слабость сама по себе ни плоха, ни хороша — таким уж человек уродился, но, помноженная на трусость, превращается в бедствие всей жизни.

Бирнс с удовольствием отжимал эту историю, вроде бы пустяковую для человека склада Хадсона, но для Бирнса служащую верным ориентиром.

* * *

Дэвидсон не любил врачей, считая, что они живут на несчастье другого, относился к ним с недоверием и за всю жизнь сталкивался с ними два или три раза. Но сейчас его приперло. Он не понимал, что с ним творится, а иногда, напротив, понимал так отчетливо, что испарина удесятерилась то ли от болезни, то ли от страха.

Лейкоцитоз — шестьсот тысяч, и вспухли лимфатические железы. Дэвидсон слабо представлял, что это означает, и, пока чужие руки мяли его пах, следил скорее за выражением лица врача, чем за тем, что он говорит. Выражение лица не утешило. Все беды последних недель сфокусировались в точку, в центре которой Дэвидсон видел О'Брайена. Дэвидсон накопил предостаточно, чтобы безбедно доживать на теплых островах, безмолвно слушая щебетание двадцатилетних красоток, которые уверяют, что любят мужчин постарше, потому что с ними интереснее! У них язык не поворачивается признаться — именно у таких водятся деньги, и они не слишком ревнивы.

Дэвидсон перехватил взгляд врача и больше ему не понадобилось ничего выяснять: доктор Хаузер отвел глаза, будто он лично виноват в том, что случилось с Дэвидсоном.

По дороге домой он купил лекарство, тут же в аптеке взял газеты. Зашел в универсальный магазин, безразлично скользнул по рядам игрушек. Хозяин хорошо усвоил законы торговли и знал, если разговорить клиента, может, что и получится; некоторые понимают, что никому неохота болтать за так, ни с того, ни с сего, и совестливые покупатели, если продавец их занял беседой, хоть мелочь, да купят. Хозяин, улыбаясь, развел руки, изумился в том смысле, какие все люди разные — вот мистер Дэвидсон интересуется только свежими ягодами, а мистер О'Брайен, например, — вроде ровесник Дэвидсону? — интересуется игрушками.

Дэвидсон слушал отрешенно, перед его внутренним оком стояли глаза врача, избегающие встречи со взором пациента.

Погруженность Дэвидсона в себя, его молчание хозяин расценил как поощрение и добавил, что никогда бы не подумал, что взрослый мужчина так интересуется игрушками и даже заказал по каталогу последнюю японскую новинку.

— Вы о ком? — растерянно спросил Дэвидсон.

— Ну О'Брайен... тот, что живет за мостом.

Дэвидсон сразу сообразил, что О'Брайен задаривает игрушками девочку Иствуда, и, особенно не надеясь на успех, спросил:

— Он часто у вас бывает?

— Забегает. — Хозяин склонился над книгой записей. — И сегодня обещал... Как раз его заказ должен поступить...

Дэвидсон кивнул, купил мясо и вышел. Накрапывал дождь. Покупки полетели на заднее сиденье. Дэвидсон уселся за руль и почувствовал тошноту. Вылез под дождь, его рвало долго, позывы сотрясали высохшее тело. Свет в витринах погас, хозяин поднялся к себе на второй этаж. Дэвидсон понял, что уже никого не ждет, просто он не в состоянии вести машину.

Из темноты появился О'Брайен, проскользнул в открытую дверь магазина, скорее всего поднялся к хозяину на второй этаж и вскоре вынырнул с вместительной коробкой.

Дэвидсон ощутил прилив энергии, ненависть захлестнула, окликнул О'Брайена; как раз в тот миг, когда тот пробежал мимо машины, рука Дэвидсона сжимала револьвер.

Сотрудник наружного наблюдения фирмы сообщил Бирнсу, что, как тот и предполагал, О'Брайен пришел в магазин за игрушками, затем передал, что, кажется, кто-то поджидает О'Брайена. Наверное, люди Хадсона, предположил Бирнс, удивляясь, неужели он недооценил Хадсона? Бирнс хотел позвонить Боуни, сказать, что О'Брайена засекли, но решил повременить.

Дэвидсон собрал последние силы на окрик и сейчас тяжело дышал, раздумывая, сможет ли воспользоваться револьвером.

О'Брайен растерянно стоял перед опущенным стеклом машины Дэвидсона. Револьвер смотрел в упор, сделай Стив хоть шаг и... Для Дэвидсона О'Брайен маячил в темноте средоточием зла, он и себе не мог бы ответить, почему не стреляет: хочет продлить муки врага? Разве это муки — умереть от пули? Мучения, предстоящие Дэвидсону, ни с чем не сравнишь.

Дэвидсон не спускал глаз с О'Брайена: не уйдет! Радость переполнила его, непристойная христианину и все же долгожданная — посчитаться с врагом перед смертью. Разве не из-за О'Брайена Дэвидсон обречен? Дэвидсон улыбнулся О'Брайену и поманил его пальцем. Тот послушно приблизился к машине.

Теперь О'Брайен стоял в ярде от машины, и Дэвидсон знал, что ему достанет сил разрядить барабан. Он смотрел на О'Брайена и думал: зачем этот парень появился на его пути? Зачем заварил эту кашу? Что заставило его губить себя и других, например, Дэвидсона? И почему иногда пути совершенно чужих людей неожиданно пересекаются и в месте пересечения льется кровь? Так мог бы думать Дэвидсон, но, возможно, вовсе не думал, а только считал удары собственного сердца.

О'Брайен никогда не стоял под дулом револьвера, ему даже показалось, что воздух вокруг внезапно очистился и приобрел пронзительно пьянящий вкус. Страх не было, только тоска из-за нелепости происходящего и беспомощность, и понимание, что попытки объяснить ни к чему не приведут, и ощущение, что жизнь прошла слишком быстро, на удивление бессмысленно, и что, оказывается, смерть действительно наступает, хотя каждый в глубине души надеется, что для него предусмотрено исключение.

Вдруг из темноты донеслось сдавленное рыдание. Голос показался Дэвидсону знакомым. Нечесаная Блэр Джавитс появилась в свете фар так быстро, будто кто-то направил ее отвести карающую руку Дэвидсона. Он не любил женских слез и поразился нелепости ситуации: он с револьвером в полумраке машины, перед ним О'Брайен, которого Блэр знала как соседа по поселку... Ее муж работал вместе с Дэвидсоном на Игрек-11, занимался приемкой и отправкой сырья, был посвящен в кое-какие тонкости, за молчание ему подбрасывали немного, но регулярно.

Блэр узнала Дэвидсона, распласталась по капоту, и сквозь рыдания Дэвидсон услышал, что Джавитс скончался, и еще трое. Облучился на Игреке! А у нее трое детей.

Дэвидсон привык пропускать чужие беды сквозь себя, как воду сквозь сито: он не обратил внимания на участь детей, оставшихся без отцов, и даже на гибель троих молодых мужчин, он запомнил только одно — облучились! На Игреке! И рука его вяло поползла вниз — он отчетливо понял, что инцидент с контейнером на дороге, из-за которого он ненавидел О'Брайена, не имеет отношения к его участи.

Блэр Джавитс безумно посмотрела на мужчин и, вытянув вперед руки, как слепая, побрела в темноту.

О'Брайен понял, что спасен. Дэвидсон щелкнул замком дверцы, кивнул О'Брайену. Юрист сел рядом. Долго молчали. Дэвидсон отер испарину, закурил, револьвер лежал перед глазами. О'Брайену ничего не стоило схватить его, он тронул револьвер — Дэвидсон не шелохнулся.

— Ты передумал? — спросил О'Брайен.

Дэвидсон спрятал револьвер, включил зажигание

О'Брайен только сейчас пришел в себя.

— Ты хотел убить меня из-за того, что я копаю? Под Игрек?

Дэвидсон мотал брелок на пальце.

— Плевать мне на Игрек. Я думал, что облучился тогда на дороге, когда ты выслеживал колонну. Оказывается, уже погибли трое и дорога здесь вовсе ни при чем. Они экономят на свинцовых экранах или еще черт знает на чем. Сам-то Боуни никогда не приезжает на предприятие... Я убью его вместо тебя.

Машина плавно тронулась. О'Брайен, прежде чем выйти, сказал Дэвидсону, что погибли еще люди и не один — десятки, а может, и сотни тысяч. Дэвидсон молчал. И если Дэвидсон хочет расплатиться за то, что с ним сделали, лучше, если он предоставит О'Брайену необходимые для разоблачения сведения.

Дэвидсон только что ненавидел О'Брайена, а сейчас подумал, откуда берутся люди, которые с риском для жизни лезут в грязь только из-за того, что где-то кто-то может погибнуть.

О'Брайен сказал, что если Дэвидсон надумает передать сведения о махинациях с ураном на Игреке, то может это сделать в семь вечера в баре «Пляски у Мэгги». Друг О'Брайена будет ждать Дэвидсона, начиная с завтрашнего дня три вечера подряд.

Дэвидсон ничего не ответил и высадил О'Брайена. Агенты Бирнса сообщили Хадсону, что Дэвидсон о чем-то долго беседовал с О'Брайеном в машине, а потом помог тому скрыться от наблюдения, высадив в темном месте, где люди Бирнса потеряли след. Хадсон всегда недолюбливал Дэвидсона, считая его, и как теперь становилось ясным, не без оснований, человеком неуправляемым, способным на все ради личных выгод. С Дэвидсоном определенно что-то творилось, и сообщение о его контактах с О'Брайеном взбесило Хадсона, но не потрясло: он давным-давно забыл о такой штуке, как доверие, когда речь шла о серьезных делах.

Поздно вечером Хадсон заехал к Дэвидсону. Начальник службы безопасности осведомился о самочувствии подчиненного, спросил, не нужно ли чего. И по тому, как маслено блестели его глазки, а за окном мелькали тени агентов сопровождения, Дэвидсон понял, что Хадсон появился неспроста. Дэвидсон мог только догадываться, известно ли Хадсону, что его агент, допуская наступление тяжелых времен, решил застраховаться, имея на дому документы, компрометирующие Игрек-11. У Дэвидсона неожиданно появилось важное преимущество — он не боялся смерти: месяцем раньше, месяцем позже, какая разница. Его невозмутимость отрезвляла Хадсона. Наконец он не выдержал:

— Вас видели с О'Брайеном! Вы затеяли дурацкую игру.

Дэвидсон хотел бы ударить эту рожу, плюнуть или рявкнуть непристойность, но решил, что Хадсон не стоит его нервов, и только улынулся.

Хадсон знал, как ведут себя люди, к которым он приезжает до-

мой, и если Дэвидсон не раскис, значит, размахивать перед его носом револьвером смысла не имело. И тут Хадсон вспомнил, что доктор Хаузер доложил о плачевном состоянии здоровья Дэвидсона, и все встало на свои места: агент, смирившись с неизбежным, не испытывает страха. Хадсон нашел верный ход.

— Я говорил с Хаузером...— Он выдержал паузу и заметил блеск заинтересованности в глазах Дэвидсона.— Доктор считает, что вас необходимо поместить в больницу, тогда есть шанс...

При слове «шанс» Дэвидсон ожил, и Хадсон сразу заметил, что ожили и страхи. Он огляделся, обошел комнату, как бы прикидывая, где в этом доме можно спрятать то, о чем говорить не принято. Дэвидсон следил за Хадсоном, больной прозрел: ни о каком шансе Хаузер не говорил, и снова свирепость Хадсона показалась смехотворной. Дэвидсон хотел сказать — у меня ничего нет из того, что вас интересует — но понял, что это как раз настрожит Хадсона. И еще в глубине души ворочалось: вдруг все же шанс есть, и не потому, что об этом говорил Хаузер или придумал Хадсон, а потому, что шанс есть сам по себе. Предложение Хадсона отправиться в больницу он не оспаривал и сказал, что поедет завтра утром. Хадсон возразил, сказав, что тянуть незачем, он сам сейчас же ответит Дэвидсона, тем более что с Хаузером все согласовано, Дэвидсон почти ничего с собой не взял, видел недоумение Хадсона, и ему не хотелось объяснять этому борову, что не так уж много человеку надо, особенно если у него всего один шанс, да и тот призрачный.

В больнице Дэвидсон пожаловался на плохой сон, и ему что-то вкатила сестра в веснушках, с забавной мордашкой, обрамленной пушистыми волосами.

Когда он проснулся утром, то за матовым остеклением двери увидел неподвижную тень охранника. Началась рвота. Доктор Хаузер тут же примчался, держал его голову в теплых ладонях и говорил, что анализы неважные: тромбоцитов только тридцать, лейкоцитов чудовищный... Дэвидсон пожаловался на кровоточивость десен.

Агенты Бирнса лгали Хадсону, сказав, что потеряли след Стива О'Брайена: они не хотели делить успех. На самом деле с тех пор, как О'Брайена высадил Дэвидсон, его вели, выследили стоянку его автомобиля и установили маяк-пищалку; теперь радионить накрепко привязала О'Брайена к людям Бирнса.

В сумятице последних дней Стив почти забыл о пленницах пансионата Элис Иствуд и Шарлотте; сейчас он ехал туда, не подозревая, что за ним устремились люди Бирнса. О'Брайен ехал не слишком быстро, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида и даже не подозревая, что его преследователям вовсе нет нужды сидеть у него на хвосте. Они могли себе позволить отрыв, исключаящий прямую видимость, и тем не менее держали О'Брайена на короткой привязи.

Стив только теперь начал понимать, что в лице Дэвидсона мог получить поддержку, о которой не смел и мечтать; до сих пор его усилия смахивали на груду догадок и предположений, на гору строительного материала, из которого пока ничего не построено. Никто бы не принял всерьез его обвинений, но если бы Дэвидсон, знающий изнутри механику краж урана, дал показания, О'Брайен бы выиграл эту игру. Ему надоело чувствовать себя дичью, скрываться и не признаваться даже себе, что его мучает страх погибнуть глупо и так хочется жить, не только потому, что он встретил мисс Роук, но.. и поэтому в том числе. Он даже в мыслях о ней

избегал напыщенных признаний и упоминания слова «любовь» по каждому поводу, но, думая о Мэдж, у него возникало давно забытое ощущение юности — все впереди!

Машина О'Брайена въехала на узкое шоссе, обсаженное соснами, сделала крутой поворот, преодолела подъем; на возвышении оказался пансионат, в котором его ждали Элис Иствуд и Шарлотта.

Когда Стив уже шел по мягкому ковру третьего этажа, радуясь щебетанию, доносившемуся из птичьих клеток, развешанных по стенам, к пансионату подъехали люди Бирнса. Они видели, как Стив с Элис Иствуд на руках вышел в остекленную лоджию.

Через минуту Бирнс знал, где находится исчезнувшая девочка — Хадсону так и не удалось это выяснить, хотя, наверняка, он интересовался, где ее укрыли. Теперь Бирнс был уверен, что даже если он упустит О'Брайена, у него всегда будет возможность заполучить его, завладев девочкой. Бирнс предупредил агентов, чтобы ни в коем случае не сообщали Хадсону, где О'Брайен прячет Элис Иствуд. И еще выразил недовольство тем, что Хадсону сообщили о разговоре Дэвидсона и О'Брайена. Бирнс не любил, когда его плоды вкушали другие, тем более такие, как Хадсон. Он терпеть не мог людей такого склада, способных на изоляцию противника, и всегда подчеркивал, что он всего лишь розыскник. Бирнс предпочитал не знать, кто и как воспользуется результатами его работы.

О'Брайен убедился, что его никто не выслеживает, и решил, что подмена документов удалась. Он поверил, что люди Хадсона считают его мертвым, а о Бирнсе и представления не имел. Торжество от того, что ему одному удалось обвести вокруг пальца банду, придало ему сил, неожиданная уверенность в себе притушила осторожность. О'Брайен нестерпимо захотел увидеть Мэдж и позвонил ей из автомата. Когда Стив назвал свое имя, на другом конце трубки ахнули и смолкли. Он попросил разрешения приехать и в ответ услышал сдавленное «да».

Через тридцать минут О'Брайен стоял перед дверью в квартиру мисс Роук и нажимал кнопку звонка. Ему показалось, что его рассматривают в глазок, и, как всегда, он испытывал неловкость за другого, ему виделось нечто непристойное в таком изучении, будто подслушиваешь чужой разговор или подглядываешь в замочную скважину. Впрочем, ему могло и показаться. Мэдж открыла дверь; холодно переливался шелк расшитого бледно-фиолетовыми ирисами кимоно. О'Брайен протянул коробку с вином и, как часто бывает в подобных случаях, поймал себя на том, что ожидал увидеть близкого человека, о котором непрестанно думал и верил в полное взаимопонимание. И вот теперь перед ним непостижимо сложное существо и никогда не узнаешь, что творится под блестящими, бог знает сколько раз промытыми волосами.

Стиву показалось вначале, что она хотела расцеловать его, но покойников, внезапно явившихся с того света, не так уж часто целуют, да и знали они друг друга до смешного мало, не дни — часы.

Мэдж быстро накрыла стол. Напряжение первых минут встречи спало, контакт восстановился, они сидели, как старые, добрые друзья. О'Брайен рассказал, что его хотели убить — кто и за что он не знает — теперь, пока ему не станет ясно, кому он понадобился, предпочтительнее скрываться и для всех считаться обитателем царства теней. Мэдж несколько раз произвольно погладила его

руку: она искренне рада, и он напрасно подозревает в любом проявлении участия возможную фальшь.

Мисс Роук уже пережила удивление, увидев «покойника», и даже смеялась, правда, чуть нервно, когда О'Брайен описывал ей мистера Мичелли. Стив отправил в рот пригоршню конфет, поймал изумленный взгляд Мэдж и, давясь, извинился. Стены квартиры мисс Роук надежно ограждали этих двоих от мира, в котором разезжали вооруженные люди Хадсона, в котором крали уран, улыбались, молились, говорили что угодно, но думали только об одном...

— Вы давно работаете у Боуни?

Мэдж разливала кофе.

— Больше десяти лет.

О'Брайен иногда ловил себя на недоверии к мисс Роук, но через мгновение упрекал себя в тяжком грехе подозрительности.

— Зачем вам нужен Боуни? — Мэдж мелкими глотками прихлебывала из чашки.

— Дела моей фирмы... — неопределенно ответил О'Брайен.

— Какой?

О'Брайен полез в карман, протянул визитную карточку. Мэдж повертела ее, близко поднося к глазам, наверное, была близорука. Мисс Роук подошла к проигрывателю, вопросительно посмотрев на гостя. О'Брайен кивнул, Мэдж поставила пластинку.

Стив испытал очевидную неловкость: о чем говорить? Хозяйка пришла на помощь; у некоторых женщин такие улыбки, с помощью которых можно решить все проблемы.

— Нервничаете?

— Чуть-чуть. — Он и сам не знал почему здесь хорошо, а он столько дней в беголке, спит урывками. То отгоняет страх, то прислушивается к нему, потому что страх иногда дает недурные советы. Почему бы не расслабиться?

— Нервничаете из-за того, что мы одни?

О'Брайен улыбнулся в ответ и подумал, что в сравнении с ее ослепительностью у него все получилось довольно жалко.

— Считайте, что так. — Он пригладил непокорный хохолок на макушке. — Мистер Боуни доверяет вам?

— Трудно сказать... — Мэдж сидела, охватив себя руками, прозрачная ткань облегла ноги. Мисс Роук кивнула на бокалы.

— Я за рулем... — О'Брайен не успел договорить и тут же смутился, так недвусмысленно прозвучало его опасение.

Мэдж посмотрела в глаза, и ему показалось, что в него перелилось нечто, приносящее облегчение.

— Я хотел бы выпить, но если... — Стив замаялся и отругал себя за то, что, прожив почти сорок лет, не научился просто говорить о простых вещах.

Мэдж протянула руку, погладила его волосы

— Можете остаться. Я так хочу.

Они молча изучали друг друга, словно надеясь сразу найти важные изменения, которые должны были произойти после откровенного предложения мисс Роук. Стив притянул Мэдж к себе. Когда она отстранилась, он испытал головокружение, короткое, но сильное, будто снова оказался на крыше девятиэтажного здания.

— Вы были близки с Боуни? — О'Брайен не знал, зачем спросил об этом, тем более что давно понял, как глуп такой вопрос и как много теряет задающий его в глазах нормальной женщины.

— Странная логика у мужчин. Я могла бы сказать, что нет.

Но зачем? Что-то было, но так давно, словно и не было. Даже не минутная слабость, просто пики тоски у того и у другого случайно совпали, всего один раз и больше никогда не совпадали. Боуни обожает жену. Никто не верит, но это так. Он признался мне, что каждое утро повторяет жене, что любит ее. Они живут вдвоем четвертый десяток...

Мэдж изучающе посмотрела на гостя, будто в одно мгновение изгнав все личное из их отношений, и осведомилась, отчего О'Брайен интересуется предприятием Игрек-11.

Стив приготовился заранее к такому вопросу, и, как ему показало, неплохо: его фирма торгует недвижимостью, в частности домами, и, конечно, клиенты хотят знать, вероятно ли утечка ядерных материалов? Никто не хочет схватить дозу, и его бизнес под угрозой из-за нелепых слухов. Поэтому он хотел напрямую переговорить с Боуни, получить от него соответствующие разъяснения и, если можно, гарантии, чтобы заткнуть глотки болтунам, которых в последнюю очередь волнует чье-то здоровье; но процветающий бизнес О'Брайена им определенно поперек горла.

Стив слишком увлекся, но осадил себя, подумав, что после объятий пространные разговоры о делах опасны: можно сбить тональность, а подобрать ее снова весьма непросто. И еще он подумал, что недоверие между людьми стало обычным делом и так же, как он в глубине души допускал, что мисс Роук... В чем, собственно, он ее подозревал, и не скажешь. И она нет-нет, а скептически поглядывала в его сторону, хотя отрицать, что он ей нравится, не приходилось.

— Вы были женаты?

О'Брайен обрадовался: сейчас он получил компенсацию за свой дурацкий вопрос об отношениях мисс Роук с Боуни; ее вопрос ничуть не лучше, нелепый и, в сущности, никак не влияющий на их отношения.

Стив поправил бант на велюровом медведе, оседлавшем спинку дивана.

— Пробовал. Давно. Даже не верится, что столько лет один. Сначала тяготился, потом привык.

— Как это говорится? — смеясь, перебила мисс Роук. — Первые двадцать лет одиночества даются с трудом, зато потом, когда привыкаешь...

О'Брайен кивнул: вот-вот, восторженно захлопал в ладоши, нарочитостью жеста показывая, что не верит ее словам и понимает, что и ей они не по душе. В конце концов каждому хочется, чтобы рядом был некто, принимающий тебя целиком, без вычета минусов, особенно не упирая на плюсы, ничего не калькулирующий, а просто решивший однажды для себя: этот человек должен быть рядом всегда, что бы ни случилось.

(Окончание следует.)

Г Е Р М Е С О В   У З Е Л

Думается, французы не без оснований утверждают, что лучшее средство от перхоти — это гильотина. А вот Виктор Иванович Рогов из города Глазова не был знаком с этой импортной народной мудростью. Иначе не возмущался бы он в своем письме в редакцию ситуацией, в которую попал в Москве, будучи там проездом.

Дело в том, что по заданию своей нежной половины Виктор Иванович вознамерился купить в столице нашей Родины шампунь для укрепления волос. Да не наш родимый, а тот, что производят по ту сторону кордона. Себе же лично решил он купить кисточку для бритья и еще кое-какую мелочишку. И тоже не наши посконные, кондовые, сермяжные.

Прибыв в столицу, не отходя от вокзала, приобрел Виктор Иванович за неконвертируемый рубль у расторопного кооперативщика план-схему расположения престижных универмагов и, руководствуясь им, отправился в магазин «Лейпциг». Ехать пришлось «на перекладных»: в метро с пересадками, затем на автобусе аж до самой границы Москвы с ее областью. Уже из окна автобуса увидел Виктор Иванович толпу, осаждавшую фешенебельное здание из стекла и бетона. Однако дружинники и милиционеры, образовавшие заслон у входа, пропускали внутрь немногих. Как успел заметить гость из Глазова — только тех, кто предъявлял какие-то бумажки. На входной двери висело объявление: «Сегодня торговля по приглашению».

Виктор Иванович с грустью вспомнил, что именно его никто в «Лейпциг» не приглашал и собрался уйти, но рядом выросла какая-то подозрительная личность и пропитым голосом спросила:

— Талончик нужен? Всего за полсотни. Нету? А зря... Дефицит дают. Миксеры и всякое прочее.

Миксеры Рогову не были нужны. А из «всякого прочего» — лишь шампунь да кисточка для бритья. Не платить же за право приобрести это треть своей месячной зарплаты! Тяжко вздохнул Виктор Иванович и опять «на перекладных» с пересадками отправился в «Прагу». Почти час добирался он до этого престижного магазина. Но и перед ним была толпа, и такие же дюжие дружинники отражали ее натиск под объявлением «Торговля по приглашениям». И такая же подозрительная личность выросла рядом и криминальным шепотом предложила: «Талончик нужен? Стекло чешское дают». Вот только заломила личность за талон уже сотню... И тут же талон в обмен на сотенную бумажку перекочевал к брюнету с южным загаром.

Совсем было приуныл Виктор Иванович. Но оставалась еще надежда на магазины «Белград» и «Будапешт». Что же касается времени, то его у него оставалось немного. Однако, собрав воедино остатки оптимизма, с кличем «Вперед — и с песней!», ринулся Виктор Иванович в эти прославленные торговые центры. Но... и там его встречали объявления, подобные предыдущим, которые, если

перевести на разговорную речь, по смыслу означали: «Куда прешься?! Тебя не звали!»

Так, помотавшись по «гостеприимной белокаменной» весь день только для того, чтобы прочитать стереотипные объявления на парадных подъездах престижных магазинов, и, едва не опоздав на поезд, отбыл Виктор Иванович в дальнейшем направлении, увозя с собой чувство горечи, обиды и... несколько трудовых десятков, которые могли бы остаться в столичном бюджете. Как, впрочем, и сотни тысяч других «незванных гостей», транзитом следующих через Москву и уезжающих дальше с миллионами (в общей совокупности) рублей, не израсходованных здесь из-за пресловутой «торговли по приглашению».

По обиженным письмам инженера Рогова и многих других читателей-немосквичей мы решили разобраться, что же это за форма торговли такая, когда двери магазинов открываются лишь перед тем, кого сюда приглашают. И вот что выяснили. Кое-какие товары дефицитные и «повышенного спроса» в торговую сеть поступают. То сапожки женские, то миксеры электрические, то телевизоры, цветные и холодильники бытовые. Говорят, что кто-то недавно видел в магазине колбасу сырокопченую, шпроты в банках и даже крупу гречневую. Причем не в каком-то «специальном» магазине, а именно в самом обычном. Но как бы то ни было, попав в торговую сеть, товары и продукты эти большей частью из сети выпутаться не могли, и уловом успешно пользовались служители бога торговли Гермеса, а также их покровители и почитатели, несмотря на грозные молнии приказов, которые извергал со своего Олимпа Минторг СССР. Вырвавшиеся из этой сети дефицитные товары и продукты, как правило, попадали в руки не тех, кто во время торговли ими стоял за станком или занимался другим производительным трудом, а кто имел время выстоять в течение рабочего дня многочасовую очередь. А нередко и тех, кто, не утруждая руки работой, «грел» их на повышенном спросе, извлекая себе средства для существования. Особенно это было заметно в Москве с девятью миллионами жителей, куда, соответственно, товаров и продуктов завозилось больше, чем в пятидесятитысячный городок. Но и количество приезжих, желающих приобрести дефицит, в Москве несравненно больше, чем в том же городке.

В борьбе за социальную справедливость в деле распределения товаров народного потребления возникла идея выездной торговли на предприятиях и в учреждениях, уходящая своими корнями в далекое прошлое. По дошедшим до нас литературным источникам можно представить, как на Руси была организована выездная торговля, скажем, для обслуживания тружеников сельского хозяйства. Подпоясавшись красным кушаком и обув плетенные из лыка кроссовки, просовывал тверской или владимирский офеня молодецкое плечо в лямку короба лубяного, набитого товарами повседневного спроса — и «Вперед — и с песней!» Что, дескать, полным-полна у него коробушка. Есть и ситец, и парча, и другой неведомый дефицит. Не говоря об иголках, нитках и прочем ширпотребе. Даже при необходимости колечко обручальное мог отыскать для души-завнобушки. При ненормированном рабочем дне и порой в неподходящих условиях (например, в высокой ржи), до самой туманной ночи велась торговля, причем при взаимоотношениях между продавцом с покупательницей не очень целомудренных, но еще не приближенных к «Маленькой Вере». Впрочем, по причине отсутст-

вия в ту пору гласности коммерческая тайна о результатах торговли сохранена по сей день.

Современный коробейник призван обеспечить дефицитом, скажем, москвича из расчета 250 рублей в год на работающего и 100 — на пенсионера, инвалида, ветерана. Фонды распределяют по предприятиям, учреждениям и жилищным управлениям исполкомы, а на местах — профкомы и общественность. Многие москвичи были довольны новшеством, и отчасти социальная справедливость восстанавливалась. Но...

Для самих коробейников дело это оказалось хлопотным. Нужны транспорт, люди, погрузка-разгрузка товаров и очень многое другое. Вплоть до обеспечения доставки выручки с места торговли до главной кассы торгового предприятия, что очень важно в связи с появлением массы соловьев-разбойников, действующих под «ключками «рзкетиры» и караулящих коробейников за каждым углом. Московское городское территориальное производственно-торговое объединение «Мосторг» стало один за другим издавать приказы, обязывающие хозяйственных руководителей и профкомы промышленных предприятий, организаций,строек выделять, сопровождать, обеспечивать, доставлять... Но не для всех предприятий и учреждений эти приказы являлись указами. То место для торговли оказывалось непригодным, то на обратный путь транспорт не давали, то сопровождающих для транспортировки выручек не предоставляли... К тому же, как правило, торговля шла до позднего вечера, а это тоже было связано с рядом неудобств для продавцов.

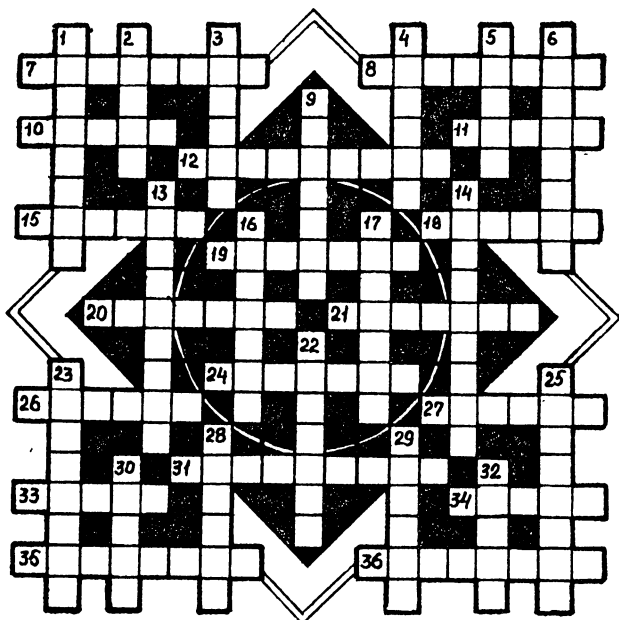
Так родилась идея другой формы «выездной торговли», когда не коробейник едет к покупателю, а совсем наоборот: покупатель идет в магазин. Поначалу решено было действовать по этому методу по воскресным дням, приглашая предприятия и учреждения «отovarиваться» дефицитом по разнарядкам райисполкомов. Но уже вскоре это вызвало неудовольствие администраций магазинов: ведь продавцам надо предоставлять отгулы. А кто тогда будет работать в будние дни?

И был выбран самый удобный для торговли путь: работать «по приглашению» в будние дни, закрывая двери магазинов для всех остальных, не приглашенных покупателей. Теперь уже «избранные» с гордым и независимым видом, сжимая в руке приглашения и талоны на дефицит, шествуют в магазины мимо тех, кто приехал в столицу не только, чтобы восхищаться Василием Блаженным и внешним видом Большого театра, но и купить что-нибудь себе и близким.

Вот так, одним махом, разрубил Гермес в лице «Мосторга» тот сложный узел, который образовался организацией торговли в Москве, разрешив проблему методом Александра Македонского, поступившего подобным образом с узлом, завязанным фригийским царем Гордием.

Увы! На деле это не решило проблемы, а еще больше запутало ее. Талонами на дефицит стали торговать — и отнюдь не только спекулянты, но нередко и те, кому достались эти талоны и кому не нужны, скажем, наборы французской парфюмерии по 50 рублей, чешское стекло и многое другое. Но раз достался талон — не пропустить же ему! Еще больше вздорожал дефицит на «черном рынке». А перед человеком, которому надо купить кисточку для бритья либо зубную пасту или галстук, — двери в магазин закрыты.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 7. Форма правления в эксплуататорских государствах. 8. Обжалование и опротестование в вышестоящий суд судебных решений, приговоров, не вступивших в законную силу. 10. Советский писатель, автор романов «Тайники раскрываются ночью», «Тайна забытого дела». 11. Глава, руководитель политической партии, общественной организации. 12. Первая в мире женщина-посол. 15. Глава дипломатического корпуса, старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в данной стране дипломатический представитель. 18. Русский адвокат, поэт, защитник на процессе «нечаевцев». 19. Вид ценной бумаги, денежное обязательство. 20. Вид учебных занятий. 21. Должностное лицо, облеченное судебной властью в Древнем Риме и средневековой Европе. 24. Необычный, исключительный факт, явление. 26. Название ряда учреждений в России XVIII — начале XX в. 27. Вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения. 31. Русский юрист, организатор русской группы Международного союза криминалистов (1895). 33. Денежные взыскания, мера материального воздействия на лиц, виновных в нарушении определенных правил. 34. Денежная сумма или другая имущественная ценность, выдаваемая в счет предстоящих платежей. 35. Популярный советский актер, снимавшийся в фильме «Ларец Марии Медичи».

36. Название суда для государственных крестьян и казаков в Российской империи в конце XVIII века.

По вертикали: 1. Должностное лицо, осуществляющее удостоверение сделок, оформление наследственных прав и т. д. 2. В ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя. 3. Официальный документ, удостоверяющий факт награждения лица или учреждения. 4. Советский кинорежиссер, народный артист РСФСР, постановщик фильмов «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука». 5. Тайная террористическая организация в Италии. 6. Разрешение, выдаваемое компетентным государственным органом на осуществление внешнеторговых операций. 9. Одно из основных средств устранения нарушений закона. 13. В СССР центральное учреждение, ведающее определенной отраслью или сферой общественной жизни, входящее в систему органов государственного управления. 14. Собрание и проверка доказательств по уголовному делу. 16. Адыгейский советский писатель, автор первого в литературе народов Северного Кавказа социального романа «Дорога к счастью». 17. Законодатель в Афинах (VI в. до н. э.). 22. Английский писатель XIX века, основоположник детективного романа в Англии. 23. Наиболее крайняя форма расовой дискриминации. 25. Исполнительница главной роли в фильме «Очная ставка». 28. Совокупность установленных законом признаков, характеризующих деяние как преступление. 29. Отделение или часть предприятия, учреждения, организации. 30. Способ обеспечения обязательств по советскому гражданскому праву. 32. Советский драматург, автор сатирической пьесы «Дракон».

Составитель С. Гальченко

ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 5. Оказия. 6. Детанг. 10. Наряд. 11. Оферта. 12. Кантон. 15. Анна. 17. Вольная. 18. Удел. 19. Подать. 20. Льгота. 24. Дыба. 25. Грабарь. 26. Вира. 29. Дирхем. 30. Деликт. 31. Ковач. 33. Серваж. 34. Ансель.

По вертикали: 1. Память. 2. Тиун. 3. Уезд. 4. Ратман. 7. Инфант. 8. Крупье. 9. Диоцез. 13. Контора. 14. Карьера. 16. Агора. 18. Устав. 21. Выжига. 22. Облава. 23. Приказ. 27. Депорт. 28. Рельеф. 31. Клан. 32. Чинш.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА**Задача 1**

Гражданская процессуальная дееспособность (способность осуществлять свои права в суде и поручать ведение дела представителю) принадлежит совершеннолетним гражданам.

Права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет защищают в суде их родители, усыновители или попечители. Однако и сами они также привлекаются судом к участию в деле (статья 32 Гражданского процессуального кодекса РСФСР).

Так что иск училище должно было предъявить к родителям Юрченко.

Задача 2

Кассационная жалоба на решение суда может быть подана сторонами или другими лицами, участвующими в деле (статья 282 ГПК РСФСР). Лицами, участвующими в деле, являются: стороны (истец и ответчик); третьи лица (то есть лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, либо лица, самостоятельных требований не имеющие, но принимающие участие в процессе, так как решение по делу может повлиять на их права или обязанности в отношении одной из сторон); прокурор; органы государственного управления, профсоюзы, государственные предприятия, учреждения, организации, колхозы, иные кооперативные организации, их объединения, другие общественные организации или отдельные граждане, когда в соответствии с законом им предоставлено право обратиться в суд в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц либо вступить в уже начатый процесс для дачи заключений; заявитель и заинтересованные граждане и организации по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, и по делам особого производства (статьи 29, 33, 37, 38 ГПК РСФСР).

Свидетели и родственники сторон не относятся к лицам, участвующим в деле, и не имеют права на подачу кассационной жалобы.

Суду следовало бы вынести определение: оставить жалобу Мишина без рассмотрения.

Задача 3

Закон разрешает гражданам закончить спор мировым соглашением. Оно утверждается судом и имеет силу судебного решения. Однако суд не должен утверждать мировое соглашение, если оно противоречит закону (статья 34 ГПК РСФСР). Гражданское законодательство не предусматривает возникновения прав и обязанностей из заключенного пари. Поэтому в данном случае суду следовало не утверждать мировое соглашение, а отказать Косову в иске.

Сдано в набор 28.06.89. Подписано в печать 25.07.89. А 12434.
Формат 84×108^{1/2}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт.
7,56. Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 000 000 экз. (1-й завод: 1 800 000 экз.).
Заказ № 897. Цена 60 коп.

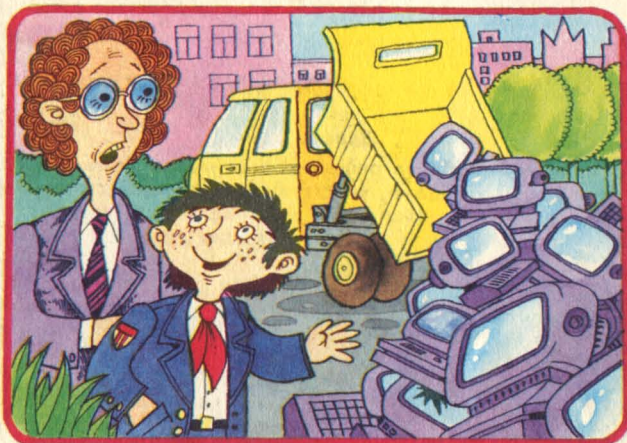
Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

Телефон 281-68-12.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП.
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

— А нам в школу персональные компьютеры привезли...

— Главное, сынок, учи химию...

Рис. С. Богачева

60 коп.
Индекс 71075

Закончилось лето — пора массовых отпусков, каникул, путешествий, экскурсий. Для многих людей надолго останется в памяти посещение заповедных уголков Отчизны. Эти снимки наш фотокорреспондент сделал в знаменитой Ясной Поляне, где родился и прожил большую часть жизни Л. Н. Толстой. И стар и млад приезжают в государственный Музей-усадьбу Л. Н. Толстого, посещают могилу великого писателя, узнают подробности о его огромном вкладе в отечественную культуру.

